

В.Н. ДЕМИН, доктор философских наук

ЗАВЕТНЫМИ ТРОПАМИ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН (начальная история и предыстория славянства)

Славян на свете много: по оценке на конец II — начало III тысячелетия — около 300 миллионов. Конечно, с населением Китая или Индии не сравнить, но все же куда больше чем англичан, французов, немцев, испанцев и итальянцев *вместе взятых*. В настоящее время к славянам — крупнейшей европейской группе народов, объединенных близостью языков, — относятся: русские (рис. 1), украинцы и белорусы (рис. 2), чехи, словаки, поляки и болгары (рис. 3), сербы и лужичане (лужицкие сербы) (рис. 4), хорваты (рис. 5-а, 5-б)*, словенцы (рис. 6-а, 6-б), черногорцы (рис. 7), македонцы (рис. 8). Традиционным местом расселения славян в последние века является Восточная Европа (включая большую часть Балканского полуострова) и Россия — вплоть до побережья Тихого океана. Славянская диаспора есть и в Америке, и в Австралии, но это — результат недавних переселений. К концу XX века все славянские народы, кроме русских (считающихся однако государственнообразующим этносом) и проживающих в современной Германии лужичан, получили государственную самостоятельность, обозначенную по имени титульной нации — Украина, Белоруссия, Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Хорватия, Словения, Македония, Сербия, Черногория (последние две страны к началу III тысячелетия были объединены в государственный союз — Югославию, однако его дальнейшее существование по ряду внешних и внутренних причин оставалось под вопросом: до конца 2001 года черногорцы намеревались провести референдум о выходе из Союза). Два славянских государственных образования получили название по занимаемой территории: Республика Босния и Герцеговина, а также самопровозглашенная и не признанная мировым сообществом Приднестровская Молдавская Республика**.

По лексическому составу (и особенно по фундаментальным корневым основам) славянские языки достаточно близки между собой, условно подразделяются на три большие группы — западные, восточные и южные, однако после принятия славянскими народами христианства базируются на разных алфавитах. Русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, черногорцы, большая часть македонцев приняли православие и как следствие —

* Здесь и далее в виде иллюстраций приводятся некоторые фотографии славянского раздела экспозиции Этнографической выставки в Москве 1867 года, где впервые целокупно были представлен не только песочный мир этносов, населяющих Российскую Империю, но и сопредельные славянские народы. В ряде случаев были представлены только национальные костюмы. Иллюстрации приводятся по изданию «Славянский мир: Этнографическая выставка 1867 года» (СПб., 2000).

** Еще полтора века назад никакой самостоятельной славянской государственности не было и в помине: все славянские народы, кроме крошечной Черногории и лужицкого этноса, проживающего на территории Германии, входили в состав трех огромных империй — Российской, Австро-Венгерской и Османской (Турецкой).

кириллическую азбуку (названную так по имени одного из ее создателей — Кирилла). Чехи, словаки, поляки, хорваты, словенцы, лужичане, перейдя от древнего язычества к христианству, с самого начала ориентировались на католическую церковь с латинским переводом Библии и соответствующим богослужению; поэтому и письменность они приняли на основе латинской графики. Правда, в Чехии и Моравии, где миссионерской деятельностью занимались сами учителя славянства — Кирилл и Мефодий — (а также на самом первоначальном этапе в древней Хорватии) некоторое время существовала глаголица — особое славянское письмо (рис. 9).

Церковная Реформация, хотя и внесла изменения в конфессиональную картину западного славянского мира, на латинское письмо ни коим образом не повлияла. Вот и получается такая на первый взгляд странная ситуация: сербы и хорваты говорят на одном и том же языке, но пишут и читают тексты, созданные с помощью разных алфавитов. К сказанному остается добавить, что часть славян бывшей Югославии (особенно в Боснии и Герцеговине, а также в Македонии), долгое время находившейся под игом Османской империи, исповедует ислам. Как правоверные мусульмане они читают (или слушают) Коран на арабском языке и многие из них знают арабскую письменность.

* * *

Некогда славянских племен — предшественников современных славянских народов — на территории Европы было значительно больше. Многим современным читателям, не изучавшим углубленно древнюю и средневековую историю, мало что говорят такие этнические названия, как *ободриты (бодричи)*, *руяне (руги)*, *вагры*, *лутичи*, *поморяне*, *хорутане*, *хижане*, *нелетичи* и др. А между тем, так прозывались предки современных славян, которые до принятия (или же во многих случаях насильственного навязывания им) христианства проживали на более обширных территориях, нежели сегодня.

Славянство в явном виде просматривается уже со времен Троянской войны, то есть с начала 1-го тысячелетия до новой эры. Причем участвовали славянские племена в знаменитой войне, воспетой Гомером, как с одной, так и с другой стороны. Славяно-скифское племя из муравьиного тотема *мирмедиионов* (от греч. *туртех (туртекос)* — “муравей”), обитавшего где-то в Причерноморье (а может, и гораздо севернее), привел под стены Илиона неистовый Ахилл, присоединив свой совершенно не похожий на эллинский отряд к разномастной армии осаждавших Трою ахейцев.

Но и среди осажденных защитников Трои были славяне. Гомер называет их *энетами*. Это те самые *венеды (венеты)*, которые впоследствии были известны по всей Европе. Возглавлял троянский отряд энетов (венедов) Антенор. Корневая основа его имени «ант» — та же, что и у этнонима *анты* (так славян прозывали византийские историки), она обнаруживается и в более ранних мифологемах-образах: например, великан Антей, Антиклея (мать Одиссея), Антиной (предводитель женихов — претендентов на руку Пенелопы), Антигона (дочь царя Эдипа), Антиопа (одна из многочисленных возлюбленных Зевса) и т.п. У Антенора и его энетов были какие-то особые отношения с греками, поэтому они позволили ему и другому счастливчику — будущему родоначальнику Римской державы Энею — живыми покинуть Трою после ее взятия и поголовного уничтожения всех остальных защитников. Дальнейшее хорошо известно хотя бы по «Энеиде» Вергилия: Эней и Антерон приплыли в

Италию, где положили начало будущей Римской цивилизации. Имя Эней созвучно этнониму энепы (венеды), что тоже говорит само за себя.

Всё это прекрасно осознавал еще Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) — он следующими мощными аккордами открывал историю славянских народов:

«Величество славенского народа <...> даже до баснословных еллинских времен простирается и от Троянской войны известна. Енепы, венеты или венды народ словенского поколения, с королем своим Пилимоном бывши в Трое для ее от врагов защищения, лишились своего государя и для того, соединясь с Антенором, отъехали во внутренний конец Адриатического моря и, поселясь по берегам, где ныне Венецейское владение, далече распространились».

Сказанное косвенно подтверждает одна надгробная этруская надпись, введенная в научный оборот еще в середине XIX века знаменитым историком Теодором Моммзеном (1817—1903). Она приводится в хорошо известной (благодаря репринтным переизданиям) книге Егора Классена «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов дорюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова». Вып. 1 (М., 1854). Фаддей Воланский выявил в моммзеновской надписи не только имя самого Энея, но также и множество славянских корней, включая название России (Расии). Все это вместе взятое позволило Воланскому и Классену предположить, что Моммзеном была найдена могила самого Энея. Выходит, не так уж и далек от истины был Иван Котляревский (1769—1838): хотя он и спародировал Вергилия, но зато почувствовал в латинских гекзаметрах подлинно славянский (малоросский) аромат:

*Эней был парубок бедовый
И хлопец хоть куда казак,
На шаши пряткий, непутевый,
Затмил он записных гуляк.
Когда же Трою в битве грозной
Сровняли с кучею навозной,
Котомку сгреб и тягу дал;
С собою прихватив троянцев,
Бритоголовых голодранцев,
И грекам пятки показал.
(Перевод с украинского Веры Потаповой) **

* На языке оригинала бессмертные строки сатирической поэмы звучат так:

*Еней був парубок моторний
І хлопець хоть куди козак,
Удавсь на всеє зле проворний,
Зивзятіиший од всіх бурлак.
Но греки, як спаливши Трою,
Зробили з неї скирту гною,
Він, взявши торбу, тягу дав;
Забравши деяких троянців,
Осмалених, як гиря, ланців,
Пятами з Трої наживав.*

Вообще-то Троя — тоже славянское название, хотя числительное «три» и звучит одинаково в большинстве индоевропейских языков. Еще выдающийся русско-украинский историк Николай Иванович Костомаров (1817—1885) (рис. 11) в «Славянской мифологии» (а вслед за ним и академик А.Н. Веселовский) обратил внимание на сходство топонима Троя и этнонима «троянцы» с фольклорным собирательным понятием «трояны», обозначающим, как правило, трех братьев, но относящимся также и к другим лицам, родственно связанным между собой. Классическими братьями-троянами древнерусской истории были основатели Киева Кий, Щек и Хорив. Вот почему в устных народных легендах Киев иногда именовался Троей, не тождественной, естественно, малоазийской Трое-Илиону. Известно также славянское языческое божество Триглав — еще один Троян, которого помнит «Слово о полку Игореве»: «Трояновы века» и «Троянова тропа».

Во времена Гомера троянцами именовали не только защитников стольного города, но всех жителей Троянского царства. Между прочим, основателем Троянского царства и его столицы считается Дардан, сын Зевса и титаниды-плеяды Электры. В честь основателя Трои и по сей день носит свое название пролив Дарданеллы, но несомненный интерес представляет также и имя праотца многих троянских героев «Илиады»: оно состоит из двух чисто славянских корней «дар» + «дан» и не нуждается в переводе, ибо означает то, что означает — «дар дан».

После падения и разрушения Трои часть уцелевших троянцев-дарданцев рассеялась по всей земле. Сказанное относится не только к уже упомянутым энетам (венедам), но к основателям будущей Франкской империи (о чем наперебой сообщают средневековые хронисты). Быть может, это дало основание знаменитому византийскому историку Прокопию Кесарийскому (около 500 — после 562) наименовать славян по-гречески «спорами», то есть «рассеянными». Вот почему начале нового тысячелетия венеды заселяли обширные территории от западных рубежей современной России до нынешнего датского побережья Балтики, занимая практически всю территорию теперешней Германии. Германские племена в то время обитали намного западнее и лишь впоследствии вытеснили и ассимилировали славянские племена на их исконно славянских землях.

В 2000 году словенские исследователи Йожко Шавли, Матей Бор и Иван Томажич выпустили на английском языке фундаментальный труд «Венеты: первые строители европейского сообщества» (русский перевод — 2001 год), где приводится множество новых (нередко — сенсационных) данных, подтверждающих уникальную роль предков славян в общеевропейских этнических процессах.

Корень «вен» сохранился во многих словах русского языка: véно (выкуп за невесту, приданое), вена (кровеносный сосуд), венец, венок, веник и др. Данная корневая основа содержится и в персидском названии вступительной и наиболее архаичной части священной книги древних иранцев *Авесты*. В местах бывшего расселения венедов остались названия городов и рек, образованные от родового имени исчезнувшего народа. Среди них — достославные Вена и Венеция, а также города в Латвии в местах, где раньше жили древние славяне, — Вентспилс на реке Вента и Венден (первоначальное название Цесиса). Среди древних богов, коим поклонялись венеды, — знаменитая богиня любви Венера (по-латински *Venus*): ее культ восходит к

самым глубинным корням индоевропейской и доиндоевропейской этнокультурной общности, но соответствующее имя было воспринято лишь той частью отпочковавшихся народов, которые, мигрируя с севера и минуя Альпы, оказались, в конечном счете, на Апеннинском полуострове на территории Древнего Рима и современной Италии.

Имя славянского племени *венеды* созвучно с названием другого древнего народа — *вандалы* (в ряде случаев «вандалы» так и писались — «венды»). Вандалы — канонизированное название одного из ответвлений древнеславянской этнолингвистической общности. По Иоакимовской летописи, наиболее важные и недошедшие до нас фрагменты которой приводятся в «Истории Российской» Татищева, среди легендарных правителей Словенска, первой столицы Древней Руси, значится князь Вандал, который «владеа славянами, ходя всюду на север, восток и запад морем и землею, многи земли на вскрай моря повоева и народы себе покоря, возвратися во град Великий». Далее летописец рассказывает о сыновьях Ванда — Изборе, Владимире и Столпосвяте, носящих, как нетрудно убедиться, чисто русские имена.

Имя Вандал тоже славянское: об этом прямо говорят некоторые средневековые хронисты. В Польше до сих пор широко распространено одно из популярных женских имен — Ванда. Да и исконно русское имя Ваня, скорее всего, унаследовано от древнейшей эпохи, и лишь сравнительно недавно, после принятия христианства, было совмещено с еврейским Иоанном (сопряжение же последнего с русским Иваном, скорее всего, происходило по упомянутой схеме). Дело в том, что древнескандинавский эпос знает целый класс богов — *ванов*, соперников *асов*. Наиболее известной представительницей *ванов* является богиня любви и красоты *Фрейя* (коррелирует античной Афродиты-Венеры) — наперсница верховного скандинавского бога *Одина*.

Уместно предположить, что на определенной стадии распада одной из ветвей былой арийской общности *ваны* представляли собой идеологическую или религиозную доминанту (об этом косвенно свидетельствуют и недолго просуществовавшее *Ванское царство*, и легендарная земля *Вантит*, которая, согласно средневековым арабским источникам располагалась где-то между Окой и верховьями Дона, и связующее слово «ван» в голландских фамилиях). Так вот, не лишено вероятности, что имя Вандал изначально означало «ван» + «дал», то есть «бог дал» (по аналогии с более поздним Богданом и образованным по той же схеме Валдаем и Дажьбогом).

Вполне допустимо, что германцы, завоевав балтийскую Вандалию, восприняли ее имя, подобно тому, как в дальнейшем это произошло с покоренной негерманской Пруссией. Впрочем, «исконность», так сказать, в данном случае не имеет никакого значения, ибо, чем дальше в прошлое, тем меньше различий и больше социокультурного и языкового сходства у некогда единых индоевропейских этносов. Лишним подтверждением тому может служить и тот факт, что одно из кельтских племен на берегу Атлантического океана (территория современной Франции) также носило название *венетов*. О них подробно рассказывается в «Записках о галльской войне» Гая Юлия Цезаря. С учетом чередования гласных в корневой основе «вен—ван» можно предположить, что к ней восходит и название знаменитой французской «мятежной» провинции Вандеи.

Еще в начале XVI века один из основоположников польской историографии Мацей Меховский следующим образом писал о вандалах в популярном «Трактате о двух Сарматиях»:

«В тех местностях Великой Польши и Силезии лехиты, они же поляки, размножились, волей божьей весьма возросли числом и наполнили Вандалию, то есть Польшу у реки Ванда, ныне именуемой Вислой, а также Померанию, Касубию и всю область по Германскому морю, где ныне Марка, Любек и Росток, вплоть до Вестфалии. Они получили разные наименования, соответственно разным местам жительства. Те, что жили у реки Свены (потевтонски Спре или Спрева), названы были Сиевы. Другие близ них — от хижин и куч, которые они на своем польском языке они зовут бруги, стали именоваться бургундами. Так и спрочими: древляне и травяне получили имя по обилию дерева и травы (позднее бургунды сели по Рейну, а Октавиан перевел их в Галлию». [Стоит ли после этого удивляться, что Ванда до сих пор остается в Польше одним из самых популярных женских имен? – В.Д.]»

Также и далматинский историк XVII века Мавро Орбини, родоначальник южнославянской исторической мысли, опираясь на утраченные летописи, в своем фундаментальном труде «Славянское царство» (1601 г.), написанном по-итальянски, указывал, что вандалы имели то же наречие, обычаи и веру, что и русские. И именно вандалы, по Орбини, послали на княжение в Великий Новгород Рюрика с братьями. Автор даже составил словарь русско-вандалских параллелей, из коего наглядно видно поразительное языковое сходство, переходящее в ряде случаев в полную тождественность лексем.

Данные южнославянского историка подтверждают и другие источники. Так, посол «великого кесаря» ко двору Великого князя московского Василия III Сигизмунд Герберштейн (1486—1566), бывший, кстати, по рождению словенцем (территория, населенная словенцами, входила в те времена в состав Священной Римской империи, а позже — Австро-Венгрии), прямо пишет в своих знаменитых «Записках о Московии», что вандалы, к коим относились и варяги, «имели общие с русскими язык, обычаи и веру», что Гостомысл, «муж благоразумный и уважаемый новгородцами», посоветовал землякам пригласить на княжение «вандала» Рюрика, вместе с братьями. Сообщение венского посла ценно еще и тем, что оно подтверждает факты, приводимые в Иоакимовской летописи (в частности, о посреднической роли знаменитого Гостомысла, историчность которого оспаривали русские историки XIX и XX веков, начиная с Карамзина).

* * *

Благодаря Прокопию Кесарийскому сохранились драгоценные свидетельства о славянском мире VI века нашей эры:

«...Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они

не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву и то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают. Иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и у других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, по все они темно-красные. Образ жизни у них как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но, по существу, они неплохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. В древности оба эти племени называли спорами («рассеянными»), думаю, потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть Истра [Дуная], по ту сторону реки».

Другие византийские историки также зафиксировали немало важнейших подробностей о быте и обычаях славян. Среди многих свидетельств особенно выделяются заметки двух императоров — Маврикия Стратега (582—602) и Константина VII Багрянородного (908—959). Император Маврикий особое внимание обращал на воинское искусство славян, поражавшее даже многоопытных византийцев:

«Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнутыми внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, достигающие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне реки, дышат с помощью их^{}. И это могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их присутствии. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде, лица же, знакомые с этой уловкою и распознающие камыш по его обрезу и занимаемому им положению, пронзают камышами глотки лежащих или вырывают камыши и тем самым заставляют их вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дольше оставаться в воде.*

^{*} Любопытно, что точно такие же военные хитрости с камышинками практиковались и в Китае — древнем и средневековом.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но труднопереносимые. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильнодействующим, если раненый не примет раньше противоядия или не воспользуется другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша помериться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются в них, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто они бросают добычу как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными, придумываемыми ими способами с целью заманить противника».

Константина Багрянородного, казалось бы, интересовали совершенно иные вопросы: регулярные плаванья славян по Днепру на лодках-однодеревках, преодоление разными способами семи днепровских порогов, жертвоприношения петухов у тысячелетнего дуба на острове Хортица (где впоследствии обосновалась Запорожская Сечь), соперничество с печенегами. Но это не чисто познавательный интерес. Вот уже более трех веков Византийская империя подвергалась непрерывным атакам со стороны на первый взгляд разрозненных славянских племен, которые в решающий момент превращались в грозную, не ведающую поражений силу. Проникая повсюду, как струи дождевой воды, обрушившиеся на пересохшую степь, славяне наводили страх и ужас на подданных империи даже в пору ее наибольшего могущества и процветания. Послушаем еще раз Прокопия из Кесарии — главного хрониста царствования Юстиниана (речь идет о набеге славян на Балканы):

« До пятнадцати тысяч мужчин они [славяне] тотчас же убили и ценности разграбили, детей же и женщин обратили в рабство. Вначале они не щадили ни возраста, ни пола; оба эти отряда с того самого момента, как ворвались в область римлян, убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта не погребенными телами. Они убивали попадавших им навстречу не мечами и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодицами, а затем под давлением (тела) проникало во внутренности человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними. Иногда эти варвары, вбив глубоко в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак или как змей или других каких-либо диких животных. Остальных же вместе с быками или

мелким скотом, который они не могли знать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали без всякого сожаления. Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и варвары из другого отряда, как бы упившись морем крови, стали некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой бесчисленные десятки тысяч пленных».

Славяне чувствовали свою силу и знали себе цену. Свидетельствует еще один византийский историк VI века, носивший распространенное греческое имя Менандр. Он служил в императорской гвардии, участвовал в битвах со славянами и аварами и потому получил прозвище Протектор. Так вот, по свидетельству Менандра Протектора, когда аварский князь, по «странному совпадению» носивший славянское имя Баян, пытался подчинить себе славянских вождей, утвердившихся на Балканах, те ему ответили: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой землей, а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи» (эти слова уже приводились в 1-й части).

Между прочим, столь решительный и непреклонный отпор авары получили примерно в то же самое время, когда, поработив другое славянское племя — дулебов — издевались над ними как хотели. Эти дулебы жили где-то в Прикарпатье, отличались мирным нравом и думали, что смирение им поможет. Как бы не так! Пока другие славянские племена отвоевывали себе жизненное пространство на Балканах, дулебы попали под жесточайшее аварское иго, известных в русских летописях под именем *обров*. Про то, как издевались обры над дулебами, как впрягали в повозки дулебских жен и насильничали над ними, нынче всяк знает. Но и урок, должно быть, не пропал даром. Славяне лишний раз на собственной шкуре познали простую и старую, как мир, истину: кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую. Недаром в дальнейшем русские люди денег и припасов на содержание княжеской дружины или царского войска не жалели. Традиция сохранилась и поныне: Россия сильна не только самой армией, но и поддержкой ее народом!

* * *

История славянства не ограничивается однако первыми веками новой эры или последними — накануне ее. История эта прослеживается далеко в глубь тысячелетий и неотделима от судьбы всех индоевропейских народов. Как известно, славянские языки относятся к большой и разветвленной семье индоевропейских языков (рис. 12). Еще в прошлом веке было доказано (и это стало одним из блестящих триумфов науки), что все входящие в нее языки и, следовательно, говорящие на них народы имеют общее происхождение: некогда, много тысячелетий тому назад, был единый пранарод, именуемый иногда арийским, с единым праязыком (рис. 13). Всего известно свыше 30 самостоятельных языковых семей — точная классификация затруднена из-за неясности: на сколько обособленных языковых семей подразделяются языки индейцев Северной, Центральной и Южной Америк; в различных энциклопедиях, учебной и справочной литературе их число колеблется от 3 до 16 (причем ряд лингвистов вообще предполагает отказаться от традиционной классификации и перейти к группировке на совершенно ином основании). Языковые семьи не равноможны: например, на языках китайско-тибетской

семьи говорит около миллиарда человек, на кетском же языке (обособленная семья) — около одной тысячи, а на юкагирском языке (тоже обособленная семья) — менее 300 человек (и кеты и юкагиры — малые народности России).

Слова-лексеммы любого языка берут свое начало в самых невообразимых глубинах человеческой истории. Они, точно несмыываемые следы, сохраняют на себе отпечаток тех неимоверно далеких времен, когда современные языки представляли собой единое целое в составе пусть несколько примитивного, но зато общего человеческого праязыка. То была эпоха, когда, говоря словами самой же Несторовой летописи, «быша человеци мнози и единогогласни» [то есть «говорили на одном языке»]. (Другой перевод соответствующего резюме из Лаврентьевской летописи: был "род один и язык один"). Здесь Нестор опирается на Библию: «На всей земле был один язык и одно наречие» (*Быт. 11, 1*). Это – канонический русский текст. В дословном научном переводе знаменитая фраза звучит еще более впечатляюще: «И был на земле язык один и *слова одни и те же*».

Не надо думать, что легендарное представление о былом единстве языков, кроме Библии, нигде больше не встречается. Предания о некогда общем для всех языке зафиксированы в разных концах земного шара у таких экзотических, совершенно непохожих друг на друга и абсолютно не связанных между собой народов, как племена *ва-сена* в Восточной Африке, *качча-нага* в индийском Ассаме и у южно-австралийских туземцев, живущих на побережье бухты Энкантер. О былом единстве языков свидетельствуют и древнейшие шумерийские тексты. Так, в известном фрагменте о Золотом веке прямо говорится о том времени, «когда речь человечья единой была», и лишь впоследствии языки расщепились и возникло «разногласие».

Вот он ключ к разгадке многих тайн древнейшей истории! Не надо никуда ездить и ничего раскапывать. Всё под руками, точнее - перед глазами. Нужно только научиться реконструировать первоначальный смысл, заложенный и навечно сохраненный в текстах, проследить его трансформации на протяжении тысячелетних перипетий. Понятно, придется отказаться от некоторых укоренившихся предрассудков и приобрести определенные навыки, дабы в буквальном смысле научиться читать не только между строк, но и между слов и даже между букв. Но вначале небольшое отступление о *едином происхождении языков мира* *.

Большинство филологов и историков данную концепцию активно отвергает, считая, что все языковые семьи возникли когда-то самостоятельно, как грибы после дождя. И между ними существует – если уж не «китайская стена», то непреступная загородка – это уж точно. Как же вообще возникает язык? И почему? Ответы на поставленные вопросы традиционно вращаются вокруг чуть ли не фатальной *случайности*. Случайно на Земле появился человек - к тому же "от обезьяны". Случайно первоначально издаваемые им нечленораздельные звуки превратились в связную речь. Классические теории происхождения языка все как одна ориентируются на случайность и вообще даже по своим неформальным названиям, негласно данным им филологами, носят какой-то легкомысленный характер: теория "вау-вау" (язык возник в результате звукоподражания животным, птицам и т.п.); теория "ням-ням" (слова языка - результат первоначального детского лепетания); теория "ой-ё-ёй" (всё началось с произвольно произносимых звуков и выкриков; и т.д.

* Я вынужден здесь повторить отдельные фрагменты из моих предыдущих книг. В противном случае многие аргументы и факты могут показаться непонятными.

Между тем слова любого языка образуются не в виде свободного или случайного набора звуков и столь же случайного привязывания их к обозначаемым объектам. Существует общая *закономерность*, обусловленная природной структурой энергетического поля Вселенной. На таком понимании глубинных законов Космоса настаивал великий русский ученый и мыслитель Константин Эдуардович Циолковский (1857-1935). Согласно данной концепции, в самой природе содержатся информационные матрицы с единой смысловой структурой, что, в конечном счете, и реализуется в словах и понятиях. Смысл *не зависит* от языка (и соответственно - от системы письма, звукового или знаково-графического выражения); напротив, любой язык целиком и полностью *зависит* от смысла.

Потому-то и есть достаточно оснований утверждать, что в самых глубинных истоках, на заре становления людского рода все без исключения языки имели общую основу — а, следовательно, и сами народы имели общую культуру и верования. К такому выводу приводит, к примеру, анализ самого архаичного и консервативного пласта лексем всех языков мира — указательных слов и местоимений и возникших позже на их основе личных местоимений всех модификаций. Удастся выделить несколько первичных элементов, которые повторяются во всех без исключения языках мира — живых и мертвых, донося до наших дней дыхание Праязыка. Какая-то случайность здесь полностью исключена.

Серьезные ученые-языковеды во все времена по-разному доказывали, что утверждение Библии о былом единстве языков — отнюдь не метафора. Наиболее убедительно это было сделано уже в наше время. В начале XX века итальянский филолог Альфред Тромбетти (1866—1929) выдвинул всесторонне обоснованную концепцию *моногогенеза языков*, то есть их единого происхождения. Практически одновременно с ним датчанин Хольгер Педерсен (1867—1953) выдвинул гипотезу родства индоевропейских, семито-хамитских, уральских, алтайских и ряда других языков.

Примерно в то же самое время набрало силу «новое учение о языке» советского академика Николая Яковлевича Марра (1864—1934) (рис. 14), где неисчерпаемое словесное богатство, обретенное многочисленными народами за их долгую историю, выводилось из четырех первоэлементов: "сал", "бер", "йон", "рош"* . После появления известной работы И.В.Сталина по вопросам языкознания марристка теория была объявлена лженаучной, а ее приверженцы подверглись гонениям. Сама тема долгое время считалась запретной. Я прекрасно помню, как в начале 60-х годов, еще будучи студентом, задавал преподавателям университета вопрос о моногогенезе языков: хотя Сталина давно не было в живых, а культ его личности развенчан, — маститые

* Лингвистическая теория Н.Я. Марра по-другому именовалась *яфетической*, а учение в целом — *яфетологией*. Вполне научный и широко распространенный до спровоцированного Сталиным погрома термин является производным от имени *Иафет* — сына библейского патриарха и праотца Ноя. В то время имя Иафета писалось как *Яфет* (в древнерусском написании — *Афет*). С ним сопряжено имя древнегреческого титана *Япета*, отца Прометея. Названные имена-мифологемы — отзвуки не дошедшей до нас в виде письменных источников далекой предыстории человечества, связанной с последним глобальным геофизическим, гидрологическим и климатическим катаклизмом, известным в обиходе по емкому понятию «всемирный потоп». Вот почему *яфетология* как обобщенная концепция (не узколингвистическая в марристском понимании, но предельно широкая, учитывающая многообразные данные науки и культуры) вполне заслуживает возрождения и всемерного развития.

мэтры столбенели и лишались дара речи от одного только вопроса на крамольную тему. Помимо концепции "языковых первоэлементов" Марр во множестве публиковал и конкретные лингвистические доказательства в пользу былого единства языков, культур и не родственных на первый взгляд этносов. Так, в 1926 году вышла в свет его статья "От шумеров и хеттов к палеоазиатам", где демонстрируется общность происхождения слова "женщина" (а также "вода") в южных месопотамских и малоазиатских языках, с одной стороны, и в северных палеоазиатских (чукотский, эскимосский, юкагирский языки), с другой стороны. А в 1930 году Марр опубликовал обширную работу с беллетристическим названием — "Яфетические зори на украинском хуторе. (Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке)", где на многочисленных и конкретных примерах продемонстрировал доиндоевропейские базовые элементы славянских языков.

В середине века наибольшую популярность получила так называемая «ностратическая» (термин Педерсена), или сибиро-европейская (термин советских лингвистов), теория; в ней идея Праязыка доказывалась на основе скрупулезного анализа крупных языковых семей. (На эту тему было опубликовано несколько выпусков сравнительного словаря рано погибшего ученого В.М.Иллича-Свитыча.) Совсем недавно американские лингвисты подвергли компьютерной обработке данные по всем языкам Земли (причем за исходную основу был взят лексический массив языков северо-, центрально- и южноамериканских индейцев), касающихся таких жизненно важных понятий, как деторождение, кормление грудью и т.п. И представьте, компьютер выдал однозначный ответ: все языки без исключения имеют общий лексический базис.

Теория моногенеза языков вызывает скептическое неприятие специалистов. Однако гораздо более нелепой (если хорошенько вдуматься) выглядит противоположная концепция, в соответствии с которой каждый язык, группа языков или языковое семейство возникли самостоятельно и обособленно, а потом развивались по законам, более или менее одинаковым для всех. Логичнее было бы предположить, что в случае обособленного возникновения языков законы их функционирования также должны были быть особенными, не повторяющимися (гомоморфно или изоморфно) друг друга. Такое совпадение маловероятно! Следовательно, остается принять обратное. Здесь права Библия, а не ее противники. Безусловно, единство языка ничего общего не имеет с антропологическим единством использовавших его этносов. На современном английском языке говорят представители разных рас и множества совершенно не схожих друг с другом народов, но данный факт языкового единства ни коим образом не сказывается на антропологической однородности. Как видим, аргументов в пользу языкового моногенеза более чем достаточно. И можно с полным основанием утверждать, что *единый пранарод, единый праязык и их общая прародина относятся не к одним лишь индоевропейцам, но ко всем без исключения этносам, населявшим Землю в прошлом и настоящем.*

* * *

Но если некогда существовал единый пранарод с единым праязыком, то, вне всякого сомнения, была и единая территория проживания. Где же находилась эта древняя прародина? Существует много теорий. Разные авторы помещают Прародину индоевропейцев (ариев) в разных местах (рис. 15): Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский — в степях Евразии; Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов — в Передней Азии, на территории, примыкающей

к Кавказу (рис. 16), В.А. Сафронов и Ю.А. Шилов, Ю.Д. Петухов и многие другие — в Восточной Европе (рис. 17), А.И. Асов, Е.С. Лазарев и Н.Р. Гусева — на Севере и т.д. Каждый автор приводит немало убедительных аргументов в пользу отстаиваемой гипотезы. Но на какую бы глубину не опускались бы — ученые историки и археологи — хронологическую планку своих изысканий, их выводы — всего лишь одна из возможных гипотез.

Вот, к примеру, как рисуется начальная история иноевропейцев известному украинскому автору и археологу Юрию Алексеевичу Шилову, опубликовавшему на данную тему несколько монографий, наиболее известная и фундаментальная из которых «Прародина ариев: История, обряды, мифы» (Киев, 1995):

«В основе всех культур и народов, а тем более этнолингвистических общностей вроде индоевропейской или семитской, лежат священные мифоритуалы сотворения мира (космогонические мифы). Они образуют типолого-хронологический ряд, довольно устоявшийся за 82 столетия развития земной цивилизации, начатой примерно с 6300 г. до н. э. древнейшим в мире государством Араттой. Можно считать, что за это время человечество прошло полный виток диалектической спирали развития цивилизации (государственности), характеризующийся освоением вещественных проявлений материального мира. Полюсами витка, его началом и концом явились две основных революции — Великая неолитическая (по Г. Чайлду, выдающемуся археологу 20 в.) и Научно-техническая (по К. Марксу и другим основоположникам исторического материализма). Первая из них ознаменовала переход от присваивающего к производящему хозяйству; от собирательства и охоты - к земледелию и скотоводству, которые вывели общество из лона "матери-природы" и сделали ее "хозяевами". Вторая же революция вывела человечество на полевой уровень материального мира, который и будет осваиваться начавшимся в 20 в. витком развития цивилизации.

До того как биоценоз не был нарушен Великой неолитической революцией (ВНР), космогонические мифы черпали свои сюжеты из формальных явлений природы: из снесенного Прачерепухой яйца или из поднятого Праптицей комочка донного ила. Когда же ВНР породила ценную реакцию противоречий, интеллектуальная элита, стремясь сохранить и упрочить былую гармонию, начала погружаться в сущность явлений: в макрокосмос с его астральными календарями и в микрокосмос человеческого естества. Тогда сущность космогонических мифов обрела вид архетипов (по Карлу Юнгу), коренящихся в пересечениях этих взаимообратных путей. Такие пересечения были открыты недавно санскритологом Ф.Б.Я.Кейпером в сюжетах и терминах индоарийских Вед».

Лично я придерживаюсь полярной концепции происхождения человеческой цивилизации, согласно которой последняя зародилась на Севере и длительное время существовала в границах исчезнувшего ныне Арктического материка — Арктиды-Гибербореей (или Туле). Наиболее существенные факты и свидетельства, позволяющие реконструировать подлинные исходные точки отсчета мировой истории и предыстории впервые были сформулированы в классической книге выдающегося индийского ученого и общественного деятеля Балгангадхара Тилака (1856-1920) (рис. 18) "Арктическая родина в Ведах". Здесь

путем скрупулезного текстологического анализа доказано: в священных книгах древних индийцев и их прапредков описаны не южные, а северные реалии - полярное звездное небо, полярные день и ночь, полярные зори и сияния.

Аргументы, приводимые Тилаком, следующие. В древнейших источниках, например, в Тайттирии-Брахмане (а также в Авесте) описывается Прародина человечества, где Солнце всходит и заходит по одному разу в год, а сам год делится на один долгий день и одну долгую ночь, — что, как известно, соответствует ситуации, фиксируемой в высоких полярных широтах. В Ведах же встречаются такие высказывания: «То, что есть год, — это только один день и одна ночь Богов»; «В Меру Боги видят Солнце восходящим только один раз в году». Общие положения подкрепляются более детальными, основанными на точном математическом расчете современных ученых: он свидетельствует, в частности, что в Ригведе описываются зори более продолжительные, чем они могут быть на юге; там же рассказывается о северном сиянии и летнем поведении Солнца вблизи полюса, когда оно поднимается на максимальную высоту над горизонтом, некоторое время «стоит» на месте, прежде чем начинает опускаться. По расчетам специалистов, растянутые утренние и вечерние зори, как они описываются в гимнах Ригведы, вполне соответствуют тому, что наблюдается сегодня на широте Мурманска.

Фундаментальный труд Тилака общепризнан во всем мире. Изданный впервые на английском языке в 1903 году и в дальнейшем переведенный на многие языки мира, он, тем не менее, долгое время был недоступен российскому читателю. Правда, существовал добротный и подробный пересказ концепции Тилака, включенный в интересную книгу русского зоолога (сербского происхождения) Е.А. Елачича "Крайний Север как родина человечества" (СПб., 1910). Лишь благодаря невероятным усилиям и подвижнической деятельности профессора Наталии Романовны Гусевой — у ней, кстати, хранится единственный в России экземпляр книги Тилака, подаренный его внуком — в 1998 году впервые увидели свет на русском языке обширные отрывки из исследования индийского ученого, а в 2001 году вышел ее полный перевод.

Характерным образцом доказательств, приводимых Тилаком, могут послужить приводимые ниже отрывки из 4-й главы, озаглавленной "Ночь Богов":

"В Ригведе (1. 24, 10) созвездие Большой Медведицы описывается как высокостоящее что говорит о положении, видимом только в циркумполярной области. <...> Утверждение, что день и ночь Богов делятся по шести месяцев, крайне широко распространено в древнеиндийской литературе. Гора Меру признается нашими астрономами земным Северным полюсом. "На Меру Боги видят Солнце после его одноразового восхождения и на протяжении его пути, равного половине его обращения вокруг Земли". <...> Это подтверждается и таким авторитетным источником, как "Законы Ману" (1, 67): "У Богов день и ночь - (человеческий) год, опять разделенный надвое: день - период движения Солнца к северу, ночь - период движения к югу. <...> В Тайттирия Брахмане мы тоже встречаем четкое определение: "год - это всего лишь день Богов" (111, 9, 22. 1). <...> В Авесте (Вендидад, фаргад 11) в священной книге парсов [зороастрийцев], мы видим аналогичное утверждение, отмечающее все сомнения касательно его полярного характера: "Что они считают днем, то есть год". <...> И здесь же Ахура Мазда говорит: "...Там

звезды, месяц и Солнце можно лишь один раз в год видеть восходящими и заходящими, и год кажется только одним днем"..."

Главное внимание в книге Тилака уделено анализу древних индо-иранских источников. Но он обращается также и к мифологии других народов и, в частности, славян. В доступных ему фольклорных текстах (естественно, не на языке оригинала) выдающийся ученый обнаружил упоминания **полярной ночи** — по крайней мере, такой вывод напрашивается сам собой. Фрагмент русской сказки, который приводит Тилак в переводе на английский язык, звучит следующим образом (опять-таки в обратном переводе — но уже с английского на русский):

*«Некогда жила пара пожилых людей, имевшая трех сыновей. Два из них были разумны, а третий, Иван, был глупым. И в земле, где он жил, не было никогда дня, но всегда **царила ночь** [выделено Тилаком. В.Д.]. Это был результат влияния змея, и Иван убил этого змея. Но тогда явился змей о двенадцати головах, но Иван убил и его и разрубил все его головы. И немедленно над этой землей засиял свет».*

Тилак проводит вполне приемлемую параллель между русской волшебной сказкой и известными гимнами Ригведы о борьбе ведийских богов с Вритрой — драконом (змеем) мрака (рис. 19), по Тилаку, олицетворяющим все ту же полярную ночь. В борьбе армии Индры и Марутов — божеств ветров — с силами мрака на стороне первых участвует еще одно ведийское божество по имени Трита Аптья. Трита означает «третий» (Аптья переводится «рожденный водой»). Тилак усматривает прямую генетическую связь между ведийским Тритой и **третьим** сыном волшебных славянских сказок (в данном конкретном случае — русским Иванушкой-дурачком). Полярную нагрузку, по Тилаку, несет и другой демонический герой русских сказок — Кощей Бессмертный.

Глухие воспоминания о полярной прародине, превратившиеся в сказочные мифологемы можно обнаружить в фольклоре и других славянских народов. В изумительной по своей красоте словацкой сказке «Солнечный конь» подробно рассказывается о той далекой эпохе, когда прапредки современных славян обитали в циркумполярных областях, окруженные иными, нежели теперь, полярными реалиями:

«За горами, за лесами была когда-то печальная страна, в которой никогда не светило солнце. Привольно там жилось летучим мышам да совам, а вот люди давно бы ушли оттуда куда глаза глядят. Но был у короля той страны конь с солнцем во лбу, которое озаряло все вокруг совсем как настоящее Солнце. Водили этого коня по всей стране, и куда бы он ни пришел, там становилось светло как днем. Но стоило коню скрыться за горой, как опять наступала тьма, да такая густая — хоть ножом режь. И вдруг пропал Солнечный конь, как сквозь землю провалился, и опустилась на всю страну непроглядная тьма...»

Как бы ни трансформировался сказочный сюжет за свою долгую жизнь — он неоспоримо свидетельствует об одном: далекие предки словаков и, надо полагать, предки всех славян знали о такой стране за Полярным кругом, где царит долгая ночь и бушует нескончаемая буря. Классическими образами-

мифологемами славянского фольклора, олицетворяющими ту далекую эпоху являются Мороз (Морозко) и Снегурочка. При этом закодированная в фольклорных сюжетах полярная символика может приобретать самые неожиданные формы и облики. У чехов и словаков есть популярная волшебная сказка с одним и тем же названием — «Златовласка», совершенно не совпадающая однако по фабуле. В чешской сказке говорится о добывании героем невесты для старого короля с концом, аналогичным русскому «Коньку-горбунку». Словацкая сказка, несомненно, более архаична и построена по совсем иной схеме. Ее внутренний стержень — борьба Светлого и Темного начала. Первое олицетворяет Златовласка с золотой звездой во лбу (явная мифологема женской ипостаси Солнца), второе — Черная волшебница, душащая детей и превращающая в камень (лед?) взрослых мужчин. Налицо закодированные мифологемы Солнечного дня и Полярной ночи.

В народной памяти сохранились также и другие смутные воспоминания и о катастрофическом похолодании, постигшем Землю после глобального катаклизма. Выдающийся чешский поэт, историк и фольклорист Карел Яромир Эрбен (1811—1870) свидетельствует, что хрустальная или стеклянная гора славянских сказок есть не что иное, как образ ледяной горы, трансформировавшийся в сознании людей, а также при устной передаче от поколения к поколению. В чешском фольклоре известен и город Ледян — сродни русскому Леденцу, — что значит «ледяной». Да и в упомянутом выше чешском варианте сказки о Златовласке речь идет о прекрасной царевне, которая живет в хрустальном дворце, что находится на острове посреди моря (как известно, ни в Чехии, ни в Словакии никакого моря нет и в помине, поэтому-то в сказочном образе и закодировано воспоминание о далекой Полярной прародине в зоне Ледовитого океана). Чтобы убедиться в правомочности данного вывода, достаточно еще раз внимательно просмотреть волшебную русскую сказку «Хрустальная гора». Здесь тридцатое царство наполовину втягивается в хрустальную гору (что наглядно воспроизводит действие наступающего ледника). Но главное в другом: чтобы спасти гибнущее царство и заточенную в хрустальной горе царевну, герой, победив змея о двенадцати головах, «разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко, зажег и отнес к хрустальной горе — гора скоро растаяла». Растопить подобным образом, как не трудно догадаться, можно только лед и никак не хрусталь (стекло).

В славянском фольклоре имеются и другие любопытные подробности, касающиеся стеклянной горы. На ее вершине растет чудесная яблоня с золотыми молодильными яблоками. Стережет ее беспощадный сокол, сметающий вниз всякого, кто пытается одолеть скользкие, как лед, склоны. Потому-то все подножье стеклянной горы сплошь усеяно человеческими костями. Герой одной карпатской сказки сумел перехитрить кровожадного сокола — носителя тотемной символики; с помощью рысьих когтей он незаметно поднялся на вершину и отсек хищному стражу волшебной горы ноги. Кровь пролилась вниз, и все жертвы безжалостной птицы ожили. Обо всем этом можно узнать из сборника «Повести и предания народов славянского племени» (СПб., 1840), изданного ныне совершенно забытым этнографом и историком Иваном Петровичем Боричевским (1810—1870). Русские исследователи фольклора справедливо усматривали в сказочной стеклянной (хрустальной)

горе отголоски общеарийской мифологии — воспоминания о вселенской горе Меру.

Вообще же полярные реминисценции, как бы это ни показалось парадоксальным на первый взгляд, обнаруживаются и в Библии. В Книге Исаии говорится об обители (сонме) богов на краю Севера, куда стремился один из возгордившихся и наказанных за это сынов человеческих — Денница, сын Зари (*Ис. 14, 13*). Северные те боги, по Библии, обитают на священной горе, хорошо известной в индоиранской традиции под названием Меру. В книге Иова подробно и эмоционально описывается полярная ночь:

"Ночь та, — да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев! О! ночь та — да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселие! Да проклянут ее проклинаящие день, способные разбудить Левиафана! Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит: и да не увидит она ресниц денницы..." (Иов 3, 6-9).

Эмоциональные заклинания пророка пробуждают в памяти те многочисленные строфы Ригведы, где говорится о долгой и страшной тьме, которая скрывает врагов бога Индры. В библейской Книге Иисуса Навина содержится ссылка на еще более древнюю книгу Праведного, где описывается поведение Солнца в приполярных областях: «Стояло Солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день» (*Нав. 10, 13*). Данный фрагмент практически полностью соответствует строкам Ригведы: «Свою колесницу бог Солнца остановил посреди неба», где также в метафорической форме описывается полярный день.

А есть ли полярные мотивы в древнегреческих мифах? Не могут не быть, если только прапредки эллинов пришли с Севера и принесли с собой ядро тех сказаний, которые, приспособившись к новым условиям и обрастая массой подробностей, приобрели впоследствии привычный для нас вид. Но сквозь оболочку позднейших наслоений нет-нет да и сверкнет Полярная звезда памяти о далеком прошлом. Так, перед битвой со змееногими *гигантами* Зевс велел Солнцу-Гелиосу, Луне-Селене и Заре-Эос не светить на землю. В небе остались только звезды. Здесь явственный намек: гигантомахия (точнее — события ей предшествовавшие) сопряжена с полночными странами и полярной ночью.

Также в легендах о рождении Геракла различные источники единодушно свидетельствуют: когда Зевс соблазнил Алкмену, их первая брачная ночь ознаменовалась тем, что Солнце трое суток не поднималось над Землей. Такое может случиться только в Приполярье или Заполярье. Следовательно, именно там и происходили описываемые события. И именно туда, на родину предков, неоднократно возвращался величайший герой древности Геракл при совершении некоторых из своих подвигов и при освобождении Прометея. Лишь в эпоху расцвета античной цивилизации первичное ядро северных легенд было трансформировано и приспособлено к условиям Средиземноморья.

Один из крупнейших представителей сравнительного языкознания и религиоведения, санскритолог и мифограф Макс Мюллер (1823—1900) не без оснований полагал, что в период, предшествовавший образованию современных этносов, каждое слово в первоначальном арийском языке было мифом, каждое имя — образом, каждое существительное — определенным лицом и каждый

предлог — маленькой драмой. По этой причине многие языческие боги — индийские, иранские, греческие, германские, славянские и прочие — не что иное, как результат персонификации поэтических обозначений (имен), неожиданных даже для тех, кто их придумал.

* * *

Российская исследовательница Л.М. Алексеева (физик по образованию) проделала гигантскую работу по выявлению полярных реминисценций в славянском фольклоре. Результатом явилась 456-страничная монография "Полярные сияния в мифологии славян (М., 2001), где убедительно показано, что древние северные реалии легли в основу известных волшебных сказок. Многие их образы-мифологемы, а также обрядовая поэзия, народные поверия, заговоры и заклинания навеяны созерцанием великолепного зрелища полярных сияний, которые в первобытную эпоху были постоянным явлением в нынешних средних широтах — из-за смещения магнитного полюса.

Данный геофизический феномен является одной из возможных причин глобального изменения климата, выразившегося в резком похолодании и, как следствие, — в миграции наших прапредков — индоевропейцев (а также других пранародов) с Севера на Юг. Миграции по просторам Евразии растянулись на многие века. Постепенно преодолевая гигантские расстояния и осваивая новые территории от Ледовитого океана до Индийского и Атлантического древние арии повсюду оставляли следы своего пребывания в виде названия мест (топонимов), рек и озер (гидронимов), а также многочисленных материальных артефактов.

Одним из таких перевалочных пунктов стал Аркаим. В 80-х годах XX столетия научная общественность была потрясена открытиями в Челябинской области, где были обнаружены остатки мощных древних поселений с развитой добычей руды и выплавкой металла. Как и водится, все произошло совершенно случайно. Десятилетиями никто не обращал никакого внимания на близлежащие холмы. Но, когда в 1987 году именно в этих местах задумали возвести плотину (что влекло за собой затопление обширных площадей), археологи забили тревогу. И вскоре мир вздрогнул от нечаянной сенсации! Настоящая уральская Троя! Кольцевидные (можно даже сказать — раковинообразные) крепостные валы (рис. 20), образующие сооружение, похожее на недостроенную Вавилонскую башню, шахты, плавильные печи, фундаменты рухнувших жилых и хозяйственных построек, поделки и утварь — все это позволило связать находки с продвижением на Юг во 2-м тысячелетии до н.э. еще не полностью расчлененных индоевропейских племен.

По имени расположенной поблизости горы новонайденное археологическое чудо получило звучное название — Аркаим. С тех пор здесь полным ходом идут комплексные исследования. Многие полагают, что именно в этих местах зарождалась одна из самых впечатляющих религий — зороастризм, основанная великим пророком Древности Зороастром (греческая вокализация), или Заратуштрой (иранская вокализация). По утвердившейся, хотя и заведомо гипотетической, версии время его жизни приходится на VI век до н.э. Где же и когда он родился, творил и умер на самом деле оставалось загадкой уже в античные времена. Так как зороастризм долгое время оставалась государственной религией Персии, то считалось, что и Заратуштра является иранцем и его деятельность также разворачивалась на территории Ирана.

Но уже древние говорили, что в действительности Заратуштра прибыл откуда-то с Севера, к тому же переплыв огромное море (предположительно Ледовитый океан), что он на 6 тысяч лет (!) старше Платона и т.п. Другими словами, очень и очень похоже, что великий пророк продвигался с Севера на Юг вместе с мигрировавшими из Гипербореи протоиранскими племенами. И в таком случае вместе с ними он вполне мог оказаться в одном из перевалочных пунктов на пути первого великого переселения индоевропейцев. Между прочим, направление миграции зафиксировано в Авесте — зороастрийской Библии: здесь различаются задняя страна света — Север и передняя — Юг (то есть протоиранские переселенцы двигались лицом к югу, спиной к северу).

По дороге к местам нынешнего проживания современных иранцев невозможно было миновать Обско-Иртышский регион и южно-уральские степи. Потому-то Аркаим и является естественным перевалочным пунктом на пути движения древних мигрантов. Здесь они могли задержаться на века и десятилетия. Однако названный путь миграции не был единственным. Прапредки современных евразийских народов двигались и через Восточную Европу — вдоль Волги и через русское Междуречье.

Есть ли вероятность, что в спиралевидной форме Аркаима заложен какой-либо космический смысл? Безусловно! И потому, что алгоритм спирали лежит в самом фундаменте Мироздания. И потому, что многие аналогичные постройки Древности имели астрономическое предназначение (шумерские и вавилонские зиккураты, храмовые комплексы ацтеков и майя). И потому, что в округе обнаружено несколько интересных насыпных комплексов — так называемых «курганов с усами»: от обычных древних курганов полукольцами отходят двухсотметровые дугообразные насыпи; они не смыкаются полностью. Образуют 50—60-метровый «зазор», который, по расчетам палеоастрономов мог служить для астрономических наблюдений и измерений.

Предположение, что многие важнейшие события индоевропейской предыстории происходили в степных районах Южного Урала, позволяет сделать совершенно неожиданные на первый взгляд привязки. Известно, что многие факты иранской предыстории и общеиндоевропейской истории были в поэтической форме освещены водной из самых знаменитых и обширнейших по объему книг мировой литературы — «Шахнаме», что в переводе с персидского означает «Книга царей» (народная молва переименовала ее в «Царь-книгу»). Ее создал (другого слова не подберешь, ибо она действительно создавалась на протяжении целой жизни) великий персидский поэт Абулькасим Фирдоуси (ок. 940 — 1020 или 1030).

Полный академический перевод «Шахнаме» на русский язык занимает шесть объемистых томов. Это — 55 тысяч двустиший-бетов, что в несколько раз превышает объем «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых; в данном плане творение Фирдоуси уступает только великому древнеиндийскому эпосу «Махабхарате», насчитывающему 200 000 стихотворных строк (шлок). Помимо бесценных художественных достоинств творение Фирдоуси является и своеобразным летописным полотном, охватывающим многие легендарные события мировой предыстории, о которых не сохранилось надежных документов и письменных свидетельств. При этом персидский Гомер широко использовал устные сведения, почерпнутые у профессиональных хранителей информации — зороастрийских магов, или, как он их называл, мобедов:

«Расспрашивал старцев о древних царях, / О славных воителях-богатырях...» В результате в руках поэта оказалась бесценная информация, которая на сегодня не сохранилась ни в каких летописных и документальных источниках.

Точной датировки в сверхпоэме, конечно, нет, но зато обозначены многие хорошо известные исторические события (вроде походов персидских царей и Александра Македонского, арабского нашествия и т.д.), по которым можно делать точные хронологические привязки, а затем, на основании суммирования прошедших поколений, проецировать века и тысячелетия в прошлое. Нельзя также забывать, что Фирдоуси был правоверным мусульманином, находившийся под влиянием господствующей идеологии и творивший в условиях традиционной исламской цензуры. Поэтому вполне естественно, что многие древнейшие исторические факты мифологизировались, гиперболизировались, обрастая сказочными и беллетристическими подробностями, помноженными на творческое воображение поэта.

Но если отвлечься от всего вышеперечисленного, неизбежно остается «сухой остаток», соответствующий реальным событиям далекого прошлого. При таком подходе и методике анализа текста открываются воистину необозримые исторические пласты и удивительные подробности, каких не почерпнуть в других источниках. Это касается и далекой гиперборейской предыстории, и войны между Ираном и Тураном, то есть борьбы притоиранских племен во время их продвижения через степные южнорусские просторы с обитавшими там тюркскими кочевыми племенами. Кстати, данные события, как они описаны в «Шахнаме», происходили задолго до появления пророка Заратуштры. Последний у Фирдоуси именуется Зердештом и появляется лишь в начале второй половины поэмы.

Нет нужды добавлять, что определенная часть этих событий происходила на территории, древним символом которых сегодня стал Аркаим. Древний арийский город в южно-уральской степи погиб, как известно, в одночасье, в результате испепеляющего пожара, после чего жизнь сюда больше никогда не возвращалась. Не трудно предположить, что мощная цитадель была захвачена коварными врагами, которые не смогли взять неприступную крепость лобовым штурмом и использовали для этого военную хитрость. В «Шахнаме» с фотографической точностью описано, как бы это могло случиться:

*...Рыть землю под крепостью стали затем;
И до половины подкоп доведя,
Ирана бойцы по веленью вождя
Под стены твердыни столбы подвели,
Их, черною нефтью облив, подожгли,
И рухнул воздвигнутый Туром оплот.
Пыль вздыбив, дружина рванулась вперед.*

*.....
Мечом защищали родимый свой кров,
Свое достояние, жен и сынов
Туранцы, без устали бились они.
Но лучше б на свет не родились они!*

*.....
Дыханье огня, ливень гибельных стрел.
Кто б выход найти, кроме бегства, сумел?*

*Разбитое войско из крепости прочь,
В просторы степные бежит во всю мочь.
Ворота замкнулись, и вот уж громят
Бойцы завоеванный вражеский град.
Твердыни защитники полонены,
И старцы, и юноши уведены...*

И неважно, что в приведенном фрагменте описывается захват иранцами туранской крепости. В противоположных случаях использовались точно такие же приемы штурма и способы расправы с осажденными. Кстати, никто пока не доказал, что последними защитниками Аркаима были именно индоевропейца, а не прототюрки, например. Если же верна моя гипотеза: Аркаим — перевалочный пункт мигрантов с Севера на Юг, то защитниками Уральской Трои могли быть какие угодно протоэтноссы. В то время и языки, и верования, и культура были дифференцированы слабо. Свидетельство тому — все та же «Шахнаме».

Центральным «нецарским» персонажем сверхпоэмы, которому посвящено больше всего сказаний, является легендарный богатырь Рустам (или Рустем — в разных переводах его имя вокализовано по-разному). Родился он в результате кесарева сечения и, если пользоваться хронологией самой «Шахнаме», в незапамятные времена мифологических «царей», задолго до принятия иранцами зороастрийской религии. Грубо говоря, это могла быть эпоха от I до III тысячелетия до новой эры, то есть время, когда прапредки иранцев в своем продвижении с Севера на Юг еще не достигли конечной точки миграции и своей будущей родины — Иранского нагорья, — а находились в промежуточной зоне вынужденного переселения — в южнорусских степях.

То было время, когда распад индоевропейской этнолингвистической общности был еще весьма далек от завершенности. Применительно к рассматриваемому периоду, который сам по себе сокрыт в тумане тысячелетий, это в особенности относилось к протоиранским и протославянским племенам, в недрах которых уже обозначались контуры и будущей проторусской народности. Отсюда вполне понятно и имя богатыря Рустама (Ростема). Его корневая основа «рус» («рос») имеет непосредственное отношение и к формированию русского языка (в процессе его отделения от некоего общего ирано-славянского лингвистического «блока»), и, естественно, к происхождению самого русского народа. В поэме Фирдоуси прямо отмечается, что Рустам (Ростем) не является коренным иранцем, а имеет сакское происхождение. Саки — восточные скифы, следовательно, Рустам — скиф. Не приходится сомневаться, что прообразом этого богатыря послужила кокой-то легендарная ирано-славянский прапредок, этнически общий для персов, таджиков и русских и имеющий скифское происхождение. Не лишено вероятности также, что речь идет о знаменитый Русе (или Россе), названном в Густинской летописи «Полнощным Князем», то есть Полярным Князем. Но более подробно об этом речь пойдет в следующей главе.

Основных направлений миграции индоевропейских прапредков славян было несколько. Наиболее важные для судеб индоевропейских и других народов пролегали через территорию современной России, ее северо-западную и центральную части, а также вдоль Уральского хребта и по берегам великих рек Волги и Оби. При этом индоевропейцы интуитивно (или же с помощью отработанной практики) выбирали для своего продвижения и временного

расселения такие сакральные места, которые особенно активизировали и подпитывали естественную энергетику человека, а также упрощали каналы его взаимосвязи с ноосферой.

Именно к таким эзотерическим точка относится и Аркаим, сделавшийся на много веков перевалочным пунктом в продвижении индоариев с Севера на Юг. Уникальный спиралевидный город в южно-уральской степи стал своеобразным символом мощи и красоты древней эпохи. Его гармонические формы и окружающий ландшафт завораживают сами по себе. Останки самой крепости, еще в древности сожженной до тла, сейчас покоятся глубоко под землей: после археологических раскопок, происходивших здесь с лета 1987 года, и тщательного исследования памятника он (по действующим правилам в археологии) был засыпан, и теперь увидеть его можно только на рисунках и фотографиях. Нынче же над мощными некогда крепостными стенами волнуются под ветром степное разнотравье.

Но осталось поле, некогда окружавшее город, а теперь накрывшее его, как первозданные воды. В этом поле именно вся соль! Задумывался ли кто-нибудь, почему место для возведения крепости было выбрано именно здесь, посреди огромного поля, окруженного со всех сторон мелкосопочником? Ведь ближайшее месторождение железной руды, из которой плавил металл в трех тысячах печей безвестные аркаимские металлурги, находится почти в сотне километров от “страны городов” (как прозвали заповедную территорию археологи, ибо обнаружили повсюду множество других городищ, из которых удалось исследовать лишь несколько). А регулярная доставка руды к месту ее выплавки — задача далеко не из легких.

Почему же город не воздвигли прямо вблизи железорудного месторождения? Ответ прост: место для строительства Аркаима выбрано не случайно, оно было сопряжено с сакральным местом, каковым и является Аркаимское поле. Сначала было Поле и лишь затем Город! Так решили вожди и жрецы (волхвы), которые привели сюда предположительно в XVIII—XVII вв. до н.э. гиперборейских скитальцев. Уловив “точку” пересечения токов космической и земной энергии, они повелели: “Быть городу сему именно здесь — и нигде более!”. Окружающий ландшафт, подземные энергетические токи и небесно-космические силы образуют здесь уникальный эпицентр ноосферного воздействия. Аркаимское поле — точно огромная и окаймленная невысокими горами слабоогнутая чаша или телеантенна, “тарелкой” своей направленная прямо в Космос и обшаривающая его по мере вращения Земли. А посреди этой впадины (“тарелки”) — город-крепость, город-храм!

В Аркаимском музее висят фотографии, сделанные с самолета специальной камерой: повсюду под землей находится еще несколько кольцеобразных и спиралеобразных городищ, их археологическое исследование — задача отнюдь не ближайшего будущего. И здесь же, в музее на стенде, прорисовки потрясающих бронзовых фигурок из Сапоговского клада, найденного в Кунашакском районе на севере Челябинской области. Особенно выделяется одна: обнаженная юная дева с двумя мечами, заложенными в набедренные ножны. Перед глазами невольно предстает воображаемая картина: стремительная лавина таких уральских амазонок с поднятыми над головой мечами в обеих руках, подобно валькириям, несется на врага, сметая все и вся на своем пути. Быть может, именно такая матриархальная орда, наследница гиперборейских времен и традиций, осаждала некогда легендарный Аркаим, взяла его с помощью дьявольской женской хитрости, разрушила и сожгла.

ГЛАВА 2 ИЗ СОЛНЦЕВА РОДА

Происхождение имени «славяне» на первый взгляд кажется самым собой понятным: в нем слышится и «слово» и «слава». И попытки истолковать этимологию этнонима именно на данной основе неоднократно предпринимались, хотя специалисты-филологи дружно признают ее наивной. Одним интерпретаторам казалось, что именно понятие «слово» как нельзя лучше выражает глубинный смысл славянского менталитета и загадочной славянской души. Другие утверждали, что победный клич «Слава!», в конечном счете, и привел к тому, что именно по нему и стали прозываться воинственные славянские племена. Подобные объяснения подкупают своей понятностью и простотой, однако мало приближают к истине. Как указано в Большой советской энциклопедии, арабы, посещавшие Русь еще задолго до принятия христианства, именовали Словенск Великий Славою (Салау), а территорию, заселенную славянами — Славией (ас-Славия). Попробуем воспользоваться этой подсказкой...

Следы былого этнокультурного и лингвистического единства индоевропейских народов, о котором говорилось в предыдущей главе явственно обнаруживаются по сей день в трансформированных лексемах всех языков народов мира, их культуре, верованиях, обычаях и традициях. В языковом аспекте это прекрасно видно на примере этнонима «русский». В санскрите (древнеиндийском литературном языке, базирующемся на архаичной основе священных Вед) одно из слов для обозначения понятия света звучит как *гиса* («светлый», «ясный») и *гис* («свет», «блеск»). В последующем языковом развитии «шь» и «ц» превратилось в «с» (чередование согласных и гласных звуков — обычное фонетическое явление даже на протяжении небольших временных периодов) и достаточно неожиданным (на первый взгляд) образом осело в столь значимых для нас словах, как «русский» и «Русь»*.

Первичным по отношению к ним выступает слово «русый», прямиком уходящее в древнеарийскую лексику и по сей день означающее «светлый». От него-то (слова и смысла) и ведут свою родословную все остальные однокоренные слова языка. Данная точка зрения известна давно и представлена, к примеру, в Густинской летописи, созданной в позднейшую эпоху, но, несомненно, базирующейся на более древних источниках, не говоря уже об устных преданиях (последние, как показывает пример все тех же Вед, могут фиксировать события и факты какой угодно временной глубины).

Еще русский историк и этнограф польского происхождения, один из основоположников отечественной топонимики *Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский* (1784—1825), критикуя норманистские пристрастия и

* Современным лингвистам такое и внятное истолкование почему-то очень не нравится. Они предпочитают искать более вычурные и запутанные связи, которые не выдерживают никакой конкуренции с естественной и предельно прозрачной этимологией: санскр. *гиса* («светлый», «ясный») и *гис* («свет», «блеск») — "русый" — "русский" — "Русь". Даже такой общепризнанный и всемирно известный специалист в области славистики, как Олег Николаевич Трубаев склонен искать корневую основу понятия "русский" за пределами санскрита и арийских исторических реалий. Академика, в общем-то, понять можно: он увлечен концепцией Черноморской Руси, связывающей происхождение славяно-русов с соответствующим южно-европейским регионом. Другие теории здесь попросту ни к чему.

предпочтения Н.М.Карамзина, писал: «Тогда б увидел и сам автор [Карамзин. — В.Д.], касательно Святой Руси, что сие слово не составляет ничего столь мудреного и чужого, чтобы с нормандской стороны, непременно из-за границы, получать оное; увидел бы что оно значит на всех диалектах славянских только цвет русый (blond) и что русая коса у всех ее сыновей, как *Rusa Kosa i Rusi Warkocz* [коса. — В.Д.] у кметей (крестьян) польских равномерно славится. <...> Есть даже реки и горы, называемые русыми». ¹¹

Таким образом, этноним «русский» и топоним «Русь» сопряжены с санскритским словом *rusa* и общеславянским и древнерусским «русый» со смыслом «светлый» (оттенок). Если открыть «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля на слово «Русь», то найдем там аналогичное объяснение: «русь», по Далю, означает прежде всего «мир», «бел-свет», а словосочетание «на руси» значит «на виду». У Даля же находим еще одно удивительное слово — «светорусье», означающее «русский мир, земля»; «белый, вольный свет на Руси». Здесь не только корневые основы, но и их значения сливаются в одно целое. О распространенности и укорененности понятия «светорусье» можно судить по «Сборнику Кирши Данилова» и другим записям былин, где эпитет «светорусские могучие богатыри» выступает как норма.

Аналогичные подтверждения обнаруживаются и в других формах русского фольклора. Одно фольклорное свидетельство, касающееся предистории русского народа, позволяет предположить, что в далеком прошлом наши предки знавали как праотца Руса (о котором речь пойдет ниже), так и праматерь Русу, и, следовательно, им обоим обязаны мы собственным происхождением. Такой вывод напрашивается при анализе одной исключительно важной, сказки, записанной в 1909 году на Алтае от крестьянина села Чемала Бийского уезда Алексея Макаровича Козлова. Благодаря староверам, нашедшим последнее прибежище на окраинных российских землях, в том числе и на Алтае, сбережены от полного забвения многие сокровища устного народного творчества. Такова и сказка о Рӯсе-Русе — черной косе. (имя дожило и до наших дней — достаточно вспомнить поэтичную новеллу Ивана Бунина “Руся”).

Фольклорная Рӯса-Русá — высокородного происхождения и звания, живет во дворце, окруженном высоким забром и сплошь увешанным человеческими головами — то женихи, что неудачно сватались к беспощадной героине. Ее полное имя — поэтичнее не придумаешь: Рӯса-Русá — черная коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка. Все перечисленное наводит на мысль о глубочайшей архаике русской сказки, запечатлевшей типичные матриархальные реалии (они поддаются реконструкции и в других волшебных сказках). Но в данном случае важно имя — Рӯса-Русá. Самим собой напрашивается вывод: раз в тексте, дошедшем из многотысячелетних глубин, сохранилась память о матриархальной старине, то почему бы и имени сказочной героини — Рӯса-Русá — не прийти к нам из той же незапамятной эпохи, более того — не запечатлеть образ самой Праматери русского народа? Возможно, чуть ли не в виде генетической памяти сохраняется и по сей день у словенцев масленичный обряд, связанный с вождением Белой Русы и получением причитающихся даров.

В трансформированном виде архаичная корневая основа «рус—рос» сохранилась и в Библии, в частности, при упоминании в контексте с северными народами князя Роша (Роса) (*Иез.* 38. 2; 39. 1). Данное место из

Ветхого завета по сей день приводит в истерику всех ненавистников и фальсификаторов русской истории. Несмотря на положительное заключение ученых-гебраистов и специалистов по ивриту (включая и современных израильских экспертов), несмотря на канонический русский перевод и официальное истолкование со стороны православной церкви (см.: Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2. С. 443—447), — не прекращается брюзжание историков-русофобов: дескать, и древнееврейский оригинал читается по-другому, и перевод на русский сделан неверно, и смысл текста совсем иной.

Что тут ответить? Относительно вокализации (то есть различного звучания одного и того же слова на разных языках и в разные исторические периоды) можно привести тысячи примеров, когда на глазах, так сказать, слово менялось до неузнаваемости. И для этого не требуется экскурсов в библеистику: например, самая что ни на есть русская (по названию) река Рось в главных летописях наших — Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивилловской — именуется Рша (так же как современный белорусский город Орша), а жители Старой Руссы в новгородских летописях (впрочем, и ныне тоже) зовутся рушане. (Историческая область в древней Сербии также имела сходное название — Рашка, ее столицей был город Рас, а в Хорватии на полуострове Истрия в Адриатике есть город Раша).

Самим собой напрашивается вопрос: откуда корень «рос» в названии Ростов Великий? Согласно, странной и непонятной традиции считать основание города по первому упоминанию в летописи, этот старинный русский город возник в 862 году. Однако, как и другие русские города, он существовал на Русской земле задолго до того как попал в поле зрения летописца. Еще в XIX веке ярославский краевед-подвижник Александр Яковлевич Артынов (1813—1896) записал и литературно обработал древние сказания, передававшиеся на протяжении многих столетий из уст в уста (в распоряжении Артынова были также и тайные письменные тексты — в дальнейшем, к сожалению, утраченные). Согласно этим данным Ростов Великий был основан 448 году *до новой эры* и первоначально именовался крепостью Россов Стан. (Наименование же Ростова-на-Дону вторично: город основан на месте крепости св. Анны в 1761 году и назван так в честь митрополита Дмитрия Ростовского).

Упомянутая в Библии страна Рош названа в триединстве с еще двумя сопредельными с ней странами — *Мешехом* и *Фувалом*. Мешех* фигурирует в древнееврейском оригинале Ветхого Завета и у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» под именем Мосоха (Моска). От него, в конечном счете, ведут свое название река и город Москва, а также наименование страны — Московия. Густынская летопись, которую очень не жалуют многие историки, по данному поводу пишет: «Глаголют неции, яко от Мосоха сына шестаго Афетова наш народ Славянский изыйде, и мосхинами си ест Москвою именовася от сея москвы вси Сарматы, Русь, Ляхи, Чехи, Болгаре, Словени

* Небезынтересно также, что библейское имя *Мешех* фонетически сопрягается с одним из самоназваний легендарного идейского племени *ацтеков* — основателей последней империи на американском континенте, павшей под натиском испанских конкистадоров во главе с Эрнаном Кортесом. В эпоху завоевания Америки *ацтеки* были более известны как *мешики* (исключительно под этим именем они фигурируют и в классической хронике, написанной участником событий Берналем Диасом). Столица ацтекского государства *Теночтитлан* в те времена также прозывалась — *Мешико*. От этого корня и произошли современные названия: государства — Мексика, столицы — Мехико и народа — мексиканцы. Откуда взялось и почему возникло такое поразительное совпадение — будет подробно пояснено ниже.

изыйдоша». Развивая эти мысли, русский историк и дипломат Петровского времени Алексей Ильич Манкиев (год рожд. не известен — ум. 1723), находясь в шведском плену, написал трактат «Ядро истории Российской». В нем Мосох не просто назван патриархом народов московских, русских, польских, чешских, болгарских, сербских и хорватских, но поименован также родоначальником всей России.

У властителя трех библейских мифических стран — Роша, Мешеха и Фувала также есть имя. Это знаменитый *Гог*, который чаще всего фигурирует в тандеме с другим этнонимом (или жк топонимом) — *Магог*. Что же все они означают? В библейских текстах, написанных первоначально на древнееврейском языке, затем переведенных на греческий и только потом на русский, произошло неизбежное фонетическое искажение исходных автохтонных понятий, в результате чего последние приобрели плохо узнаваемое звучание. И все же, как в имени Роша (Роса) нетрудно угадать будущее название России, так и в сакраментальных именах Гога и Магога просматриваются индоевропейские, в целом, и славянские, в частности, реминисценции.

Будучи спроецированной в прошлое, лексема «гог» может оказаться оглушённой — «хox» (ср. нем. *hoch* — “высокий”, “сильный”, “большой”), или же редуцированной (укороченной), лишенной, к примеру, первой согласной: по типу эволюции слова «гишпанский» → «испанский». В итоге такой мысленной редукции, опрокинутой в прошлое, получим два коротких односложных слова — «ог» и «ох». Оба, оказывается, несут исключительно важную и ёмкую информационно-смысловую нагрузку. В древнекельтской мифологии был известен бог Ог. По-гречески он прозывался Огмием и был тождественен — не больше — не меньше — эллинскому Гераклу, однако вовсе не тому буйному и всемогущему богатырю-герою, хорошо известному по популярным мифам, описывающим его двенадцать подвигов. Огмий-Геракл — глубокий старец. Геракл-Огмий — в действительности очень древнее божество, его культ восходит к тем далеким временам, когда общечеловеческая культура, верования и язык были еще слабо расчлененными.

Божеству же по имени Ог, хранителю сокровенного эзотерического знания, приписывалось создание одной из первых северных письменностей, так называемого *огамического* письма — многие надписи на нем до сих пор не расшифрованы. Попытки дешифровки, разумеется, предпринимались и подчас довольно таки успешные. Дело в том, что знаки, подобные огамическим, в разных вариантах встречаются и на Русском Севере. Целая галерея огамических знаков была найдена в ходе экспедиции «Гиперборея» на склоне горы Нинчурт в районе священного Сейдозера. Специалисты, занимающиеся огамическим письмом, называют его также *agma*. Другими словами, выявленные односложные корни взаимосвязаны по смыслу и по возможности фонетического превращения (перехода) одного в другой: «ог» → «аг» → «ах» → «ох». Круг, как говорится, замкнулся.

Кое-кто увидит в тесно взаимодействующей цепочке из четырех приведенных слов ничего не значащие междометия, относимые обычно ортодоксальным языкознанием к звукоподражаниям. Как бы не так! В этих словах запечатлены позывные возгласы, с которыми древние арийцы обращались к своим языческим богам. В русском архаичном миропонимании кельтско-эллинский Ог известен как вредоносное сверхъестественное существо

Ох, зафиксированное в фольклоре. Восклицание «ах!», с исключительно богатым эмоциональным и смысловым диапазоном — от испуга до восхищения — на самом деле может оказаться архетипом коллективного бессознательного воспоминания о божестве Ахе, а точнее — Аге. Последний мог фигурировать в двух вероятных ипостасях Во-первых, в виде женской Аги (Яги = Йаги-Йоги) — откуда утвердительно восклицание «ага!» (подробнее об этом — ниже). Во-вторых, в виде мужского Агни — бога Огня («аг» = «ог»). Наконец, тотемный смысл имени Гога мог перейти на русские названия птиц — «гоголя» и «гаги».

Ну, а что же в таком случае можно сказать о Магоге? Достаточно много! В библейском имени явственно просматривается известное понятие «маг», вошедшее в большинство современных языков из древнеперсидского, где так называли жрецов зороастрийского культа. Позже, начиная со средних веков, магами стали именовать любых волшебников и чародеев и даже — цирковых фокусников. Нас. Однако, интересует этимология и смысл слова «маг». Русские офени, носители древнейшего тайного знания и «секретного» языка не без оснований связывали понятие «маг» с лексическим гнездом «мог — мочь — может» и даже говорили: «Кто может — тот и маг». (В исчезнувшем языке древних *готов*, принадлежавших к германским народам, выражение *mag* означало «я могу». Современные немцы тоже говорят: *Es mag sein*, что означает «может [быть]»).

* * *

А что же славяне? Как и откуда появилось имя древнего народа? Имеется достаточно оснований полагать, что первоначально славяне прозывали себя и друг друга *соловяне*, связанным с Солнцем — космическо-небесным божеством, которому они поклонялись. Выпадение или появление новых звуков — обычное дело в развитии языка. Есть множество русских слов и названий, которые первоначально звучали совершенно иначе, нежели теперь. Сегодня, к примеру, вполне привычными являются названия древних городов *Псков* и *Тверь*, хотя большинство людей не задумывается, что может означать этот по существу несуразный набор звуков. А все дело в том, что первоначально названия этих городов было вполне понятным — *Плесков* и *Твердь*; впоследствии же ряд ключевых звуков в данных топонимах попросту исчез (а Тверь еще и превратилась в *Тферь* — именно в такой вокализации она прописана в большинстве русских летописей. Точно так же произошло и с этнонимом *соловяне*: первый слог со временем оказался утраченным.

Древнии арии — некогда нерасчлененная этнолингвистическая и социокультурная общность — были классическими солнцепоклонниками. Солнечное божество имело множество ипостасей и соответственно имен. Это обусловлено прежде всего тем, что дневное светило не всегда представлялось нашим прапредкам одним и тем же объектом. Считалось, что летнее солнце не тождественно зимнему, а весеннее — осеннему. По утрам на востоке восходит совсем не то солнце, которое накануне закатилось на западе. И так далее. Отсюда в «Махабхарате» приводится свыше ста имен Солнечного божества. А из древнеславянской мифологии известны такие ипостаси солнца, как Хорс, Коляда (Коло), Ярило, Купало и другие. Понятие «солнце» — общее для них всех.

В длинном перечне древнеиндийских богов самым древним и самым главным выступает краснолицый *Сурья* (рис. 21), от которого и возникло понятие «красное солнышко». Отсюда же идет русское название

краснокоричневой краски — *сурик* (должно быть, слова «суровый» и «с(у)рлезный» того же происхождения). Но в ведийской мифологии и религии есть еще один небесно-солнечный бог — *Svar* (в переводе с санскрита означает одновременно и «небо», и «солнце», и «дневной свет»). Тот же корень лежит и в основе имени главы древнеславянского языческого пантеона — *Сварога* (рис. 22):

*Небо, носящее имя Сварога,
Небо, верховная стень голубая,
Небо, родившее Солнце, Дажьбога,
Как хорошо ты в ночах засыпая...*

Константин БАЛЬМОНТ

От исходной корневой основы — множество производных слов, среди них наиболее созвучное русскому Сварогу — *Svar-ga*, означающее также «небо»; оно же — рай Индры, расположенный на вершине горы Меру, один из семи миров, в который переселяются души умерших праведников. К этому ряду примыкают близкие по смыслу слова с корнем «вар», первоначально имевшим в древнерусском языке значение «жар», «зной», а также «кипящая вода, смола», — отсюда слово «варить» и все от него производные. Но здесь сама собой напрашивается аналогия, точнее, несомненная связь древнеарийского корня «вар» с именем величайшего из богов ведийского пантеона — Варуны — вседержителя вселенной и самодержца над миром и людьми, главного из адитьев. Варуна — несомненно один из источников представлений о законах Вселенной у потомков древних ариев, его черты нашли отражение в божествах неба и света в славянской мифологии. Космические же функции Варуны вкратце таковы: он — тот, кто сотворил мир и удерживает его, он заполняет воздушное пространство, расширяет землю, укрепляет Солнце, измеряет Землю Солнцем, поднимает на небо; небо и земля подвластны ему; день и ночь — его одежда. Варуна дал движение Солнцу; оно его глаз; сам он тысячеглаз.

Интересна трансформация образа главного небесного бога Сварога и его имени в мифологиях разных народов по мере их разъединения и самостоятельного развития. Общеарийский корень *var* и его модификации присутствуют в именах трех небодержателей древнеславянского, древнеиндийского и древнегреческого пантеона: Сварог — Варуна — Уран. Этимолог без труда констатирует здесь постепенную утрату первоидущих согласных и чередование гласных в корневой основе. Культуролог и метаисторик обратят внимание прежде всего на смысловую идентичность всех трех понятий-имен, несмотря на последующую дифференциацию функций.

Сварог — отец Солнца и олицетворяющего его Дажьбога. «...Сего ради прозваша и бог Сварогъ, — отмечает Ипатьевская летопись (1114 г.), — и по семь царствова сынъ его именемъ Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбогъ». Ипатьевская летопись именует Верховное древнерусское божество Отцом Сварогом, выводит его из Древнего Египта и отождествляет с античным богом Гефестом (Феостом). Отсюда Сварог — не только бог Неба, но и властелин Огня. По Ипатьевской летописи, Сварог (Феост) научил людей ковать оружие (до той поры они бились камнями и палицами) и установил цивилизованные морально-правовые нормы, в частности моногамию в брачных отношениях: «...Установил одному мужчине одну жену иметь и жене за одного мужчину выходить; если же кто нарушит этот закон — ввергнут его в печь

огненную. Того ради прозвали его Сварогом и почитали египтяне». Здесь налицо прямое и внятное указание как на контакты между египтянами и праславянами, так и на общие корни их верований (о чем более подробно речь пойдет дальше).

Имя Сварог происходит от того общеарийского корня, который получил в санскрите звучание *izvara*: 1) «бог», «всевышний»; 2) «господин», «повелитель»; 3) «хозяин», «владелец»; 4) «супруг» (от *iz* — «владеть», «властвовать», «управлять», «мочь»). Некоторые исследователи настаивают, что изначально Сварог именовался Исварог (что полностью соответствует древнеарийскому корню). Можно и дальше предположить, что в процессе языковой эволюции и разделения народов общеарийское понятие Божества — Исвара соединилось с общеславянским именем Рарог («огонь» и, кроме того, «сокол»). Получилось Исвара Рарог (бог Огонь), что в дальнейшем превратилось в более краткое имя — Сварог. Стихию огня в древнеславянском пантеоне олицетворял еще один бог из окружения Сварога. Он так и звался — Сварожич. В анонимном антиязыческом сочинении «Слово некоего христоролюбца» про наших, уже крещеных, предков-двоеверцев говорится:

«И веруют в Перуна, и в Хорса, и в Сима, и в Регла [имеется в виду загадочный Семаргл. — В.Д.], и в вилы, их же числом тридцать [в некоторых списках — тридцать. — В.Д.] сестрениц; глаголют невегласи [невежественно. — В.Д.] и мнят богынями, и тако кладут им требы и короваи им молят, куры [петухов, посвященных Перуну. — В.Д.] им режут; и огневи молят, зовуще его Сварожичем...» [Реконструкция Е.В. Аничкова с моими уточнениями].

Исходя из того, что суффикс *-ич* означает обычно отчество, можно предположить, что Сварожич-Огонь считался сыном Сварога. Действительно, огонь — ближайшая стихия, родственная свету. Элементарный опыт свидетельствует: свет бывает без огня, огонь без света — никогда. Следовательно, свет обладает некоторой самостоятельной сущностью, хотя и предполагает обычно наличие какого-либо источника; чаще всего им выступает огонь. Отсюда и древние мифологические представления о космическом огне: он тесно взаимосвязан с космическим светом, но не обязательно ему предшествует. Иногда и тот и другой выступают как тождественные начала. В позднейшем миропредставлении под влиянием христианской эсхатологии космический огонь изменил объем и содержание своего понятия: он переместился в преисподнюю и начал носить в основном устрашающую функцию «геены огненной», ожидающей грешников в аду.

Слово «огонь» («огнь») родственно имени древнеиндийского бога огня Агни (*agni* — «огонь») (рис. 23). В Ригведе — древнейшем своде обрядовой поэзии — значительная часть гимнов посвящена богу огня — Агни. Почему — догадаться не трудно. В нелегких и некомфортных условиях переселенческой жизни огонь (особенно по ночам) оставался той рукотворной стихией, которая давала тепло, свет, защиту от диких животных и жар для приготовления пищи. Огонь же был и стихией, имевшей нерукотворное происхождение (молнии и другие небесные явления, лесные и степные пожары, вулканическая лава и т.д.). Ни в первом, ни во втором случае не требовалось специальных скульптурных или живописных изображений огня, поскольку он всегда был рядом перед глазами. Лишь впоследствии, когда одно из арийских

племен завоевало Индостан, подчинив аборигенов и создав в условиях оседлого образа жизни уникальную древнеиндийскую культуру, — появилась возможность и необходимость воссоздавать образ бога огня — Агни в виде скульптурных изваяний.

В древнерусском языке имеется еще одно название огня — «крес». Корень сохранился в слове «кресало» (вышедшее из употребления приспособление для добывания огня), а также в серии понятий: «красный», «краса», «красивый», «красота», «прекрасный», «краска». С существительным «крес» тесно взаимосвязан глагол «кресать» или «кресить», означающий одновременно: «высекать огонь» и «воскресать (оживать)». «Игорева храброго полку не кресити», — трагически заключает безымянный автор «Слова о полку Игореве». Нетрудно истолковать лексическое и смысловое происхождение таких важнейших для русского мирозерцания слов как «воскрешать» и «воскрешение» — они имеют древнейшее дохристианское происхождение и связаны с культом огня и его ролью в первобытной жизни. При высекании огонь-крес всегда как бы воскресал заново, потому-то слово кресить обозначало сразу два понятия — «высекание» и «воскресение». Само слово «крес» и этимологически связанные с ним понятия типа «красный — красивый» близки по смыслу и происхождению с церковнославянским «крада», что означает «костер», «огонь», «жертвенник». (В русском языке слово не употребляется, однако корень сохранился в словах с иным смыслом: «украдкой», «украденный» — от глагола «красть».) Общий корень здесь вполне уместен: огонь-крес способен и украшать (красить — к тому же красным пламенем), и красть (сжигать дотла так, что не останется никаких следов, т.е. сгораемая вещь исчезает, крадется). Общеиндоевропейский корень «крес» обнаруживается и в имени Крез (произносится [*kres*]) — так звали последнего царя древней Лидийской державы (VI в. до н.э.), чье имя вошло в поговорку: «Богат, как Крез».

Напрашивается семантическое различие между понятиями «огонь», с одной стороны, например, берущего начало от санскритского *agni*, видимо, означавшего естественный огонь, сохраняемый в углях, и, с другой стороны, понятием «крес», вероятнее всего означавшим искусственный огонь (т.е. полученный путем высекания), жертвенный огонь. В этом случае ближе всего по смыслу и звучанию для слова «крес» окажутся слова *krati* («жертва», «сила», «мощь», «действие» и др.) и *kruy-a* («жертвоприношение», «жертвенный обряд»; «действие», «работа», «труд» и др.).

Есть также достаточно оснований предполагать, что от слова «крес» образовано и понятие «крестьянин», означавшее первоначально не столько огнепоклонников, сколько людей, расчищавших землю под пашню путем огневания — выжигания лесных участков. Поздняя традиция производит «крестьян» от «христиан», а корень слова усматривает в понятии «крест». В такой трактовке «крестьяне — это крещенные люди, но тогда непонятно, почему, скажем, князья и дружинники, крестившиеся на Руси прежде смердов и простого люда, не именуются крестьянами (крещеными).

Скорее всего, само понятие «крест» (пересечение двух предметов) происходит от понятия «крес» (огонь) — отчего оно так быстро и органично прижилось на Руси. Такую этимологическую зависимость можно объяснить по-разному. Известны, например, крестообразные поминальные курганы, на вершинах которых возжигался священный огонь; существовали жертвенники огня с крестообразной символикой. Крест считается общемировым символом

(горящего) Солнца. Наконец, существует древнейший обычай получения живого огня путем коллективного действия. В заповедном месте на землю укладывалось сухое бревно, перпендикулярно к нему ставилось другое сухое заостренное бревно (в итоге получался крес), которое и вращалось с помощью веревок достаточным количеством людей (рис. 24).

В стародавние времена огонь таким способом получали и без коллективных усилий — с помощью двух сухих палочек (дощечек), располагаемых крестообразно. Данный факт, известный из истории материальной культуры народов всех континентов (включая австралийцев и индейцев обеих Америк), давно привел ученых к выводу, что крест испокон веков и задолго до возникновения крестьянства символизировал огонь.

Неудивительно поэтому, что и в древнерусском наречии «крес» (огонь) и «крест» оказались однокоренными. В данном случае налицо этимологическое доказательство. Но имеются еще археологические и этнографические аргументы, разделяемые рядом ученых. Фигура креста очень распространена в древнейшей орнаментике и символике — археологи обнаруживают ее практически во всех культурных слоях. Известны также дохристианские вырезанные из камня или выдолбленные кресты. Что касается крестообразного расположения деревянных орудий при добывании огня трением, то высказывалось следующее соображение: поскольку искра появлялась на перекрестии двух кусков дерева, постольку именно крест стал символом света. Крестопересечение деревянных палочек (дощечек) могло иметь самую разнообразную форму: Т-образный и крючкообразный кресты, свастика. Последняя также стала в символике древнейших народов символом Солнца, света и жизни.

Древний обычай добывания огня — сакральный и чудодейственный — оказался чрезвычайно живучим, поскольку с ним связывалось общение с высшими силами. В романе Николая Семеновича Лескова (1831—1895) «На ножах» описывается, как во второй половине прошлого века крестьяне целой деревни с помощью «живого огня» пытаются предотвратить массовый падеж скота — «коровью смерть». Поражает и то, с какими подробностями и мастерством описывается это чисто языческое действо, и то, насколько посвященными оказались десятки людей, участвовавших в столь неординарном полумистическом акте, — каждый знал свое место и отведенную роль, включая и действия по сохранению тайны, колдовских заклинаний и т.п. (надо полагать, что Лесков — один из самых честных русских писателей — знал, что писал).

По свидетельству этнографов прошлого века уничтожение «коровьей смерти» с помощью небесного «живого огня» было распространено повсеместно. Помимо воскрешения древних навыков, этот первобытный обряд приоткрывал завесу и над первобытными верованиями, стержнем которых являлось единение с астрально-космическими силами. Живой огонь обладал чудодейственными качествами, защищавшими ото всех напастей потому, что, по народным представлениям, происходил от самого Солнца. Чтобы получить «живой огонь», необходимо совершить определенные магические действия, которые, собственно, и составляли суть коллективного обряда. Добыть солнечную силу, стать космическим посредником между неземной энергией и ее земным проявлением можно только путем *вращения* бревна, жерди, поскольку само Солнце представлялось вращающимся огненным небесным колесом.

Представление об огне как о космическом начале и важнейшей природной стихии плавно переходило в увязывание со свойствами огня состояний и характеристик самого человека. Представление об огне в народном мирозерцании всегда предполагало сексуально-эротический подтекст: любовная страсть наделялась огненным смыслом, а понятия «любовь» и «огонь» сближались. Отсюда все известные устоявшиеся обороты, которые в старину (да и не только в старину) отнюдь не воспринимались исключительно как поэтические эпитеты, а выступали как существенные аспекты духовной жизни и мира человеческих чувств: «огонь желания»; «пожар любви»; «огонь в глазах, сердце, крови»; «пожар в душе»; «вспыльчивость»; «пылкость»; завершение жизни (смерть) истолковывается по аналогии с огнем — «угасание». Замечательный русско-украинский языковед, этнограф и фольклорист Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891) (рис. 25) выводит из понятий «огонь», «жечь», «гореть», «печь» целую группу понятий, связанных с жизнью и человеческими чувствами: «поживать», «пожирать», «жажда», «жадность», «желание», «желанный», «жалость», «печаль», «горе», «горечь», «гнев».

Но в обряде обретения «живого огня» закодирован еще один важный мифологический смысл, раскрывающий суть древнейших миропредставлений. Считалось, что огонь побеждал смерть подобно тому, как он побеждал мрак. В первобытном мировоззрении понятия смерти и мрака (ночи) практически были идентичны. Это отразилось в древнерусских однокоренных словах: «мор» (смерть) и «морок» (мрак, ночь). Слово «морока», имеющее в наше время лишь один смысл — «затяжное, хлопотное дело, канитель», еще в прошлом веке сохраняло первозданное значение «мрак» (см.: «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля). В подобном же облики соответствующая лексическая основа предстает и в других языках индоевропейской группы: от санскритского *m-ara* — «смерть», а также «убивающий», «уничтожающий» (в буддийской мифологии Мара — божество, персонифицирующее зло и все, что приводит к смерти живые существа) — до французского «кошмар». В конечном счете санскритское *m-ara* восходит к общеиндоевропейской и доиндоевропейской корневой основе *mr*, входящей в наименование священной вселенской горы Меру.

В славянской мифологии смерть была воплощена в образах Богини Морены (Марены, Мараны) и множестве злокозненных духов, порожденных ночью под общим именем «мары» (или «моры» — один из них всем известная русская кикимора). Морена играла исключительно важную роль в языческом мировоззрении и сложившихся на его основе ритуалах и празднествах. Это связано с вселенским обликом смерти (как ее понимали наши предки). Понятие смерти в той же самой вокализации встречается и у других народов: например, в тибетском языке оно звучит так же, как и в древнерусском — *morana*. В буддийских легендах действует злокозненный демон *Мара*, являющийся антагонистом царевича Гаутамы и олицетворяющий смерть.

Смерть отдельного человека — странное, но в общем-то частное дело. Гораздо значительней смертное начало в Природе: смерть света, Солнца, дня и наступление ночи; смерть животворных времен года — весны, лета, осени — и наступление зимы. Морена как раз и олицетворяла такое всеобщее умирание в природе. Но она не могла выступать в роли необратимой судьбины, ибо на смену ночи всегда приходит новый день, всегда всходило Солнце, а

после холодной зимы опять наступает весна. Морена — воплощение смерти, сама такой смерти избежать не могла.

Считалось также, что смерть Смерти (Морены) можно было ускорить с помощью огня и света и в конечном счете победить. Люди всегда старались участвовать в этой космической битве жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла. Древние магические обряды, сопровождавшие народные праздники, — лучшее тому свидетельство. Один из самых древних, красочных и сохранившийся в основных чертах донныне праздник Ивана Купалы еще сравнительно недавно сопровождался изготовлением соломенного наряженного чучела, которое так и нарекалось — Мореною. Морена сжигалась в священных купальских кострах, через которые обязаны были перескочить все участники купальского праздника. Чем выше прыжок (чем ближе к небесно-космическим высотам), тем действеннее сила огня, передаваемая человеку и оберегающая его от смерти, болезни, нечистой силы и прочих напастей. В ряде областей Морена заменялась деревом Марины, вокруг которого совершались купальские обряды. То, что пугающее и не для всех знакомое имя Морены переименовывалось на более знакомую Марину, в порядке вещей. Но при этом Марина не утрачивала своей злокозненной и смертоносной сущности, о чем, кстати, свидетельствуют былины о Добрыне Никитиче и злой девке Маринке (ранее бывшей, скорее всего, Мореною).

Иванов день — праздник огня и Солнца. Июль — макушка лета — в старину именовался кресник (по имени огня — Крес). Сам же праздник Ивана Купалы посвящен летнему солнцевороту, когда Солнечное Колесо-Коло, достигнув высшей точки на небе, начинает «обратный путь». По сути своей это — праздник космический, ибо связан с астрологическими закономерностями — движением Земли и Солнца, обуславливающих в конечном счете смену времен года.

Астрально-космическое содержание купальских обрядов обусловлено также и тем, что огонь священных костров необходимо было получить животворящим способом, то есть путем магического приобщения к солнечно-космической энергии, а сами костры предпочтительно было разжигать на возвышенностях, горах или курганах, то есть как можно более приближенно к миру небесному. По свидетельству очевидцев, купальские огни, зажигаемые в Иванову ночь на Карпатах и Судетах в Польше и Чехии, представляют великолепное и торжественное зрелище на пространстве в несколько сот верст.

Христианство приспособилось к древнейшему языческому празднику, связав его с именем Иоанна Крестителя (отсюда Иванов день). Однако второе имя — Купало — никакого отношения к христианству не имеет. В имени Купало — два пласта: более поздний, связанный с водной стихией и словом «купать(ся)», и более древний, первичный, связанный с огненно-световой стихией и словом «купава», что означает «белый (цветок)», а «белый» в древнерусском представлении — синоним света. В восточноевропейских средневековых документах, относящихся к запретам празднования Иванова (Янова) дня у чехов и словаков есть прямые указания на то, что почитание огня и костров неотделимо от культа общеславянского бога Световита (Святовит. Свановита) (рис. 26):

*Мне снится древняя Аркона,
Славянский храм,
Пылают дали небосклона,*

Есть час громамю

*Я вижу призрак Световита,
Меж облаков,
Кругом него святая свита
Родных богов.*

*Он на коне, и слишком знает
Восторг погонь,
О, вихри молний нагоняет
Тот белый конь.*

.....
*Славянский мир объят пожаром,
Душа горит.
К каким ты нас уводишь чарам,
Бог Световит?*

Константин БАЛЬМОНТ

Аркона — знаменитый древнеславянский храм на современном острове Рюген (раньше он назывался Руян) в Балтийском море близ побережья Германии. Наиболее известное описание храма принадлежит крупному средневековому историку Саксону Грамматику (1140 — ок. 1208), который лично видел арконское святилище балтийских славян еще до того, как оно вскоре было до тла сожжено католическими миссионерами:

«Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга огражден природной защитой... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм, прекрасной работы, но почтенный не столько по великолепию зодчества, сколько по величю йога, которому здесь воздвигнут был кумир. Вся внешняя сторона здания блистали искусно сделанными барельефами различных фигур, но безобразно и грубо раскрашенными. Только один вход был во внутренность храма, окруженного двойною оградой. Внешняя ограда состояла из толстой стены с красною кровлею; внутренняя — из четырех крепких колонн, которые, не соединяясь твердой стеной, увешаны были коврами, достигавшими до земли, и примыкали ко внешней ограде лишь немногими арками и кровлей. В самом храме стоял большой, превосходящий рост человеческий, кумир, с четырьмя головами, на стольких же шеях, из которых две выходили из груди и две к хребту, но так, что из обеих передних и обеих задних голов одна смотрела направо, а другая налево. Волосы и борода были подстрижены коротко, и в этом, казалось, художник сообразовывался с обыкновением руян [то есть населения острова Руян. — В.Д.]. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца для гадания о плодородии следующего года; левая рука, которой кумир опирался на бок, уподоблялась луку. Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов деревьев и так искусно были соединены с коленами, что только при внимательном рассматривании можно было различать фуги. Ноги стояли наравне с землею, их фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими

принадлежностями. Рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, ножны и череп, которого, помимо красивых резных форм, отличались серебряною отделкой... Для содержания кумира каждый житель острова обоих полов вносил монету. Ему также отдавали третью часть добычи и хищений, веря, что его защита дарует успех. Кроме того, в его распоряжении были триста лошадей и столько же всадников, которые все, добываемое ими насильем или хитростью, вручали верховному жрецу; отсюда готовились различные украшения храма. Прочее сохранялось в сундуках под замками; в них, кроме огромного количества золота, лежало много пурпуровых одежд, но от ветхости гнилых и худых.

Можно было видеть и множество общественных и частных даров, пожертвованных с благочестивыми обетами, просящих помощи, потому что этому кумиру давала дань вся Славянская земля. Даже соседние государи посылали ему подарки с благоговением: между прочим, король датский Свенон, для умилоствления его, принес в дар чашу искуснейшей отделки...»

Четырехликий Световит смотрел в четыре страны (стороны) света, как бы распространяя на них свою власть (рис. 27). Одновременно он выступал средоточием, куда сходится с четырех сторон весь свет. Символика всесветности потрясает по своей простоте и емкости. Несомненный этимологический интерес представляет и вторая часть имени верховного Светобога. Корень «вит» имеет тот же смысл и происхождение, что и латинский *vita* — «жизнь» (а также «человеческий род» — «живущие»).

Известны и другие древние божества света. Из письменных источников практически ничего не известно о *Белбоге* (рис. 28). Между тем божество это, известное у южных славян (а также у кельтов) с тем же корнем — *Белин(ус)*, вне всякого сомнения, связано со светом. Неотъемлемый эпитет света — *белый* (одинаково относящийся к свету и как природному явлению, и как к окружающему миру и Вселенной). В современном языке произошло определенное смещение в значении понятия: «белый» прежде всего относится к соответствующему цвету, краске, хотя и здесь не утратило первоначального смысла — «светлый». Есть все основания полагать, что тот же смысл присутствует в топонимах древних городов Белгород и Белград («город света») и названии одного из ответвлений древнерусской нации — белоруссы. В таком случае речь может идти о древних центрах со святилищами света и о народе, связывающем свое происхождение или верования со светом. Особых сомнений происхождения русского слова «белый» не вызывает — по заключению лингвистов оно исконно родственно древнеиндийским *bhas*, *bhati* («блеск», «свет»), последнее означает также «знание». В древних языках (например, в древнеисландском) слово «бел» употребляется также и в значении «огонь».

Однако этимологические изыскания приводят к еще более интересным языковым параллелям. У древних неиндоевропейских народов — шумерийцев, вавилонян, ассирийцев, оказывается, тоже было верховное божество по имени Бел с теми же функциями, что и Бел индоевропейцев. В шумеро-аккадской мифологии Бел выступает и как собирательное имя для главных Божеств — творцов Вселенной. В соответствии с этим и центральное Божество вавилонского пантеона — Бог Солнца и главный покровитель города Вавилона — Мардук именовался греками Белосом. В космической битве Солнцего Мардук-Белос победил Тиамат — воплощение первозданной тьмы и

мирового хаоса. Интересно, что русское слово «тьма» оказывается созвучным шумеро-аккадскому имени Тиамат, имеющему практически тот же самый смысл. От общесемитского Бела в дальнейшем возник хорошо известный читателю культ Ваала (Баала) — бога плодородия и войны в Палестине, Сирии, Финикии, а затем через Карфаген распространившегося по всему древнему миру — от Египта до Испании. Его отголоски слышатся и в русском слове «балда». Другое имя, образованное от древнесемитского Бела путем многочисленных исторических и лингвистических трансформаций, — Вельзевул (имя дьявола, вошедшее в русский язык через древнееврейский). Все это лишнее раз доказывает общность древних культур.

Содержание понятия «свет» не менее емко и многогранно; помимо собственно физического смысла, слово «свет» означает и весь окружающий мир вообще: «весь свет», «целый свет» (интересен устойчивый фразеологический оборот «свет во всей Вселенной», где свет выступает в качестве космообразующего начала мироздания). Применительно к человеческому обществу слово «свет» употребляется в различных смысловых оттенках: «высший свет» (отсюда понятие светский), «полусвет» и др. Где, в каком еще языке сыщешь имя Светлана (в старину известны были и мужские имена — Светлан, Светозар, сказочный Световик)? Или употребление слова «свет» в иносказательном смысле: свет ты мой ясный, свет очей моих, светик, мой свет? Космическая приобщенность, неотделимость от видимого мира небесных явлений отразилась и в ласкательных опозитивированных именах, сохранившихся до наших дней: «солнышко», «звездочка», «зоренька», «месяц ясный». Можно, не колеблясь, утверждать: вся жизнь, душа и плоть русского человека с младенческих лет и до самой смерти была насквозь пронизана светом — в прямом и переносном смысле. Окружающий мир во всех его знакомых проявлениях именовался «белым светом». Антиподом этого света был «тот свет», пугающий и манящий своей неизведанностью и запредельностью.

Животворящий свет не только олицетворял светлое космическое начало, но и связывал воедино весь пантеон языческих божеств. И не только языческих. Древнее обожествление света переросло в новое религиозное миропонимание, которое немисливо без таких словосочетаний, как «божественный свет». Важнейшее понятие любой религиозной системы «святой» образовано от слова «свет» и впитало в себя его содержание.

Имелись и другие божества, чьи светозарные функции ставят их в один ряд Светобогов. Их соподчинение в настоящее время установить трудно. Однако нетрудно доказать, что такие древнерусские и общеславянские боги, как «Дый» (упоминается в «Хождении Богородицы по мукам») и Див из «Слова о полку Игореве», этимологически восходят к имени древнеиндийского Бога неба Дьяуста (*dy-aus* — «день», «сияющее дневное небо»).

В древнерусских мифологических и фольклорных представлениях известную роль играла такая женская ипостась светлого Дня, как утренняя заря (и звезда — одновременно), *Денница*. Известно также понимание Денницы как падающей звезды (именно звезды, поскольку представление, и тем более правильное истолкование явления метеоритов, относится к более позднему времени). Так, в сборнике XV века «О земном устроении» имеется отдельная глава «О денницах», описывающая падающие звезды, истолкованные как обломки небесного огня. Как и древнее «солонь», образ Денницы характеризует космическое животворящее начало, заключенное в свете, олицетворением

которого выступает брачная пара День и Денница (Свет околоземный и Свет космический). Но скорее всего, если восходить к праславянским общеарийским верованиям, все космические явления (включая землю, воду, небо, огонь) можно представить как самозарождающиеся из света. Вячеслав Иванов считал Денницу мифологическим существом мужского рода и отождествлял его с христианским и дохристианским Люцефером — одной из ипостасей дьявола, однако дословно означавшем «Носитель света» (его сотканную из противоречий суть искателя истины гениально раскрыл Байрон в мистерии «Каин»). По Вяч. Иванову, Денница — фосфорически светящийся дух — первомятежник, внушающий человеку гордую мечту богоравного бытия; это тот самый «печальный демон — дух изгнания», который «сиял» Лермонтову «волшебной-сладкой красотой».

В русском мировоззрении почитание женского космического начала в форме *Девы* имеет длительную историю: от сказочных Птицедев до Пречистой Девы — светлого и светоносного божества, впоследствии растворенного в культе Богородицы — хранительницы и покровительницы Руси, избравшей Россию своим последним домом. Имя Дева не могло не быть в центре мифологического и религиозного притяжения хотя бы потому, что оно — одно из древнейших и важнейших понятий индоевропейской культуры. Как известно, в санскрите *deva* означает «бог», «жрец»; «владыка», «царь», а также: «небесный», «божественный». Соответственно *devi* — это «богиня».

Отголоски такого небесно-божественного смысла сохранились в однокоренных словах и словосочетаниях «диво», «диво дивное». *Див* — одно из древнерусских мифологических существ, действует как персонаж в «Слове о полку Игореве», предупреждая русских воинов об опасности и одновременно предрекая беду. Кроме того, в древнерусской мифологии было известно женское божество — *Дева* (рис. 29). В широком смысле она — великий охранительный и вдохновляющий символ русского народа. В древнерусском миропредставлении в соответствии с индоевропейской и общемировой традицией Пречистая Дева — воплощение вселенского и солнечного света одновременно: «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откровение святого Иоанна Богослова, 12, 1).

В славянской и всей индоевропейской культуре особенно развит и распространен был культ утренней *Зари* (рис. 30), предвозвестницы дневного света (рассвет). По древнеиндийской традиции Утренняя заря (богиня Ушас) — дочь неба. В славянском фольклоре утренняя заря зовется Оком (или окном) божьим. «Зори утренни от очей Господних», — подтверждает Голубиная книга. Отсюда понятна однокоренная родственность слов «заря-зори» с лексическим гнездом: «взор»; «зоркий»; «зрак», «зреть», «позор», «зариться». Иначе: слова, означающие небесный или огненный свет (ср.: «зарев»), родственны словам со смыслом «видеть — глаз». В русском языке и народно-поэтических воззрениях понятия «зари-зорьки» относятся к числу наиболее стойких и укоренившихся: от ласкательного эпитета «зоренька ясная» и сказочных имен Заря-богатырь, Иван-Зорькин (ср. также кличку животных — Зорька) до древнейших присловий и заговоров.

Владимир Даль приводит пример подобных народных представлений. Так, о Солнце говорили: «По заре зарянской катится шар вертлянский — никому его не обойти, не объехать». Сохранился также текст заговора, с которым нагая бабка обносит нагого младенца вокруг бани. «Заря,

зарина, заря скорина, возьми с раба Божия младенца зыки и рыки дневные и ночные». По народным повериям, жизнь ребенка с момента рождения зависит от животворящей силы зари.

У восточных славян и русских Утренняя Заря, прогонявшая Ночь, считалась Девой-воительницей, Победительницей Тьмы и одновременно — Матерью Солнца, которое она в прямом смысле рожала каждый божий день, подобно тому, как птица сносит яйцо. Такое представление восходит к самым глубинам протоарийского мировоззрения, впоследствии расщепившегося на самостоятельные, но во многом перекрещивающиеся индоевропейские мифологии. Рудиментами первичного мирозерцания (в Ригведе оно представлено концентрированно в виде Богини Утренней Зари — Ушас) можно считать такие русские сказочные образы, как Ненаглядная Красота, Марья Моревна, Царь-Девушка, которые первоначально, как доказал А.Н.Афанасьев, были тождественны Богине Утренней Зари.

В фольклоре сохранились и другие осколки древнейшей общеиндоевропейской мифологемы: Заря — мать, Солнце — сын или дочь. «Без утренней зорюшки солнышко не взойдет», — гласит пословица. В Архангельской губернии записан заговор, обращенный к ночному небу и утренней заре: «Заря-зорница, красная девица, сама мати и царица, светел месяц, часты звезды... Среди ночи приди ко мне хоть красной девицей, хоть матерью-царицей». В новгородской Хлудовской псалтири конца XIII века есть миниатюра: огнеобразная дева несет в руках Солнце, имя ее, как гласит подпись, «Зоря утръняя».

Представление о жизнедарящей роли зари уходит своими корнями в самые глубины протоиндоевропейских верований. В Ригведе собрано около 20 гимнов, посвященных богине утренней зари Ушас — создательнице света, воспламеняющей своими лучами Небо, своего отца, с которым Богиня находится в кровосмесительном браке (слияние зари и неба воспринималось как акт совокупления). Ушас олицетворяет вечный свет, который был, есть и будет и если исчезает ночью, то на время; Ушас — гарант его неизбежного возрождения (в этом смысле в Ригведе она именуется «знаменем бессмертия»).

Отзвук имен светозарных божеств слышится в культурах разных эпох и народов: пророк Заратуштра (греч. Зороастр); женские восточные имена — Зара, Зарема, Зарина. Были попытки сблизить с общеиндоевропейскими корнями «зор — зар» (ср. укр. зирка — заря) имя древнеегипетского бога Осириса (Озириса), истолкованного как Зарид, т.е. Озаренный или Осиянный. Взаимодействие между индоевропейской и семитско-хамитской культурами и мифологиями на разных отрезках исторического развития бесспорно. Бесспорны также древние контакты между этносами. Так, статуэтка Осириса была найдена в Томской области (а статуэтка Амона — в Пермской области). Что касается генеологической связи, то следует отталкиваться от подлинного древнеегипетского звучания имени бога Осириса. В европейские языки вошел его древнегреческий эквивалент, который на древнеегипетском языке прочитывается как Усир (это при том, что в древнеегипетском письме гласные звуки отсутствуют).

Если сблизать смысловое значение Осириса с озаренностью, то тогда напрашиваются и некоторые фонетические параллели: древнеегипетское имя Усир созвучно с древнеиндийским Ушас, а последнее приводит к русскому «ужас», что объяснимо только в том случае, если исходить из общеизвестных функций Бога Осириса как владыки Царства мертвых, царя Преисподней и

главного судии на Страшном суде. Все становится на свои места, если вспомнить, что зори бывают как утренние, так и вечерние: первые приносят рождение дневного света, а последние — его смерть. Можно подобрать еще одно объяснение тому на первый взгляд необъяснимому факту, почему имя Богини Утренней Зари — Ушас превратилось в русский «ужас»: это — инцест (кровосмесительный брак) дочери с отцом — ужасное и преступное прелюбодеяние с точки зрения развитых родовых отношений.

Космическую сущность любви, о чем писали многие мыслители Запада и Востока, — в лапидарной форме выразил Данте: «Любовь, что движет солнце и светила». В русском народном мировоззрении (как и в мировоззрении других народов) обнаруживается иной аспект данной темы: сам человек оказывается сыном или дочерью небесных светил, тем самым образуя с ними небесно-космическую семью.

Впечатляющим носителем жизнетворящего начала природы выступает хорошо известный древнерусский и общеславянский бог — *Ярило* (рис. 31), олицетворявший мужское естество и весеннее плодородие. Имя Ярилы, воплощавшего яростное детородное (сексуальное) начало, одновременно сливалось с понятием «яркий», «яр», «яровой» (весенний). В конечном счете и сам Бог и его имя восходит к гиперборейским временам общеиндоевропейской этнической нерасчлененности и сопряжено с именем и функциями эллинского бога Гермеса («ярого месяца»). По сведениям, зафиксированным этнографами еще в прошлом веке, белорусы представляли Ярило в виде молодого красивого юноши с белым плащом и на белом коне, на голове у языческого богжества — венок из живых цветов.

Весенний праздник Ярилы, доживший до XX века и детально описанный этнографами, по существу являлся исторически трансформированным на славянской почве хорошо известного дионисийского культа с непристойным органистическим действием. Аналогичным образом непременным атрибутом русского Ярилы был подчеркнут большой фаллос, сделанный из полена, а само празднество завершалось имитацией полового акта. В данной форме он является отголоском тех далеких древнеиндоевропейских верований, в соответствии с которыми для достижения плодородия и получения высокого урожая требовалось оплодотворить женщину на вспаханном поле.

Несмотря на подчеркнута непристойный характер, Ярилины праздник отмечался в России повсеместно еще в начале XX века, правда, не в одни и те же дни. Вот доподлинные свидетельства современников. В Костроме отправляли похороны Ярилы во Всесвятское заговенье. Старик, одетый в изодранное платье, нес в гробу куклу Ярилы в виде мужчины с выпяченными наружу естественными частями. Пьяные женщины провожали куклу с рыданиями, а потом зарывали в землю. В Галиче и Кинешме Костромской губернии представителем Ярилы выбирали старика, упаивали вусласть и забавлялись над ним. (Все это отголоски древних дионисийских необузданных празднеств, непременным атрибутом которых было бесконтрольное употребление опьяняющих напитков.) Девушки устраивали вокруг пьяного деда, персонифицирующего Ярилу, веселые хороводы.

В Тверской губернии в первое воскресенье после Петрова дня девушки и парни собирались плясать и веселиться в честь Ярилы. Матери охотно отпускали своих дочерей на это гуляние поневеститься. Женихи высматривали невест, а невесты женихов. Общенье носило более чем вольный

характер. Во время разгула любовью занимались под ветвистыми деревьями. В некоторых местностях Казанской губернии крестьяне обоюбого пола плясали в честь Ярилы на полях, где перед этим окропляли скот священной водою.

В Воронеже в Ярилин день люди всех возрастов и обеих полов, нарядившись, как в самый большой праздник, собирались с рассветом дня за городом на большой площади. Всеобщее разгулье выражалось в песнях и плясках. Из числа мужчин выбирали Ярилу, наряжали его в пестрое платье, украшали цветами, лентами и бубенчиками, лицо нарумянивали. Дети возвещали шествие Ярилы барабанным боем. Начинался всеобщий разгул, который обычно завершался страшным кулачным боем (заметим, что кулачный бой — одна из древнейших ритуальных игр индоевропейцев).

Одним из славянских вариантов ярилиных празднеств (по сути, духу и обрядности) являются сохранившееся до сих пор в Болгарии масленичное действо, посвященное Кукеру. Последний и есть воплощение неувядающего плодородия и его мужской обусловленности. Кукером (ср. «кукиш») наряжается мужчина: накидывает козью или овечью шкуру, надевает зооморфную маску с рогами и прикрепляет ниже пояса огромный деревянный фаллос или же берет в руки длинный фаллоподобный шест (рис. 32). Длинными фаллоподобными палками с недвусмысленными набалдашниками вооружаются и остальные участники празднества. И дальше начинается то, о чем обычно принято умалчивать или делать примечание: «не для печати». Вульгарная имитация половых актов, зачатия, беременности и родов являются по существу магическими действиями, направленными на обеспечение плодородия земли, удачного посева и обилие будущего урожая.

Русский корень «яр» происходит от древнеарийского «ар» и обнаруживает свои следы в глубинах тысячелетий и в культурах различных народов: арии, Арджуна (один из главных героев «Махабхараты»), Иран (русифицированное название страны: первоначально Арьянам — «страна ариев»); Аргус — древнегреческий тысячеглазый великан, персонифицирующий звездное небо; Арес — древнегреческий бог войны; Яри — хеттский бог войны; Эрос (Эрот) — древнегреческий бог любви, одно из четырех космических первоначал.

Эрос и Ярила — разнозвучающие имена (с единой корневой праосновой) общего праиндоевропейского Божества, почитавшегося нашими далекими прапредками в те стародавние времена, когда и протоэллины и протославяне были слиты в единый пранарод с единым языком и верованиями. Лишним подтверждением тому служит происхождение имени Геры — древнегреческой богини, супруги Зевса. Яростно-мстительная и необузданно-вспыльчивая натура Геры — точное воплощение ее первобожественной сущности, связанной с яростью как космическо-природно-человеческой стихией. Но и само имя Геры первоначально звучало как Яра. Славянские имена Ярослав, Ярополк, Яровит генетически являются однокоренными имени Гера; точно так же и имя самого знаменитого древнегреческого героя Геракла генетически является однокоренным имени Ярилы и созвучным (фонетически и семантически) славянскому Ярославу.

Известна и смягченная трактовка образа Ярилы, сближение его с богами солнечного пантеона и даже отождествление с Солнцем, как это сделано в весенней сказке Александра Николаевича Островского (1823—1886) «Снегурочка». Великий русский драматург опирался на нижегородскую трактовку языческого мифа о Яриле — боге Солнца, любви и плодородия.

Дожившая до наших дней легенда гласит: в стародавние времена Земля пребывала во мраке и стуже, но пришел бог Ярила и озарил ее своим светом, согрел своим теплом. Тогда-то и родился из недр Земли Человек. Был он сначала несмышленищем, пока не просветил его разум Ярила своей молнией. С тех пор и стал человек властелином во Вселенной. Жизненная энергия пополняется не только от земли или соматических токов, но и по другим каналам, в том числе и космического происхождения. Среди них бездонный источник, рождающий энергию любви. О нем знают все, но мало кто может описать в конкретных и точных научных понятиях. Опираясь на древнюю славянскую мифологию, Островский в опозитизированной фольклорной Снегурочке увидел трепетный образ космизированной любви. Когда с помощью природного Женского Начала в лице матери Весны в ледяном сердце бесстрастной девушки просыпается чувство любви, она не только тает под жизненными Яриными лучами, но и по существу растворяется в солнечном потоке космической любви.

Космическая сущность бога Ярилы обнаруживается при проекции календарно-обрядовых функций на природно-циклические процессы, которые, как известно, обусловлены космическими причинами: движением Земли вокруг Солнца при вращении самой Земли, что создает соответствующую картину звездного неба, движением Солнца относительно других звезд и наоборот, скрытых галактических факторов, и растянутых во времени соответствующих физических процессов, неизбежно влияющих и на земную жизнь.

Власть Богов над пространством и временем предполагала управление циклическими изменениями в природе: сменой времен года, месяцев, недель, суток, дня и ночи — что все вместе и порознь увязывалось с круговоротом движения Солнца, Луны, планет и звезд. Отсюда вытекают и более обобщенные, по существу философские представления о «вечном возвращении», т.е. возрождении времени, и циклических круговоротах во Вселенной. Все это в конечном счете привязывалось к космогоническому природотворческому акту, и в зависимости от биокосмических ритмов строились как летоисчисление, так и вся хозяйственно-бытовая жизнь: сельские работы, охота и рыболовство, водная навигация, праздники и обычаи. В свою очередь исчисление суточного, недельного, месячного и годового времени возможно лишь на солнечно(лунно)-световой основе: световые циклы — объективный базис всякого календаря.

В индоевропейских языках есть группа понятий для обозначения годовых и вообще — временных циклов, в основе которых лежит древнейший корень «яр» («йар», «аэр»). Он образует древнеиранское (авестийское) слово «год», лежит в основе древнегреческого понятия, означающего «время года», и безо всяких изменений воспроизводится в современном немецком языке: «йар» (*Jahr*) «год». В древнерусском языке слово «яра» означало лишь одно время года — весну, но в реконструированном прославянском языке этим словом обозначался целый или, как говорили в народе, круглый год (кстати, одно из точных определений циклическости времени и изменений в природе). Отсюда и происходит имя древнерусского весенне-солнечного и жизнеродного божества Ярилы — хозяина времени и зачинателя года. Весной начинается пробуждение природы и отсчет нового естественного жизненного цикла, устройтелем и распорядителем которого выступает Ярило.

В данной связи уместно сделать одно важное отступление. Одним из любимых древних преданий детворы является сказка о 12 месяцах. Сюжет ее

сколь оригинален, столь и загадочен. В середине прошлого века ее услышала от своей служанки, бывшей родом из Словакии, знаменитая чешская писательница и просветительница Божена Немцова (1820—1862) (рис. 33). Записала, перевела на чешский язык и опубликовала. С тех пор и пошла гулять сказка по свету. В России ее облюбовал и перевел по-русски ни кто иной как сам Н.С. Лесков. В этом переводе полностью сохранена первозданность оригинала — тем он особенно ценен и интересен. Другие издания либо адаптированы, либо литературно обработаны. К последним относится и популярное драматическое переложение Самуила Яковлевича Маршака (1887—1964), по которому когда-то был снят полнометражный мультфильм.

Маршак наделил каждого из братьев-месяцев неповторимыми и запоминающимися чертами, соответствующими, впрочем, традиционным народным представлениям, которые, как и всё драматическое действие, дают надежное основание для сопоставлений и выводов. По исходному сюжету, злая мачеха и ее дочь-сумасбродка отправляют нелюбимую падчерицу в лютый январский мороз в лес за фиалками (вариант - за подснежниками). Бедная девушка встречает у ночного костра 12 братьев-месяцев. В переводе Лескова они описаны так: "три беловолосые, три помоложе первых, три еще моложе, а еще три всех моложе и прекраснее". Здесь перечень месяцев дается в порядке, обратном естественному ходу годового цикла: от стариков зимних месяцев — через зрелые осенние и молодые летние месяцы — к юным весенним.

Обратный счет времени отнюдь не случаен (в народной мифологии вообще нет ничего случайного — за каждой мифологемой скрывается глубочайший смысл, а то и несколько смысловых уровней). Братья-месяцы как властелины и хранители времени способны управлять его течением — ускорить или повернуть вспять. Осуществить это они могут все вместе, путем коллективного магического деяния раскрутив годовое колесо времени (настоящая славянская Калачакра!). Каждому же в отдельности — при строгом соблюдении канонической последовательности шагов — подвластен лишь строго определенный отрезок годового цикла. В словацком сказочном шедевре отразилась мечта многих поколений овладеть временем, подчинить своим потребностям его неумолимый и необратимый ход, победить старость и саму смерть. В соответствии с развитием сюжета, сказочные хозяева годового цикла берут под свое покровительство добрую падчерицу, ради ее спасения ускоряют (а не поворачивают, что они тоже умеют) смену времен года, одаривают свою подопечную — сначала цветами, затем — ягодами, а под конец — яблоками (по законам жанра встреча с космическими заступниками повторяется трижды).

Данная сюжетная линия в свернутом виде повторяется и у других народов — в русской сказке "Морозко", немецкой — "Бабушка Метелица", японской — "Земляника под снегом" и т.д. Их общая особенность: дарителем благ и счастливой жизни, в схематической форме выражающих мифологему Золотого века, здесь выступает не совокупный годичный цикл в лице 12 месяцев, а загадочный персонаж в единственном числе, почему-то непременно связанный с зимним холодом — Мороз или Метелица, от которых гибнут злые герои (точнее — героини) сказки. Всё это вместе взятое прямо указывает на Север и обнажает полярные корни исходных сюжетов.

Так, в сказке о 12 месяцах закодирована архаичная информация, восходящая к первоистокам арийского мировоззрения и предыстории индоевропейских и неиндоевропейских народов. Об этом свидетельствуют один несомненный факт, на который обычно не обращается особого внимания. В

адаптированных вариантов сказки действие разворачивается в лесу, где у костра коротают время братья-месяцы. В первоисточнике же костер горит на вершине высокой горы и, соответственно, всё происходит именно там. Всё это — трансформированный в сказочном сюжете архетип далекой Северной прародины, выраженный в ее символе — полярной горе Меру.

Современное русское слово «год» также древнейшего происхождения. Его лексическая основа восходит к санскритскому многозначному слову «*gy*», в первую очередь служащему для обозначения понятий «бык» и «корова» (это значение сохранилось в современном русском языке «говядина», образованного от устаревшего ныне «говядо», означавшего всякую крупную рогатую скотину — быка, вола, корову), а также в производном от «говядо» и ставшем бранным словом «говно». Но санскритское «*gy*» означает также «звезды» и «лучи света» (и кроме того, «речь» — откуда русское «говорить»), что, несомненно, раскрывает его космические корни и делает понятным астрально-циклическое происхождение самого слова «год».

С неотвратимым воздействием неведомых космических сил (в том числе и астрально-природных циклов) связано понятие «рок», имеющее временное происхождение (ср.: «срок»). В древнерусском языке оно означало не только «судьбу» (как это имеет место в современном языке), но и «год» (в украинском языке это значение сохранилось и поныне). Этимологически понятие «рока» восходит к санскритскому слову *rac*, где оно означает в первую очередь «созидать», «творить», «создавать», «устраивать», «упорядочивать», что в целом соответствует пониманию Космоса как упорядочивающего начала. Но космическая сущность рока предполагает наличие в нем неких непреодолимых законов в виде неизбежной судьбы. Роковая предопределенность — это вовсе не божеское предначертание. Это — несравненно большее, глубинное и непостижимое. В мифологической традиции против рока и судьбы бессильны любые Боги. Вселенская неотвратимость рока определяет жизнь людей и ход истории. Как и другие космически насыщенные категории, рок связан с речью или ее эквивалентами. Само слово «речь» является производным от однокоренного ему слова «рок» (ср.: «реку», т.е. «говорю», «пророк»). К этому же лексическому гнезду примыкают слова «рокот» и «рык».

Человеческая жизнь, по мнению наших предков, с момента рождения зависела от того, что написано в «небесно-звездной книге». Вселенское мироощущение впитывается русскими чуть ли не с молоком матери. Каждый хотел бы родиться под счастливой звездой. Всю жизнь в нашей душе звучит древний оберег-заклинание, ставший впоследствии словами известного романа: «Гори, гори, моя звезда...» Гаснет она — обрывается нить жизни, и человек умирает. Великий наш соотечественник, выдающийся мифолог, собиратель и исследователь русского фольклора Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) (рис. 34) отмечал: «Каждый человек получил на небе *свою звезду*, с падением которой прекращается его существование; если же, с одной стороны, смерть означалась падением звезды, то, с другой, — рождение младенца должно было означаться появлением или возжиганием новой звезды, как это засвидетельствовано преданиями индоевропейских народов. В пермской губернии поселяне убеждены, что *на небе столько же звезд, сколько на земле людей*». Поразительно, но свыше двух тысяч лет до этой записи, сделанной в пермской глухомани, подобные же взгляды высказывал Платон: число душ в Космосе равно числу звезд и распределено по одной на каждой звезде (Тимей,

41e). В свою очередь, мысль, сформулированная Платоном, вполне соответствует «звездной философии» египтян, изложенной, к примеру, в так называемых «Драматических текстах».

Вера в небесно-космическую предопределенность человеческой жизни на всех ее этапах была присуща всем славянским народам. По стойкому убеждению русских, украинцев, белорусов, южных и западных славян Солнце, Луна, Земля, звезды принимали деятельное участие в судьбе человека, определяя в том числе и счастье или несчастье в супружеской жизни. Женитьба и замужество, в представлении славян да и других народов, заранее предопределена и даже записана в воображенной небесной книге. Юноша в мужья и девушка в жены предназначаются Судьбой — неотвратимым небесно-космическим Роком. От имени неотвратимой Судьбы возникли и понятия «суженый», «суженая», имевшие магическое значение; само слово заставляло юношу и девушку покоряться судьбе. В народных заговорах и заклинаниях, многие из которых восходят к общеиндоевропейским и доиндоевропейским мифологическим представлениям, содержатся обращения к высшим космическим силам, дневному и ночным светилам, утренним и вечерним зорям, а произносивший магическое заклинание объявлял себя облаченным в небесный свет и «обычным» частыми звездами.

Представления о жизненности космических сил, взаимопроникновении их и жизни человеческой, обусловленность ее высшими «небесными» законами — неотъемлемая часть, ядро народного мировоззрения, передававшегося от поколения к поколению вместе с языком, вековыми традициями и тем русским духом, который и составляет отличительную черту всей нации. После распада единой праиндоевропейской этнической и языковой общности из нее выделились самостоятельно народы — носители новых языков и культур (данный процесс занял много тысячелетий). Но каждый народ (впоследствии — нация) продолжал хранить в своем мировоззрении остатки былых представлений и верований. Арийское наследство, принесенное славянами (а в дальнейшем — русскими) на евразийскую почву, сохранялось в форме стойких мифологических воззрений, игравших, по мнению, скажем, самобытного русского историка Ивана Егоровича Забелина (1820—1908) (рис. 34-а), роль первобытного познания природы и даже первобытной науки. В этом горниле зарождался и оформлялся изначальный народный космизм. «Язычник, — отмечал Забелин, — яснее всего постигал и понимал одну великую истину, что жизнь — есть основа всего мира, что она разлита повсюду и чувствуется на каждом шагу, в каждой былинке... Во всем живом мире господствует и повсюду является такое же человеческое существо, как он сам. Он сознавал, что весь видимый мир от былинки до небесного светила одухотворен тою же человеческой душою, ее мыслью, ее чувством, ее волею». Отсюда: не только животные и растения, но и самые камни мыслили, чувствовали, говорили таким же понятным каждому человеческим языком.

Слабое и не вполне удачное приспособление христианства к возраждающемуся непрерывно, как феникс из пепла, языческому мироощущению наглядно демонстрирует архаичная колыбельная, где Богородица ищет своего погибшего сына. Казалось бы, на первый взгляд — типичный евангельский сюжет. Однако потерявшегося сына почему-то зовут Иванойкой (Ванечкой), а обращается Богородица за помощью к Солнцу, Месяцу и, наконец, к небесной звездочке. Последняя и рассказала несчастной матери всю правду: на ее сына напали разбойники. (Сюжет обращения за содействием к

небесным светилам и стихиям исключительно популярен в славянском фольклоре; впоследствии его использовали Пушкин в стихотворной «Сказке о мертвой царевне» и Ершов в «Коньке-горбунке»). Дальше — больше. Богородица в карпатских колядках вдруг сама оказывается Солнцем в его женской ипостаси, Месяц становится ее мужем, а звезды на небе — их детьми (среди них и потерявшийся сын Иванойка). Одним словом, в обрядовой песне проступают следы матриархального мировоззрения и архетип коллективного бессознательного — образ Великой Матери.

Говорящие и чувствующие предметы, стихии, растения, животные, сохранившиеся по сей день в сказках, песнях, эпосе, — это не плод наивного вымысла, а результат глубочайшего проникновения в таинство окружающего мира и осознания неразрывного с ним единения. Недостигаемая всеобъемлющая Вселенная порождает не страх и ужас, а укрепляет чувство космического родства и, следовательно, обережения и заступничества от любых враждебных и злокозненных сил. Пробуждение этих защитных функций природно-космического Универсума достигалось с помощью разного рода магических обрядов и действий. Тем самым весь окружающий человека видимый и невидимый мир — от Солнца и звезд до листика и травинки — оказывался одушевленным и одухотворенным, замыкаясь в единое и неразрывное целое с самим человеком.

Христианство с трудом преодолеvalo (и никогда до конца не сумело преодолеть) веками и тысячелетиями формировавшееся космическое мировоззрение народов, населявших Россию. Несмотря на драконовские меры и инквизиторскую политику, церкви никак не удавалось вытравить то, что дается самой природой. Ни инородцы, ни русское население никогда не расставалось с вселенско-языческим отношением к окружающему миру, подразумевая себя его неотъемлемой частичкой. Дьявольской называет анонимный и первый русский космологический трактат XII века «Слово о силах небесных» неискоренимую веру людей «в Солнце, и в Месяц, и в Звезды, а иныя в реки, и в источники, и в древа..., и в огонь, и в звери, и в иныя вещи многообразныя».

Мифологическое сознание не есть нечто нерасчлененное, аморфное — таким оно предстает по прошествии веков и тысячелетий, когда на нет сходит его прежнее идеологическое значение, влияние на повседневную жизнь утрачивается, а остатки ранее господствующего мировоззрения оседают в фольклоре. Безусловно, современному человеку трудно судить, к какому именно неведомому прошлому принадлежит тот или иной сказочный или эпический образ (особенно если речь идет об архаичных пластах). Но положение не безнадежно — тем более иных путей для установления истины нет. *Фольклор — это закодированная в устойчивых художественных образах и символах родовая коллективная память народа.* Задача проницательного читателя и слушателя — научиться расшифровывать этот код.

Таким образом, сохранившееся по сей день выражение «родиться под счастливой звездой» — вовсе не результат поздних заимствованных астрологических поверий, а исконно русское понимание неотделимости жизни индивида от космической жизни звезды. В старинных свадебно-обрядовых песнях пелось: «звезды ясные, сойдите в чашу брачную». Это значит, что счастье супружеской жизни представлялось предопределенным звездами. И не только счастье в смысле «совет да любовь», но и главное — в смысле многодетного брака, нетрудных (и не дай Бог — смертельных) родов.

* * *

Одно из древнеиндийских имен Солнечного божества — Савитар (*Savitar*). В данной ипостаси Солнце выступало в качестве животворящей силы, творящей законы, которым подчиняются все живые существа. В конечном счете путем метаморфоз звучаний и смыслов образовалось русское слово «сивый», означающее «сияющий», «ясный» (эквивалентом русского «ясного сокола» в сербском фольклоре выступает «сивый (сияющий) сокол с золотыми перьями»). У славян известна была также богиня Сива, однако каких-либо развернутых сведений о ней не сохранилось. Одни знатоки мифологии отождествляют ее с Богиней Живой, другие (исходя из смысла «седая», «белая») — с Селеной-Луной. С именами древнеиндийского бога Солнца Савитара и древнеславянской Богини Сивы (Севы), по всей вероятности, так или иначе связано и название части света — Север. Если так, то данный факт служит лишним подтверждением теории Тилака о полярном происхождении индоарийских народов и полярной родине Вед. Имя Сива с учетом его смысловой нагрузки является также составной частью прозвища Солнечного коня Сивки-бурки.

Наиболее приемлемой, хотя и достаточно неожиданной представляется версия, согласно которой имя Сивы этимологически связано с именем знаменитого индуистского божества — Шивы, происходит от него по смыслу и функциям. Санскритское слово *śiva* (Шива) имеет следующие смысловые значения: «дружественный», «добрый», «благосклонный», «целебный», а также означает «благо» и «счастье». Следовательно, все эти лексические значения по определению, так сказать, должны были быть экстраполированы на функциональные особенности славянского божества — Сивы. Однако и собственные неповторимые качества, выражающие единство созидательных и разрушительных сил в универсуме и воплощение космической энергии, — неизбежно должны были наложить отпечаток на богиню Сиву. Отпечаток этот не мог не быть диалектически противоречивым и в силу происхождения самого образа Шивы, его истоки уходят в доарийские времена и верования коренных народов Индостана, создавших цивилизацию задолго до вторжения индоарийских племен, которые поглотили культуру своих предшественников и заимствовали из нее множество образов и идей. Впрочем, если исходить из теории общего происхождения языков и культуры народов мира, — соприкосновение мифологий и идеологий существовало задолго до того, как протоиндоевропейские народы пришли в движение и распространились по всей Евразии. Так что вопрос о том, что первично и что вторично в мифологии, остается открытым. Косвенным подтверждением связанного являются имена верховных божеств у других народов: урартский бог Солнца *šiwini*, хеттский Бог *šiu-šnuš* и др.

Другие ведийские боги также не исчезли бесследно из памяти русского народа, сохраняясь в словах, несущих подчас иную смысловую нагрузку, но тем не менее указывающих на древнейший первоначальный смысл. Во вводной части уже говорилось об этимологическом и семантическом родстве слов и понятий Вишну и (Все)вышний. Аналогичным образом имя еще одного великого Бога индоариев Индры сохранилось в русском фольклоре в форме фантастического Индрик-зверя — согласно Голубиной книге он «всем зверям отец».

Несомненный отпечаток общеарийской и доарийских верований и обрядов несут на себе знаменитые древнегреческие, а затем и древнеримские прорицательницы сивиллы (сибиллы). По античной традиции они считались

пришлыми с Востока и владели всей мудростью мира, включая знание будущего. Имя сивиллы объединяет в себе образы сразу двух славянских Божеств — Сивы и вилы. Вилы — славянские феи, прекрасные девушки с распущенными волосами и птичьими крыльями. Их главные функции — помогать обиженным, лечить людей и предсказывать будущее. Трансформация образа птицедев в русском фольклоре шла в двух направлениях: в сказках распространен мотив о птицах, обернувшихся девушками (и наоборот), в легендах же и сказаниях образ вил слился с близкими им по смыслу образами вещей полуптиц-полудев — Алконоста, Сирина и Гамаюна. Что касается архаичности имени сивиллы и связи его с доарийской традицией, то здесь представляется весьма вероятным этимологическое родство фонетического варианта имени сибилла и названия страны — Сибирь. Единая корневая основа «сиб» свидетельствует не только об общем происхождении, но и месте (территории) этого общего происхождения. В этом смысле топоним Сибирь может быть интерпретирован как «страна сибилл» или место, где обитают сибиллы-шаманки, а само слово «сибилла» будет означать «сибирячка» в его древнем звучании.

Предлагаемое объяснение происхождения названия Сибирь несколько не противоречит общепринятому. Согласно существующей этимологической и топонимической концепции слово «Сибирь» тюркского или же монгольского происхождения. Однако, судя по всему, название «Сибирь» уходит своими корнями в те времена, когда протоиндоевропейские, прототюркские и протомонгольские языки не были расчленены и представляли единое целое. Корневая основа «сев-сив» обнаруживается и в самом понятии Север (первоначально — Сивер, так это слово звучало в русских былинах и поныне звучит в украинском языке и некоторых русских диалектах).

* * *

Во многих индоевропейских языках, живых и мертвых, слово «солнце» является однокоренным русскому. Типичным является латинское *sol(is)*, откуда итальянское *sole*, испанское *sol*, французское *sol*. В современной русской вокализации корень включает два согласных звука — «л» и «н». Но так было не всегда: известно выражение, взятое из церковной практики, «ходить посолонь (то есть «по солнцу»)). Древнерусское название Солнца — Солонь — встречается и в самой древней из дошедших русских рукописных книг — Остромировом Евангелие. В других индоевропейских языках корневая основа трансформировалась в ином направлении: например, в английском — *sun*, в немецком — *Sonne*, в украинском — *сонце*, в белорусском — *сонца*, в сербско-хорватском — *сунце*. Как видим, здесь утрачен звук «л» («л»).

Углубленный лингвистический и этимологический анализ не всходит в мои задачи. Но нельзя не обратить внимания, что корень «сол» («сал») встречается и в неиндоевропейских языках (что лишний раз подтверждает их былую общность). Взять, к примеру, библейские имена Соломон и Саломея. Известно, что они образованы от всем хорошо известного еврейского слова «шолом», что изначально означает «мир» (ср. также арабское «салям»). В архаичном индоевропейском миропредставлении между понятиями «солнце» и «мир» не существовало непроходимой грани. Русское слово «мир» (во всех его возможных смыслах — «вселенная», «народ», «согласие», «смерть» — «мор») происходит от имени арийского солнцезбога Митры, входящего в пантеон и древнеиндийских и древнеиранских богов, откуда он впоследствии

распространился по всему эллинистическому миру. Из сказанного, помимо всего прочего, вытекает, что при образовании фундаментальных понятий, становящихся смысловыми константами, семантика играет определяющую роль: смысл — *первичен*, его словесное оформление и фонетическая вокализация — *вторичны*. Подробнее по данной проблеме можно прочесть в моей книге «Тайны биосферы и ноосферы» (М., 2001).

Приверженность славян к солнечному культу известна давно. Еще в 1846 году крупнейший русский славист и этнограф, будущий прославленный академик Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) (рис. 35) опубликовал в «Журнале министерства народного просвещения» статью «Об обожании Солнца у древних славян», где на многочисленных исторических и этнографических фактах проиллюстрировал солярное мировоззрение славянских народов. Славянам во все времена была присуща почти что генетическая сопричастность к Солнцу. Они поклонялись Дневному светилу, обоготворяли его, но одновременно всегда чувствовали себя с ним чуть ли не на равных. Это прекрасно подтверждает вся история славянской поэзии, начиная с хрестоматийного сербского «Спора Солнца и девицы», опубликованного еще в 1814 году классиком национальной литературы и культуры Вуком Караджичем (1787—1864) (рис.):

*С жарким солнцем спорила девица:
«Солнышко, а я тебя красивей!»
Солнышко девице отвечало:
«Кто красивей, мы увидим завтра!»...*

В этой песне явственно проступают даже матриархальные мотивы: в спор и соперничество с Солнцегомом вступает девушка (что для последующей — патриархальной — эпохи выглядело бы как невыносимая дерзость и кощунство). Но и спустя тысячелетия славянские поэты воспринимали Солнце как равное себе и общались с ним запросто. Конечно же я имею в виду «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским на даче», написанное в 1920 году:

*...Сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
.....
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!»*

В разное время, на разных стадиях разделения славянских народов количество верховных существ, сопряженных с Солнцем, менялось. Не менялось, однако, славянское солярное мировоззрение. Арабские путешественники, побывавшие на славянских территориях задолго в языческие времена, застали и описали храмы Солнца, предназначенные не только для культовых отправлений, но и для астрономических наблюдений. Однако почитание Солнечного семейства богов уходит корнями к самым истокам

становления древнерусской, древнеславянской и древнеарийской народности. Солнечные сюжеты обнаруживаются в древних захоронениях, а также на предметах (керамика, украшения), добытых при археологических раскопках в местах традиционного обитания славян.

Солнце было не просто почитаемым божеством. Оно входило составной частью в родоплеменные отношения. Еще в XII веке русские люди продолжали считать Солнце космическим членом своего рода, именуя себя внуками Дажьбога, что нашло отражение в «Слове о полку Игореве». Четыре князя — участники похода — именуются здесь просто «четыре Солнца». Те же представления запечатлены в фольклоре. В сказке из сборника А.Н.Афанасьева «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» Солнце сватается к одной из девушек и берет ее в жены, а тесть навевается к зятю-Солнцу в гости (родственные отношения также налицо). Посещают Солнце и его небесный дворец и другие герои, как, например, в сказке о Солнцевой сестре: «Подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал: «Солнце, Солнце! Отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно и царевич вскочил в него вместе с конем».

А русские дети еще в начале нынешнего века помнили доставшееся им от пращуров древнее представление о родственных узах человека и Солнца:

*Дедушка-солнышко,
выгляни в окошечко, —*

поется в бесхитростной детской песенке.

Естественно, длительное (на протяжении многих тысячелетий) поклонение Солнцу не могло не отразиться на мировоззрении славянских племен, их жизненном укладе и языке. По сей день у русских сохранилось множество слов с корневой основой «сол»: «соль», «соловей», «соловый» («солнечно-желтый»), «солома», «солод» (а также ряд слов, пишущихся через «а» — «сало», «салопа» и др.). Заманчиво проследить этимологию перечисленных понятий, но такой анализ слишком бы увел нас в сторону. Есть, однако, вопрос, которой невозможно обойти. В стародавние времена на Руси было распространено имя Соловей. Вряд ли кто станет отрицать, что по смыслу оно, как и название певчей птицы, сопряжено с Солнцем.

Русский былинный эпос знает двух Соловьев: один — загадочный Соловей Будимирович, приплывающий из таинственной заморской страны, — герой положительный и невообразимо древний; другой — не менее таинственный Соловей-Разбойник — герой с отрицательным знаком. Нас здесь, однако, интересует не оценочный аспект (который, кстати, может меняться под воздействием изменяющихся исторических условий), а генетически-смысловой. Есть в Белом море известный архипелаг, знаменитый своими культурно-историческими и духовно-символическими традициями. Это — Соловецкие острова. Название Соловки — исконно русское, оно содержит в себе все ту же основу «сол», уходящую своими корнями в баснословную старину, когда границы между индоевропейскими и неиндоевропейскими языками были более чем размыты. С точки зрения этимологии топоним «Соловецкие острова» особых сомнений не вызывает: название образовано от слов «соловей», «солнце». Первоначально, быть может, так и звучало — Соловейские острова и означало: «Солнцем овеванные» или «Солнцевающие», если судить по аналогии со смыслообразованием таких слов, как «суховей» или

«вьюговой». В древности солнечный смысл распространялся на обширные северные территории. В одной из рукописных Космографий XVII века приводится второе название Мурманского студеного моря (Северного Ледовитого океана) — *Соловецкая пучина*. Не приходится сомневаться, что и земли посреди и по берегам этой Пучины также именовались Соловецкими (Соловейскими). О культурной древности русских Соловков свидетельствуют имеющиеся там каменные лабиринты (диаметром до 5 м), наподобие тех, что разбросаны по всему Северу Европы с перекочевкой в крито-микенскую (знаменитый лабиринт с Минотавром), древнегреческую и другие мировые культуры. Не лишено вероятности, что Соловецкий монастырь — краса и гордость современных Соловков — построен на месте древних дохристианских святилищ.

А вот еще один показательный пример, но уже из другой области. Кто ни помнит колоритной Солохи из гоголевской «Ночи перед Рождеством», столь притягательной для падких на женские прелести мужиков? Но кто может без запинки сказать: что за имечко такое — Солоха? Откуда взялось и что означает? В общем-то все достаточно просто: «солоха» в славянском народном миропредставлении означает «ведьму» (а еще «русалку» или же «женщину с распущенными волосами»). Но вот ведь какая незадача: в слове «солоха» та же корневая основа, что и у «солнышка». С чего бы это? И почему? А все потому, что поклонение Солнцу как небесному божеству восходит ко временам *матриархата*, когда и само дневное светило представлялось в женском облики.

Сказанное подтверждает даже поверхностное обращение к культурам различных народов мира. Петербургский востоковед Марианна Ивановна Никитина на основании многолетних исследований выявила целый пласт архаичных воззрений в древнекорейской мифологии, сложившихся вокруг центрального образа Солнца в его женской ипостаси [см.: посмертно ее изданную монографию "Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его спутниках в ритуальной традиции Древней Кореи и соседних стран" (СПб., 2001)]. Если же говорить о славянских мифологических воззрениях, то здесь мы сплошь и рядом наталкиваемся на женскую ипостась Солнца.

В русском мировоззрении и народном космизме Солнце мыслилось и как женское существо (Солонь), и как мужское (Хорс или же Коло и Ярило - языческие Божества зимнего и весенне-летнего Солнца), и, наконец, в современном языке сделалось объектом среднего рода. Наиболее архаичный — матриархальный — облик Солнца (рис. 37) навсегда запечатлелся в русском фольклоре. В тайных и, несомненно, древнейших заклинаниях великороссы обращались к дневному светилу: «Матушка, красное солнце!» Сохранилась в записи XIX века удивительная по своему космическому мироощущению песня липецкой девушки (Тамбовская губерния), которая перечисляет свою астрально-космическую родословную, подчеркивая неотделимость человека от Вселенной:

*Мне матушка — красна Солнушка,
А батюшка — светел Месяц,
Братцы у меня — часты Звездушки.
А сестрицы — белы Зорюшки.*

Купальская песня крестьян Смоленской губернии доносит до нас ту же архаику древнего космического мировоззрения, когда человек мыслил себя полноправным членом небесно-космической семьи.

*А я роду хорошего...
А я роду богатого...
А мой батька — ясен месяц...
Моя matka — красное солнце...*

О чем же свидетельствуют приведенные факты? О том, что в исторической памяти народов мира (в данном случае — русского народа) прочно запечатлелись реалии эпохи матриархата, времени, когда в общественной жизни главенствующую роль играла женщина. Подтверждение сказанному обнаруживается и в других песенных жанрах:

*Стоят три терема златоверхие:
В первом терему — млад светел Месяц,
Во втором терему — красное Солнышко,
В третьем терему — часты звездочки.
Светел Месяц — то хозяин в дому,
Красно Солнышко — то хозяйюшка,
Часты звездочки — малы детушки.*

В приведенном тексте, записанном на Севере, Солнце снова выступает в своей женской ипостаси. Аналогичный сюжет и точно такая же семейная иерархия запечатлены в белорусском фольклоре:

*Стоит светлица новорубленная,
У той светлицы четыре оконца:
В первом оконце — да ясное солнце,
В другом оконце — да ясный месяц,
В третьем оконце — да темная туча.
Ясное солнце — то женка его,
Ясный месяц — то сам хозяин,
Что мелки звезды — то детки его,
Что темная туча — то жито его.*

По славянским народным поверьям, Солнце, возвращаясь из зимы в лето, надевает праздничный сарафан и кокошник, что наглядно свидетельствует о женской принадлежности (об этом же говорит популярная загадка: Что такое: красная девушка в окошко глядит? — Солнце). В тайных и, несомненно, древнейших заклинаниях великороссы обращались к дневному светилу: «Матушка, красное солнце!» Сохранилась в записи XIX века удивительная по своему космическому мироощущению песня липецкой девушки (Тамбовская губерния), которая перечисляет свою астрально-космическую родословную, подчеркивая неотделимость человека от Вселенной:

*Мне матушка — красна Солнушка,
А батюшка — светел Месяц,
Братцы у меня — часты Звездушки.*

А сестрицы — белы Зорюшки.

Тема — достаточно распространенная в русской обрядовой поэзии. Купальская песня крестьян Смоленской губернии доносит до нас ту же архаику древнего космического мировоззрения, когда человек мыслил себя полноправным членом небесно-космической семьи.

А я роду хорошего...

А я роду богатого...

А мой батька — ясен месяц...

Моя matka — красное солнце...

О стойкости древних космологических поверий свидетельствуют этнографические исследования, проведенные в конце прошлого века среди крестьян Тульской губернии на границе с Мценским уездом Орловской губернии. По общему мнению, Солнце — женское лицо. Оно ездит днем по небу на ложе, устроенном из звезд (по другой версии — летает на собственных крыльях). Одежда его разноцветная и вся усыпана звездами. На ночь Солнце уходит в свой дом, где у него есть мать, братья и сестры. Они сменяют Солнце при обходе неба, так как имеют такую же огненно-световую природу. Солнце, как женское лицо, ночью ездить боится, поэтому его сменяет братец-месяц. Если ночью все люди спали и везде было смиренно, то утром Солнце взойдет радостное, веселое — и день будет хороший. Если же народ вел себя ночью несмирно, то солнце встанет пасмурное и днем будет плохая погода. (Здесь в наивной форме народного космизма содержится представление о взаимообусловленности состояния солнечной активности и поведения людей.) Некоторые утверждают, что Солнце не летает, а ездит на огромном коне, от которого происходят свет и теплота.

Женская природа Солнца легко прослеживается и в сказочном образе Царь-девицы. Она — всеильная Солнечная дева (в сказке Ершова «Конек-горбунок» она — сестра Солнца); живет за морем-океаном или огненной рекой; владеет чудесным дворцом, из окон которого видна вся Вселенная; от ее взоров нельзя спрятаться ни в облаках, ни на суше, ни под водой. Другое ее имя — Царевна Солнце. В одной украинской сказке Солнце — прекрасная царевна, ее смех сопровождается падением золота, а плачь — падением слез-жемчужин, во время танца все вокруг расцветает.

Всё это получало отображение и закреплялось в течение тысячелетий в традиционной солярной символике, в том числе и в вышивках на женской одежде. Про то даже (рис. 38) и в песнях пелось:

Как повышита тонко бела сорочечка:

Около ворот-то — солнышко,

А вокругот-та — вот светел месяц

Со луной да поднебесною,

Со звездой да со восточною.

Солнце всегда олицетворяло и Колесо Времени (в древнеиндийском мировоззрении оно именовалось Колесом Калы, а в буддийском - Колесом сансары) — символ Вечного Возвращения в постоянной борьбе между Жизнью и Смертью. Мистический смысл солярного умирания и

возрождения особенно усиливался на Севере, где Солнце надолго исчезало в полярную ночь и также надолго возвращалось в полярный день. Не случайно поэтому среди петроглифов Кольского полуострова, обнаруженных на реке Поной, находится древнейшее изображение Колы-Солнца (рис. 39), к тому же гомоморфно соответствующее древнеегипетскому иероглифу (кружок с точкой посередине), обозначающему Солнце. Практически в том же начертании данный символ в качестве исходной основы входил в древнекитайское (иньское) письмо и в трансформированном виде сохранился в написании современного китайского иероглифа. Это — факт исключительной важности: археологические и археографические памятники однозначно подтверждают генетическое родство доиндоевропейской, протокитайской и древнеегипетской культур. Небезынтересно, что сходным образом (малый круг в большом) изображается и гора Меру (на некоторых буддийских мандалах). Впоследствии солнечный символ через древнюю и средневековую астрологию был воспринят современной наукой и используется в современной астрономии в том же значении, что и в наскальных рисунках Гипербореи.

Древний символ Коло-Солнца (кружок с точкой посередине) сохранился и в оленьих клеймах-тамгах народов Севера, заселивших полярные и приполярные территории позже, после постигшей эти края климатической катастрофы. Сакральный знак Солнца, родственник древнеегипетским и древнекитайским иероглифам, зафиксирован русскими колонистами в самых ранних из дошедших до нас документальных источников по культуре и хозяйственной жизни вогулов (манси) и енисейских остяков (кетов). В наскальных изображениях (петроглифах) Урала также был зафиксирован древний символ Солнца. Есть он также и на чукотских рисунках. Из других северных народов солярно-кружковую символику активно используют эвенки, коряки, ительмены, долганы, алеуты и особенно — эскимосы.

Вообще же древний солнечный символ получил широчайшее распространение во всех частях света и практически на всех отрезках исторического развития, начиная с каменного века. Из древних культур, помимо египетской и китайской, следует отметить еще древнеперсидскую и эгейскую, а также другие древнеевропейские культуры — вплоть до Британских островов и Ирландии. На Американском континенте солярная символика зафиксирована, в частности, в Древней Мексике и современном Перу — наследнике культуры инков; в Африке — в Древнем Бенине и во многих современных государствах Африки. Все это подтверждено скрупулезным статистическим подсчетом.

Этнографы и археологи в подавляющем большинстве воздерживаются от объяснения причин столь глубокой внедренности солярно-циркульной символики в мировую культуру. Действительно, без опоры на концепцию единой Прародины и единой Пракультуры трудно объяснить столь стойкую повсеместную привязанность к кружковому орнаменту и циркульной символике аборигенов Европы и Азии, Северной и Южной Америки, Африки и Океании. Среди народов России кружково-циркульный орнамент распространен в виде вышивок, резьбы, росписи и т.п. не только на Севере, но и в Сибири и на Дальнем Востоке (якуты, буряты, ульчи, алтайцы, тувинцы, шорцы, хакасы), в Поволжье (татары, мордовцы, удмурты и др.).

Популярны солярные символы и в славянском орнаменте — в том числе и в русском, где точка встречается как в круговом, так и в ромбическом обрамлении (кстати, в последнем случае это полностью совпадает с соответствующим древнекитайским иероглифом). Эти и другие солярные знаки

зафиксированы на вышивках, предметах и изделиях из кости, дерева, металла — на украшениях (рис. 40), перстнях, подвесках, пряслицах, игральные костяки и т.п. В начале нынешнего века при углублении русла реки Десны был найден ствол древнего дуба, инкрустированный в его нижней части четырьмя челюстями дикого кабана. Костяные амулеты сплошь испещрены магическими знаками — спиралями и солярными кружками с точками посередине. Найденная при археологических раскопках во Пскове костяная пластина с кентавром и ее оборотная сторона с фантастическим зверем сплошь испещрены солярными кружковыми знаками.

Множественность солярно-кружковых знаков на фигурках — характерная черта древнерусского декоративно-прикладного искусства. В музеях страны хранятся мелкие бронзовые изделия, относящиеся к первым векам нынешнего тысячелетия, из Смоленщины, Приладожья, других краев и областей: утки, гуси, собачки, зайцы, разные «неведомые звери» — сплошь испещренные солнечными и иными «небесными» символами. До недавнего времени в Архангельской губернии (Холмогоры) процветал косторезный промысел по изготовлению орнаментированных ларцов, украшенных резными кружками с точками посередине. Наконец, нельзя не отметить, что древние (языческие) славяно-русские святилища в проекции сверху также представляли собой громадный круг с «точкой» (идолом или костром) посередине (рис. 41). Любопытно, что культовые сооружения точно такой же конфигурации и с множеством костров — но в виде изгородей из срубленных молодых деревьев и кустов — отмечены этнографами также у североамериканских индейцев.

Стоит ли после этого удивляться, что общеиндоевропейские корневые основы «сол» и «кол» так или иначе оказываются связанными и с самим названием славянского племени (племен). Так, в искаженном Геродотом этнониме славяно-скифов — «сколоты» явно просматривается корень «кол» и одновременно слышится название древнего тотема «соколы» — «с[о]колоты». В передаче арабских географов, описавших наших предков задолго до введения христианства, самоназвание последних звучало практически по-геродотовски: «сакалиба» («соколы»). Отсюда и знаменитые «саки» — одно из названий славяно-скифов — «скитальцев»-кочевников*.

* Второй слог в греческом написании слова «скифы» начинается с «теты» в русском озвучивании она произносится и как «ф», и как «т» — «скит[ф]ы»; причем в течение времени произношение звука менялось. Так, заимствованное из древнегреческого языка слово «театр» до XVIII века звучало как «феатр», а слово «теогония» («происхождение Богов») еще недавно писалось «феогония». Отсюда же расщепление звучания в разных языках имен, имеющих общее происхождение: Фе[о]дор — Теодор, Фома — Том[ас]. До реформы русского алфавита в его составе (в качестве предпоследней) была буква «фита», предназначенная для передачи заимствованных слов, включающих букву «тета». И слово «скифы» в дореволюционных изданиях писалось через «фиту». В действительности же «скит» — чисто русский корень, образующий лексическое гнездо со словами типа «скитаться», «скитание». Следовательно, «скифы-скиты» дословно означают: «скитальцы» («кочевники»).

Приведенная трактовка давно и хорошо известна. Еще сербский историк архимандрит Йован Раич (1726—1801) в «Истории разных славянских народов...», изданной в 1794 году, писал со ссылкой на своих предшественников: «Понеже рече, древле *скити*, ныне *скифи*, от славянского наречия *скитаться*...» Такое же толкование содержится и в знаменитой «Истории русов», которая долго приписывалась белорусскому архиепископу Георгию Конисскому (1717—1795), однако его авторство ныне оспаривается. На этом основании известный в прошлом археолог и историк русского права Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) удачно реконструировал и восстановил автохтонное название Древней Скифии, поименовав ее Скитанией. Вторично, в качестве позднейшего заимствования из греческого языка, где оно служило названием пустыни, общая корневая основа «скит» вновь вошла в русское

Соколиная тематика и символика роднит нас с древними египтянами. В этом тоже нет ничего удивительного, ибо этнокультурные корни у всех общие и основатели древнеегипетской цивилизации появились на берегах Нила не ранее IV тысячелетия до новой эры, имея к тому же *полярный календарь*, который пришлось немедленно менять, ибо он не был приспособлен к средиземноморским реалиям. Египтяне были классическими солнцепоклонниками и представляли дневное светило в виде диска с соколиными (орлиными) крыльями. Теми далекими-предалекими временами навеяна и русская народная сказка «Финист Ясный Сокол» и былинный сюжет о смерти светоносного богатыря-великана Святогора (правильнее — Светогор) — последний как и главный бог египетского пантеона, Осирис, гибнет в неоткрываемом гробу. Одно из имен солнечного божества было Хор (Гор), то есть оно даже фонетически совпадало с именем славянского Солнцебога Хорса. Того же корня и современные русские слова «хорошо», «хоромы» и производное от них слово «храм», далее — «хоробрый» («храбрый»), «хоровод», «хоругвь», «хорон(иться)», «хорохор(иться)» и др.

В честь Солнцебога Хорса наименован древнерусский крымский город — Хорсунь (Корсунь). Греки называли его Херсонес, отталкиваясь, по видимому, от исконно русского наименования, хотя корень «херс» общеиндоевропейского происхождения (к нему восходит имя бога Гермеса — *Hermes*). Более того, он уходит в глубь доиндоевропейского прошлого и обнаруживается хотя бы в семитских языках. Так, библейская гора в Египте, близ которой Моисей пас овец и где ему впервые в пылающем терновом кусте явился Бог, — именуется Хорив (*Исх. 3.1 и посл.*) — по названию нагорья в Синае, а, по мнению некоторых богословов-комментаторов, вообще синонима горы Синай (см. Толковую Библию, т.1). Общеизвестно, однако, из Несторовой летописи, что имя одного из трех братьев — легендарных основателей Киева — тоже было Хорив. Удивительное это совпадение свидетельствует прежде всего о том, что в основе созвучия древнерусских и древнееврейских слов лежит один и тот же доиндоевропейский и досемитический корень «хор», восходящий к общему праязыку, где он охватывал совокупность понятий, относящихся к Солнцу, свету и благу («хорошо!»)*.

словоупотребление в смысле: «отдаленное монашеское убежище» или «старобрядческий монастырь».

* К этому же этимологическому гнезду относятся слова с корнем «хар» (с учетом чередования гласных «о» и «а»). Вспомним Харит — благодетельных древнегреческих богинь милости и добра, дочерей Солнцебога Гелиоса (вот он искомый солнечный смысл). Того же корня устаревшее русское слово «харный», «гарный» (см.: украинское «гарний»), означающее «хороший», «красивый». Строго говоря, по своему происхождению слова «хороший» и «харный» однокоренные. Отсюда же слова «ухарь» и «харя» с диаметрально противоположными смыслами (последнее первоначально не имело ругательного смысла и означало «маску», «личину»). К этому же этимологическому гнезду, возможно, относятся слова «харчи», «характер», а также название города Харьков, причем вполне допустимо, что вторая его часть в украинском произнесении Харь-*ків* образована, как и название Киева, от имени древнерусского князя — Кия.

Классический обрядовый танец — хоровод (у болгар он называется «хоро», у румын — «хора») имитирует солнечный круг и в старину несомненно был связан с поклонением Солнцу. Но точно такой же архаичный танец у евреев именуется на иврите «хора» (пишется через «*hэй*»). Между прочим, традиционный *круговой* обход вокруг буддийской ступы также именуется «хора». Что касается происхождения имени Хорс и соответствующей лексической основы, то их нетрудно установить путем сопоставления с соответствующими санскритскими словами. Аналогичный корень фигурирует в новоперсидских словах, означающих «сияющее

* * *

Представление о солярном мировоззрении славянства будут неполными, если не проследить его истоки до той эпохи, когда язык, культура и религиозные верования были нерасчлененными. И именно с именем солнечного божества Коло однозначно связаны архаичные следы арийского (общеиндоевропейского) и доиндоевропейского языческого культа Солнца. Коло — древнейшее индоевропейское и доиндоевропейское (яфетическое) название Солнца (одновременно Кол — одно из народных названий Полярной звезды). От имени астрального Божества, которому поклонялись древние аборигены Кольского полуострова и небесно-космическую символику которого они запечатлели в спиралевидных знаках каменных лабиринтов, и произошло название реки Колы, давшей впоследствии имя всему краю. На Русском Севере есть также две реки с одинаковым названием и корнем — Колва: в Пермской области — приток Вишеры и в Ненецком Национальном Округе — приток Усы. А в Баренцевом море хорошо известен остров Колгуев. И так — вплоть до Колымы. Но не только Север сохранил следы древнейшей истории и предыстории. В Верхневолжье известен город Кологрив, в Подмосковье — Коломна, а на Бородинском поле протекает речка Колоча, на ее берегу был построен Колоцкий монастырь. Современный немецкий город Кёльн в древности прозывался славяне — Колин: здесь повсюду жили балтийские славяне, позже уничтоженные в ходе германской экспансии — *Drang nach Osten* («Натиска на Восток»).

Корневая основа «кол» типична для языков самых различных языковых семей. Его первоначальный смысл — «круг», что связано прежде всего с Солнечным «кругом». Можно вспомнить *коло* — хороводный танец на Балканах. Казацкий круг (рада) у запорожцев также именовался *коло*. В этот же ряд следует поместить сакральные и, несомненно, древнейшие понятия «колдун», «колдовать», «колдовство». Значение округлости как отличительного качества колеса наложило отпечаток и на другие русские слова: «кольцо», «кольчуга», «колесница», «колымага», «колодец», «колыбель», «калач», «колобок», «колган» (примитивная посуда), «колоброд», «около» и др. В европейских музеях можно увидеть женские подвесные украшения, именовавшиеся у русских «колты» (ср.: также иноязычное «колье», кольцеобразное значение которого доказывает, что корневая основа «кол» имеет древнее индоевропейское происхождение). Индоевропейские племена *кельтов* (их потомками являются современные шотландцы, ирландцы и

солнце» и «петух». Персидское обозначение обожевленного сияющего Солнца — *Xuršet*. По сообщению Плиния, скифы персов именовали хорсарями (*Chorsaros*). Отсюда же и ираноязычные названия Хоросан, Хорог, Хорезм.

Данный топонимический ряд может быть продолжен и в других пространственно-временных измерениях: достаточно вспомнить название столицы древнего тангутского государства — Хара-Хото, разрушенной дотла Чинзгисханом, или манчжуро-китайский город Харбин. Одна из коренных народностей Тибета также именуется — *хоро*. Так что одними индоевропейскими корнями здесь отделаться трудно. Налицо общемировые параллели. Вот еще некоторые из них. У многих северных народов олень-самец зовется *хор*, в свою очередь, в северной мифологии олень нередко символизирует солнце. Верховное небесное божество монголо-манчжуро-тибетско-бурятско-алтайско-тувинского пантеона — известно под именем *Хормуста-тенери*. Само имя *Хормуста* — исключительно монгольская вокализация. В других языках оно звучит по-разному: *Хурмас*, *Хюрмас* (*Тюрмас*, *Хирмус*, *Хирмас*, *Хёрмос*) (бурят.), *Курбушту* (тувинск.), *Курбустан* (алтайск.), *Хормузда* (манчжурск), *Хурмазта* (согдийск.).

валийцы), которые в древности были расселены от Верхней Волги до Балкан и Атлантики, у славян прозывались *колотами*.

Слова с корнем «кол» встречаются во многих финно-угорских языках. Любопытно, что и название родины Ломоносова — Холмогоры (древнерусское — Колмогоры) происходит от древнечудского наименования данной местности Кольм — оно созвучно исконно русскому слову «холм», но генетически восходит к той общей доиндоевропейской лингвистической основе, которая связана с постоянно рождающимся и умирающим светилом Солнцем-Коло (отсюда, кстати, и финское *kalma* — «смерть», «могила», и имя древнеиндийской Богини смерти — Кали). Все это явственно свидетельствует о былой этнолингвистической общности различных народов мира, казалось бы, таких непохожих теперь друг на друга.

Но и это еще не все. Уже упомянутые выше индейцы *ацтеки* (*мешики*) считали себя этническими преемниками племени *колуа* (*colua*) (так их называл в своих посланиях испанскому королю великий завоеватель Эрнан Кортес) — прямых наследников древних *тольтеков*, название империи которых — *Толан* (*Тулан*) со столицей *Тула* — Как уже говорилось, однозначно сопрягается с архаичным самоназванием погибшего арктического материка *Туле* (Гипербореи). В боливийских Андах, к югу от священного озера Титикака, на высоте 4-х тысяч метров расположен знаменитый храмовый комплекс Тиауанако, посвященный Богу Солнца. Он открывается циклопическими, вытесанными из одного монолита Вратами Солнца с барельефом дневного светила. Уже инки — тоже солнцепоклонники — задолго до вторжения на их территорию испанских конкистадоров не знали, кем был построен поднебесный Солнечный город. Не помнят этого, естественно, и индейские аборигены, не имевшие письменности. Но поражает другое: индейцы аймара — исконные обитатели Андской области и молчаливые стражи Вечного города Солнца (им современный мир обязан культурой картофеля) — имеют еще одно, более древнее, название — *колья*. А их обширная страна, охватывающая ныне территорию Боливии, Северного Чили и части Аргентины, именовалось в старину *Кольяо*, со столицей *Хатунколья*. Во всех трех словах также невооруженным глазом явственно различается архаичный корень «кол», что недвусмысленным образом свидетельствует о былом этнолингвистическом и культурно-мифологическом единстве всех народов земли.

У славян одним из самых устойчивых по своим традициям праздников в честь древнего бога Колы выступает святочная Коляда. С Рождеством Христовым она совпала чисто случайно — в действительности же связана с зимним солнцеворотом, поворотом зимы на лето. В Коляде все дышит архаикой — и игрища, и гадания, и переодевания (ряжение), и песнопения-колядки. Уже в играх на святочных посиделках поминаются (в названиях игр) главные священные животные древних славян: гусь, бык, кобыла (лошадь). Играют и в «блины», а блин — традиционный символ Солнца. Оно же и поминается в святочных песнях.

*Солнце греет,
Солнце греет,
Да во всю землю,
Да во всю руську,
Да святоруську.*

Собственно, обряды колядования, когда ряженая молодежь ходит от дома к дому, распевая песни-колядки и собирая дары-угощения за свое усердие, и все тексты древних игровых песнопений насквозь космизированы. На Коляду прославляли Зимнее Солнце-Коло, повернувшее от зимы к лету. На Масленицу его провожали и встречали новое весеннее Коло. То, что в обоих случаях речь идет об одном и том же Коло, но в разных ипостасях — зимнем и весеннем — доказывает бытовавший еще в прошлом веке обычай «петь Коляду» на Масленицу. В масленичных колядках, тексты которых сохранились, также, как и в святочных, величаются хозяин, хозяйка и их дети, живущие в трех златоверхих теремах и попеременно сравниваемые с Красным Солнышком, Светлым Месяцем и Частыми Звездочками.

Архаика колядок обнаруживается еще и в том, что в их устойчивых образах явственно проступает предшествующая эпоха Космического яйца: в святочных песнопениях помимо космическо-небесных светил доминируют тотемные птицы: гуси-лебеди, ясны соколы, серы утушки. Вообще мифологические доминанты могут быть привязаны к той или иной исторической эпохе более менее условно. Любая из предшествующих эпох сохраняется в следующих за ней. В результате происходит перемешивание, пересечение и даже слияние образов, появившихся в разное историческое время. Так произошло соединение крыльев и солнечного полета и возникновение нового символа — Крылатого (солнечного) диска, распространенного в Древнем Египте, Двуречье, Иране, Малой Азии, откуда через хеттов и Византию символика в сильно изменившейся форме попала на герб России в виде двуглавого орла с распростертыми крыльями.

Коляда — ликующе бесшабашный праздник с элементами карнавала. Но не всегда он был веселым и безобидным, а колядки — шуточными, задорными припевками. Чудом сохранившаяся русская колядка из собрания Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868) — убедительное свидетельство тому:

*За рекою, за быстрою, ой, колядка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы,
Поют песни колядушки.
В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит,
Хотят козла зарезати!*

Приведенный отрывок недвусмысленно свидетельствует: в древности празднование Коляды на Руси сопровождалось кровавыми жертвоприношениями, которые постепенно были вытеснены символическими

дарами в честь Бога Колы (Коляды). Однако у вышеприведенной колядки есть еще и окончание, живо напоминающее сказку о сестрице Алenuшке и братце Иванушке, превратившемся в козленочка. Жалобы девушки, утопленной в сказке ведьмой, неожиданным образом переносятся на брата Иванушку:

*Ты, братец Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я рад бы выпрыгнуть,
Горюч камень
К котлу тянет,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой, колядка! Ой, колядка!*

Особый интерес здесь представляет устойчивое словосочетание «пески сердце высосали». По объяснению Снегирева, в нем изображено жертвоприношение, когда кровь жертвы изливалась на специально насыпанный песок (что до недавнего времени еще практиковалось у северных народов). Тот факт, что жутковатая идиома превратилась в невинную поговорку, свидетельствует, во-первых, о древности самого обряда, а во-вторых, о перемещении в нем человеческих и животных жертвоприношений. Сама колядка вроде бы свидетельствует о вытеснении человеческого жертвоприношения козлиным, но из контекста так и проступает ужас человека, обреченного на заклятие (к тому же и названного по имени). Вспомним для примера, что еще незадолго до испанского завоевания и в ходе самой конкисты ацтеки только в один праздник плодородия вырезали в качестве жертвы Солнцу сердца у 20 тысяч (!) обреченных (рис. 42). А ведь ацтекская традиция кровавых человеческих жертвоприношений берет начало из того же источника, что и аналогичные обряды индоевропейцев.

Свидетельство тому фольклорное воспоминание о кровавом свадебном жертвоприношении, возможно, имевшем место у прапредков славян на стадии перехода от матриархата к патриархату. В архаичной сербской песне «Женитьба Янка-воеводы» поется про то, как невеста требует от жениха в подарок сердце его матери.:

*А невеста снова свое ладит:
«Я не сяду, не пойду, ей-Богу,
Пока, янко, ты мать не зарежешь,
Пока сердце из нее не вынешь,
Не завернешь в шелковый платочек,
За пазуху себе не положишь
И при людях не подашь мне руки!»*

Для слабонервных напоминаю, что в ответ на чудовищную просьбу Янко расправляется с сукой-невестой (так она названа в песне) и вгоняет ее шестопером в землю. Сам по себе характер жертвоприношения менялся в течение веков и тысячелетий. Человеческие жертвы повсюду

заменялись животными, растительными плодами или иными дарами, хотя еще в начале нынешнего века среди некоторых народностей Российского Севера еще бытовало мнение, что человеческая жертва намного действеннее животной. Русский фольклор также хранит память о трагических ритуалах. В бытине о Садко разбушевавшуюся морскую стихию пытаются умиловить путем принесения жертвы по жребию, который, как известно, достался самому Садко.

Из поколения в поколение, из года в год — и так на протяжении многих веков да и тысячелетий — колядующие внушали каждому хозяину, что его дом — частица Вселенной. Так как семь столбов символизируют семь древнеарийских священных небес), что все люди — в родстве с Солнцем, Месяцем и частыми звездами. И та звезда, которую несли в обязательном порядке впереди группы ряженных песенников, лишь после введения христианства стала называться Вифлеемской звездой (слабая смычка с новым для древних славян праздником Рождества). А до этого она олицетворяла древнее божество — Коло, в честь которого пелись колядки и отмечался самый праздник Коляды. А рукотворный лик Колы — расписной круг с зубцами одинаково соответствовал и Солнцу, и звездам (одним из древних народных названий Полярной звезды, главного ориентира северного неба, было Кол, сопряженное с именем бога Колы).

Память о древнейшем солярном культе, восходящем, быть может, к доиндоевропейским временам, прочно запечатлелась в ритуале русского северного хоровода (впрочем, не только русского и не только северного). Закодированная солнечная символика и мантрика оказалась столь живучей и неуязвимой по той простой причине, что ее как-то упустили из виду многочисленные религиозные, идеологические и политические конкуренты, покушавшиеся прежде всего на вербальные (словесные) формы народного мировоззрения (без особого успеха, правда) да материальные воплощения древних культов. Потому-то и поныне, как много тысячелетий тому назад, на Русском Севере водят все те же архаичные хороводы, главный смысл которых — бессознательно выразить свое почтение к языческому богу Солнца — Коле.

Вот как выглядит этот древний ритуал в современном исполнении в Мезенском крае близ Белого моря. Две девушки — хозяйки праздника — ставят остальных девушек в ряд друг за другом и связывают их платками. Впереди ставятся запевалы, которых иногда приглашают из других деревень. Затем девушки обходят кругом всю деревню, обязательно по движению Солнца. Запевалы поют три строго определенных «круговые» песни, исполнявшиеся только раз в году, в этот праздник; остальные девушки идут молча и только красуются. После «круга» начинается всеобщее исполнение игровых хороводных и плясовых песен.

Древние обычаи чествования Солнцегога Колы сохранились и у других народов. Так, у болгар принято было 9 марта печь в каждом доме круглый хлеб. Дети брали круглую ковригу, шли на возвышенность и пускали ее, как колесо, под уклон. Там, где коврига останавливалась, делалась небольшая ямка и в нее закапывался кусочек хлеба. В свою очередь, щепотку земли от выкопанной ямки заделывали в каравай, после чего, считалось, он приобретал магические и лечебные свойства. Сам же обряд символизировал

бракосочетание Солнца и Матери Сырой Земли. Рассказ об этом священном акте сохранился в русском предании, записанном на Нижегородчине и приведенном в романе Павла Ивановича (Андрея) Мельникова-Печерского (1818—1883) «В лесах», где воспроизведен заветный текст древнерусских космогонических воззрений, передававшихся из поколения в поколение, а Солнце выступает в одном из своих сакральных обликов — под именем Ярилы (подробнее см. ниже):

«Вот сказание наших праотцов о том, как бог Ярила возлюбил Мать Сыру Землю и как она народила всех земнородных.

Лежала Мать Сыра Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения.

И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать Сыру Землю, хороша ль, пригожа ль она, придется ли по мысли нам?».

И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали под спавшей землею. И где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло Солнце Красное.

И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света. Мать Сыра Земля от сна пробуждалась и в юной красе как невеста на брачном ложе раскинулась... Жарко пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам ее.

Несутся в солнечных лучах сладкие речи бога любви, вечно юного бога Ярилы: «Ох, ты гой еси, Мать Сыра Земля! Полюби меня, бога светлого, за любовь за твою я украшу тебя синими морями, желтыми песками, зеленой муравой, цветами алыми, лазоревыми, народишь от меня милых детушек число несметное...».

Любы Земле Ярилы речи, возлюбила она бога светлого и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, темными летами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озерами. Пила она жаркие поцелуи Ярилы, и из недр ее вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывали рыбы, в воздухе затолклись мелкие мушки да мошки... И все жило, все любило и все пело хвалебные песни: отцу-Яриле, матери — Сырой Земле.

И вновь из Красного Солнца любовные речи Ярилы несутся: «Ох, ты гой еси, Мать Сыра Земля! Разукрасил я тебя красотой, народила ты милых детушек число несметное, полюби меня пуце прежнего, народишь от меня детище любимое».

Любы были те речи Матери Сырой Земле, жадно пила она живоносные лучи и народила человека... И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярила по голове золотой возжой — ярой молнией. И от той молоньи ум в человеке зародился.

.....
Ликовала Мать Сыра Земля в счастье, в радости, чаяла, что Ярилиной любви ни конца, ни края нет... Но по малом времени красно солнышко стало низиться, светлые дни укоротились, дунули ветры холодные, замолкли птицы певчие, завывали двери дубравные, и вздрогнул от стужи царь и владыка всей твари дышащей и не дышащей.

Задумалась Мать Сыра Земля и с горя-печали оросила поблекшее лицо свое слезами горькими — дождями дробными.

Безмолвен Ярило.

«Не себя мне жаль, — плачется Мать Сыра Земля, сжимаясь от холода, — скорбит сердце матери по милым детушкам».

Говорит Ярило: «Ты не плачь не тоскуй, Мать Сыра Земля, покидаю тебя не надолго. Не покинуть тебя на время — сгореть тебе до тла под моими поцелуями. Храня тебя и детей наших, убавлю я на время тепла и света, опадут на деревьях листья, завянут травы и злаки, оденешься ты снеговым покровом, будешь спать-почивать до моего приходу... Придет время, пошлю к тебе вестницу — Весну Красну, следом за Весною я сам приду».

Плачется Мать Сыра Земля: «Не жалеешь ты, Ярило, меня бедную, не жалеешь, светлый Боже, детей своих! ...Пожалей хоть любимое детище, что на речи твои громовые отвечало тебе вещим словом, речью крылатою... И наг он и слаб — сгинуть ему прежде всех, когда лишишь нас тепла и света...»

Брызнул Ярило на камни молоньей, облил колючим взором деревья дубравные.

И сказал Матери Сырой Земле: «Вот я разлил огонь по камням и деревьям. Я сам в том огне. Своим умом-разумом человек дойдет, как из дерева и камня свет и тепло брать. Тот огонь — дар моему любимому сыну. Всей живой твари будет на страх и ужас, ему одному на службу».

И отошел от Земли бог Ярило... Понеслись ветры буйные, застилали темными тучами око Ярилино — красное солнышко, понесли снега белые, ровно в саван окутал в них Мать Сыру Землю. Все застыло, все заснуло, не спал, не дремал один человек — у него был великий дар отца Ярилы, а с ним и свет и тепло...

Так мыслили старорусские люди о смене лета зимою и о начале огня.

Оттого наши праотцы и сожигали умерших: заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А после стали отдавать мертвецов их матери — опуская в лоно ее.

Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники те совершались в долгие летние дни, когда солнце, укорачивая ход, начинает расставаться с землей. В память дара, что даровал бог света, жгут купальские огни. «Что Купала, что Ярило — все едино, одного бога званья».

В народном мировоззрении образ Матери Сырой Земли сливался с образом Богородицы, что давало основание официальным представителям церкви постоянно говорить о двоеверии русского человека. Оба образа действительно тождественны, точнее было бы даже говорить о двух ипостасях одного и того же образа Великой Матери, ведущего свое происхождение из незапамятных времен общечеловеческой культуры. Богородица была всегда объектом поклонения русских людей, а еще раньше — их праславянских и общеарийских предков. Под тем же именем. Лишь впоследствии христианство приспособило к испокон веков существовавшим традициям новую идеологическую концепцию и евангельскую историю о Марии — матери Иисуса Христа.

Новая Богородица впитала в себя многие черты, которые всегда характеризовали Великую Мать. Даже каноны иконографии остались прежними, нисколько не меняясь. Особенно это характерно для изображения

Великой Матери — Великой Богини — Богородицы с распростертыми для благословения руками (рис. 43). Изображения, точнее их код, были одними и теми же и у древних египтян: Богиня Исида (рис. 44), и на русских вышивках (рис. 45), воспроизводящих Великую Богиню безотносительно к ее религиозной принадлежности, и на русских православных иконах.

От имени Колы-Солнца произведено и русское слово «колокол». Это священное рукотворное ритуальное изделие испокон веков известно среди народов Евразии. Сохранились доподлинные свидетельства арабских авторов об использовании славяно-руссами колоколов задолго до принятия ими христианства. Так, Аль-Масуди в своих «Золотых лугах» сообщает о славянах-солнцепоклонниках: «Они имеют многие города, также церкви, где навешивают колокола, в которые ударяют молотком». Жаль только, что арабский географ не говорит, что это были за церкви (и в честь какого бога звонили там колокола).

Употребленное здесь в переводе слово «церковь» абсолютно неясного происхождения. Этимологи пытались объяснить его, опираясь на греческую лексику, — успехом это не увенчалось. Между тем в русском слове «церковь» — «-овь» — явное окончание (ср.: «кровь», морковь, «свекровь» и др.). В таком случае «церк» — всем хорошо известный «цирк», то есть «круг» (с чередующимися «и» и «е»). И сразу все становится на свои места: понятие «церковь» дохристианского происхождения и первоначально означало «округлый храм», «круговое капище». Раскрытые археологами древнеславянские святилища как раз и представляют собой такие огороженные по кругу сооружения — цирки.

В народном космическом мировоззрении древнее имя Колы было перенесено на другие космические объекты и Вселенную в целом. Так, в переводе XV века [Псевдо] Дионисия Ареопагита космическая небесная сфера именуется: «огньственная и боговидная Кола». С незапамятных времен именем Колы прозывалось в народе созвездие Большой Медведицы (другие тотемные названия — Медведь и Лось), а также самый главный и ярчайший компонент Малого Ковша — Полярная звезда. Именно к привычным народным названиям звездного неба прибегает Афанасий Никитин, обнаруживший в далекой Индии иное расположение знакомых созвездий: «Во Индеи же бесерменской, в великом Бедере смотрил есми на Великую ночь на Великий же День: Волосыни да Кола в зорю вошли, а Лось головою стоит на востоке» (текст приводится по «Русской хрестоматии» Федора Буслаева).

По смыслу понятие Колы всегда обозначало «круг» и «круговорот» и в этом смысле символизировало необратимое течение времени, замкнутые циклы природных явлений, смену времен года и человеческих поколений, циклическую повторяемость в жизни людей. Вселенская закодированность природных циклов наложила неизбежный отпечаток на всю круговую символику и, в частности, на обрядовые кольца.

Кольца-перстни, которые во многих странах носят и по сей день, также имеют скрытый солярный смысл и, следовательно, несут на себе отпечаток архаичной памяти о тех стародавних временах, когда индоевропейцы (и не только они) поклонялись Солнечному божеству. При этом древние славяне носили кольца не только на пальцах, но также и в виде височных женских укашений (рис. 46). Впрочем, последним не исчерпывается

возможность использования кольца как древнего солярного символа: его помещали также в ушах, на шее в виде ожерелья, на запястьях и т.п.

* * *

Есть среди шедевров русского фольклора сказка про Солнце, Месяц и Ворона Вороновича. Интересная компания, не правда ли? С первыми двумя небесными братьями вроде бы все понятно: Солнце греет, Месяц освещает. Но причем здесь Ворон и почему в небесном перечне он стоит на третьем месте и по значимости уступает лишь главным космическим объектам? Сказка объясняет: Ворон пособляет, то есть помогает. Помощь сия — на уровне небесного покровительства и по значению никак не ниже. Ибо представляет собой не что иное как сакральную и магическую помощь *родового тотема*. Другим классическим и всесильным тотемным помощником русских волшебных сказок является знаменитый Серый Волк.

Тотем — слово экзотического происхождения, взято из языка североамериканских индейцев, в научный оборот введено в прошлом веке. А родилось оно в той самой поэтической стране оджибуэев, с упоминания которой (среди прочих) начинается «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло. Переводится «тотем» как «его род» и означает родовую принадлежность, но не по семейным узам, а по объединению себя и своего рода-племени с каким-либо животным, растением, стихией (например, водой, ветром, молнией) или предметом (например, камнем). Несмотря на кажущуюся нерусскость понятия «тотем», оно созвучно самым что ни на есть русским словам «отец», «отчество», «отчим» и т.п. В собственно индейской вокализации слово «ототем» («тотем») произносилось как «оте-отем», где «оте» означает «род», а «отем» — местоимение «его» (по совокупности получается «его род»), а индейский корень «оте» полностью совпадает с русским наименованием отцовской принадлежности. Могут ли быть еще более убедительные доказательства былого единства всех и любых языков мира?

Аналогичные параллели нетрудно отыскать и в других индоевропейских и неиндоевропейских (например, тюркских) языках, ввиду былой общности языков, верований, обычаев и, соответственно, тотемов. Тотемизм — наследие тех древнейших верований и обычаев человеческой предыстории, когда само человечество, его праязык и пракультура были нерасчленены, а вместо современной палитры народов царил мир тотемов, тотемного мышления и тотемных привязанностей. В те далекие времена люди не отделяли себя от природы, видели в животных и растениях себе подобных — защитников и союзников. Н.Я.Мартэн даже считал, что в древности существовал особый тотемический строй с коллективным охотничьим производством (на тотемной основе). Выдающийся английский этнограф и религиовед Джеймс Джордж Фрэзер (1854—1941) определял данный феномен следующим образом:

"Тотемизм — это система полусоциальная, полусуеверная, которая весьма распространена среди дикарей прошлого и настоящего времени и согласно которой племя или коммуна разделена на несколько групп или кланов, члены которой считают себя соединенными родством и общим почитанием какого-нибудь вида среди явлений природы, каковым обычно является животный или растительный вид. Этот вид, животный или растительный, или охватывающий предметы неорганической природы, называется тотемом клана, и каждый член клана проявляет свое почтение к

тотему путем воздержания от нанесения ему вреда. Это почитание тотема часто объясняется верованием, согласно которому члены клана являются родственниками и даже потомками тотема и представляет собой суеверный аспект тотемизма. Что касается социального аспекта системы, то она проявляется в ограничениях, препятствующих членам одного и того же клана вступать в брак между собою, так что они оказываются вынужденными искать себе жен или мужей в другом клане".

Для чего нужны тотемы и почему они появились? Каждому человеку необходимо отличать себя от других. На персональном или семейном уровне никаких проблем не возникает. Но как подчеркнуть свою уникальность и неповторимость на уровне рода, племени, этноса? Вот здесь-то и выработалась традиция различаться по тотемам, связав себя неразрывными узами с миром живой и неживой природы. В прошлом и по существу тотемизм предполагал полную идентификацию с конкретным животным (растением, предметом), включение их в систему «человек-тотем», где они полностью растворялись друг в друге. В этой взаимосвязанной системе тотему отводилась роль оберега: он охранял, защищал человека, помогал ему в трудных ситуациях (отсюда все сказочные животные — помощники).

В свою очередь, все тотемные животные и растения табуированы: то, что считалось тотемом, нельзя было убивать, обижать, употреблять в пищу. Тотему поклонялись, ему приносились жертвы, он прославлялся и изображался всеми доступными способами. Тем не менее, тотемизм - это не религия, а приобщение себя и тотемных родичей к определенной части или стороне объективного мира и даже уподобление животным, растениям, предметам и стихиям с целью получения защиты со стороны тотема и психологической уверенности, что такая защита непременно будет обеспечена.

Тотемы как символическая номинация родоплеменной принадлежности бывают родоплеменными, половозрастными, семейными и индивидуальными. Наиболее устойчивыми, сохраняющими свои регулятивные функции на протяжении веков и тысячелетий, оказываются клановые и племенные тотемы, их охранительная и объединительная семантика передается от поколения к поколению и на определенных стадиях общественного развития может закрепляться в форме геральдической символики: именно таково происхождение многочисленных львов, орлов и иных животных на государственных и дворянских гербах. До нынешних времен, однако, — если брать историю индоевропейской культурной традиции — сохранилась лишь малая часть тотемической символики прошлого, да и то преимущественно в виде культурных памятников или исторических, беллетристических и фольклорных текстов. Только в памяти, материализованной в рисунках, рельефах, скульптурах или зафиксированных преданиях, сохранились данные о тотемических верованиях древних народов.

Славянская культура знает тотемизм в основном в форме пережитков, рудиментов, запретов. Данный вопрос был глубоко исследован в ряде фундаментальных работ замечательного русского этнографа и фольклориста Дмитрия Константиновича Зеленина (1878—1954): «Тотемический культ деревьев у русских и белорусов» (1933 г.), «Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей» (1935 г.), «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» (1937 г.) и др. Впечатляющую и убедительную

систематизацию украинского песенного фольклора по тотемным признакам (звери, птицы, змеи, рыбы, насекомые, травы, куты, деревья) провел в свое время и Н.И. Костомаров в фундаментальном фольклорно-этнографическом исследовании «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества». Его труд, на 90% имеющий непосредственное отношение ко всему славянскому мировоззрению, не утратил своего значения и по сей день.

У славян отголоски тотемизма сохранились главным образом в обрядовом фольклоре, связанном с почитанием и величанием деревьев, птиц, зверей, в сказках — особенно о животных. Многие традиционные русские образы-символы зверей и птиц несут на себе следы тотемов. Об этом явственно свидетельствуют положительные человеческие черты, которыми народ наделил сказочных животных, а также оберегательные функции, которые они выполняют (первейшее предназначение тотема — оказывать помощь всем, кто находится с ним в социально-родственных отношениях). Среди наиболее популярных персонажей русских сказок — звери (лиса, заяц, волк, медведь, козел, баран, корова, бык и др.), птицы (гусь, утка, петух, курица, ворон, сокол, лебедь и др.).

Древнее тотемическое мышление обнаруживается во множестве популярных русских сказок: «Теремок», «Лиса и заяц», «Кот, петух и лиса», «Котофей Иванович», «Звери в яме» и т.д. и т.п. Аналогичные сюжеты (а значит и тотемические реминисценции) характерны и для других славянских народов. Содержащиеся в них тотемические реминисценции поддаются восстановлению и истолкованию, хотя и приблизительному, но все же достаточно близкому к первоначальному смыслу. Так, сказка «Зимовье зверей» запечатлела закодированную в образах животных информацию об объединении миролюбивых оседлых тотемов-кланов ради выживания в условиях наступившей зимы (а, возможно, и неожиданного катаклитического похолодания) и отражения нападения со стороны враждебно-грабительского тотема волков. Перечень зверей в разных вариантах сказки колеблется. Так, в сборнике Афанасьева зимующим тотемам быка, барана, свиньи, гуся и петуха противостоят нападающие на них тотемы лисы, волка и медведя.

Ряд птичьих тотемов символы перечисляется, к примеру, в чрезвычайно распространенной на Русском Севере сатирической былине «Птицы», где называются десятки пернатых, многие из них калькируют древние русские тотемы. Былина эта записана во множестве вариантов, но почему-то выпала из поля зрения современных исследователей. В процессе становления славянорусского этноса многие из былых тотемов стерлись в памяти. Народное творчество — бездонное хранилище неизбывной памяти о русских тотемах — не только в устном (фольклорном), но и в овеществленном виде. Коньки на крышах, петушки на маковках, утицы-солонки, олешки на полотенцах и рубашках — все это отголоски тотемного прошлого, запечатленного в орнаменте, узорах, вышивках, резьбе, росписи.

В волшебных сказках всех времен и народов также аккумулированы остатки древнейшего мировоззрения. Например, широко распространенный мотив оборотничества (превращения человека в животное и обратно), — кроме тотемического оттенка, содержит также отголосок народных верований в переселение душ, получивших в дальнейшем развитие в религиозно-идеологических и философских системах — древнеиндийской, древнеегипетской, древнегреческой, древнекельтской и др.

В бесхитростной сказке «Колобок» закодирована информация о соперничестве тотемов зайца, волка, медведя и лисицы-победительницы за право быть хранителем традиций культа Солнца-Коло, олицетворяемого Колобком, тождественным дневному светилу и по имени и по обрядовым функциям (его съедают, как на Масленицу поедают блины, символизирующие Солнце). Дожившие до нынешних времен сказки о животных позволяют выявить древние тотемные предпочтения различных племен и кланов вплоть до эпохи матриархата.

Так, далеко не случайно в большинстве славянских сказок действует коза, а не козел (хотя последний тоже встречается). Это прямое указание на эпоху матриархата, когда женские особи доминировали во всем — в семье, материнском роде, идеологии, религиозных культах и т.д. В одном из вариантов русской народной сказки о путешествии мужика на небо по выросшему до небес стеблю гороха (или дуба) говорится о пасущейся там небесной козе с семью (!) глазами, которые, по-видимому, олицетворяли семь планет, известных до недавнего времени и наблюдаемых невооруженным глазом). Широко было распространено (особенно среди украинцев и белорусов) масленичное игрище, которое так и называлось «Коза». Последнюю либо разыгрывал ряженный статист в вывернутом шерстью наружу кожухе, либо изображала огромная кукла (рис. 47). Козлиные маски также — непременный атрибут ряженных в карнавальных шествиях и плясках (рис. 48).

Вообще же, согласно архаичным представлениям древних индоевропейцев, коза (козел) — хтоническое, сакральное, жертвенное животное, олицетворяющее жизненные силы природы. У славян коза (козел) — символ плодovitости и плодородия — мужского и женского: считалось, что они способны оказать магическое воздействие на урожай. Известна даже особая «козья масленица», связанная с аграрной магией. Подобный весенний обряд был зафиксирован этнографами на Нижегородчине: когда по улицам водили украшенного лентами козла с венком на голове (козел — символ мужского плодородия, венок — женского). Естественно, не обходилось и без жертв. В эпоху утверждения среди славян новой христианской религии католические миссионеры отмечали в разных районах Чехии языческий обряд, когда с колокольни сбрасывали козла с позолоченными рогами, увитого лентами и цветочными гирляндами.

Чуть ли не с молоком матери русские дети впитывают фольклорную прибаутку про козу-дерезу. Но спросите себя или окружающих: что такое *дереза*? Большинству кажется: это насмешливый эпитет «для рифмы», чуть ли не дразнилка. Как бы не так! Откройте для самоконтроля Словарь Владимира Даля, дабы убедиться, что *дереза* — растение! Причем Даль приводит четыре ботанических термина, попадающих под весьма расплывчатое и уже в XIX веке основательно подзабытое понятие. В разных местах России *дерезой* называли совершенно разные растения — ракитник, багульник, повилику, облепиху и др. Создается впечатление, что действительное тотемное значение *дерезы*, сопряженной с козой, было ко временам, когда Даль составлял свой Словарь, *полностью утеряно*. У меня имеются даже достаточно веские основания подозревать, что в древности *дерезой* могла называться и *омела*. И вот почему.

Из античной мифологии всем известен один хрестоматийный эпизод. Когда мать Рея спрятала малютку Зевса (Юпитера) от пожиравшего собственных детей Крона (Сатурна), будущего владыку Олимпа выкормила в

пещере коза по имени Амелфея (впоследствии за сии заслуги душа ее была перенесена на небо в виде созвездия Козерога, шкура (руно), натянутая на щит, стала знаменитой *эгидой* Зевса, а один из обломившихся рогов превратился в знаменитый Рог изобилия — символ жизненного достатка и коррелят калевальской мельницы Сампо). Так вот, по имени Амелфеи и названо одно из самых знаменитых магических растений языческих времен — *омела*. Других объяснений происхождения этого чисто русского (а на самом деле — общеиндоевропейского слова) нет — так же как и распространенного имени Амалия, относительно происхождения которого этимологи не могут дать никаких вразумительных толкований.

Омела — вечнозеленый кустарник, паразитирующий на других растениях, распространен повсюду — от севера до юга. Я сфотографировал красивейшую *омелу* даже за полярным кругом, на Кольском полуострове (рис. 49). У древних кельтов из-за своей необычности (даже, можно сказать, парадоксальности) она считалась священным магическим растением, символом жрецов-друидов. Почиталась она также этрусками и эллинами. Но ничего не известно о культе *омелы* у древних славян. Просто удивительно — славяне с почтительным трепетом относились к другим вечнозеленым растениям (например, к барвинку), но не оставили никаких следов поклонения *омеле*, которой, так сказать, на роду написано быть культовым объектом, повсюду произрастающим на территориях, заселенных славянами. Возможно, в древности *омела* представляла величайшее таинство и табуированный символ славянских волхвов, которые после уничтожения язычества унесли с собой в могилу священную тайну. Остались лишь этимологические и ономастические следы: название *омелы* сопряжено с именем божественной козы Амелфеи, а в русском фольклоре мифологема «коза» неотделима от дендротема «дерева» (последний, кстати, имеет один и тот же общеиндоевропейский корень со словом «дерево»).

Итак, помимо тотемов-животных, в памяти поколений сохранились образы и тотемов-растений. С растительными тотемами связано множество обычаев и поверий, доживших до настоящего времени. Испокон веков существовало на Руси поклонение деревьям. Ни одна власть не оказалась в состоянии выкорчевать древнейшие языческие традиции. В прошлом церковные и светские источники постоянно отмечали неискоренимость культа деревьев: то тут, то там древопоклонники молились либо в священных рощах, либо «около куста», либо просто «дуплинам деревянным», либо перед особо почитаемыми деревьями, а ветки обвешивали платками и полотенцами. И все это вовсе не дела давно минувших дней. Этнографы регулярно констатируют стойкую и повсеместную веру в целительную и оберегательную силу деревьев, что наглядно проявляется хотя бы в народном обычае стучать пальцем по любому деревянному предмету, дабы предотвратить беду — отвернуть ее от задуманных планов или благополучного течения дел. Во многих районах — особенно на Севере и в Сибири — деревьям и кустам по-прежнему приносятся плоды, а ветки либо завиваются (как у березы на Семик), либо украшаются лентами. Кое-где до сих пор старые дуплистые деревья считаются наделенными целительной силой: чтобы ею воспользоваться, нужно прислониться к стволу, залезть в дупло или пролезть через него, если оно сквозное.

По всему миру практически до XX века (в России — точно до Петровской эпохи) сохранился жуткий обычай приносить в качестве «строительной жертвы» живых людей — особенно незамужних женщин. А

также детей: откуда, кстати, русское и болгарское название кремля — детинец. Известно, что древнерусские крепости (а также укрепления других древнеславянских племен) первоначально были деревянными, стены и башни возводились из огромных бревен. Срубленное же дерево — недавний родовой тотем — требовало принесения жертвы и по существовавшей испокон веков традиции — человеческой. Поскольку при постройке крепостей тревожилась еще и земля (земляные валы, насыпи, засыпка между бревен и т.п.), — приносимая жертва предназначалась одновременно и Матери Сырой Земле. Впоследствии, при переходе от деревянного зодчества, к каменному изуверские традиции сохранились.

Доказательством печальных традиций человеческих жертвоприношений (а по существу магического ритуала) в связи оборонительным строительством может служить хорошо известный и неоднократно описанный жестокий обычай зарывать в основание строящихся крепостных живую девушку. Отсюда все эти многочисленные "девичьи башни", разбросанные по разным странам, и легенды о горячих девичьих слезах. Сколько же башен старых русских крепостей покоится на костях таких невинных жертв! Даже стихи про то есть:

*"Пусть погибнет она за весь город одна,
Мы в молитвах ее не забудем;
Лучше гибнуть одной, да за крепкой стеной
От врагов безопасны мы будем!"*

*И, лопату схватив и земли захватив,
На Алёну он бросил в могилу,
А за ним и другие уж стали бросать.
Чтоб ее поскорей задушило.*

*И в смущенье немом все стояли кругом,
Лишь проворно работали руки,
Но никто не глядел и взглянуть не посмел
На несчастной предсмертные муки.*

*Только солнце одно рассказать бы могло,
Что пред смертью она испытала,
Как ей горе-слеза застилала глаза,
Как несчастная билась... дрожала...*

*Вот исчезло чело... вот и всю занесло...
Вот с краями могила сровнялась...
И от жертвы живой за обычай людской
И следа на земле не осталось.*

А.С.Гацисский. Коромыслова башня.

Аналогичные факты известны и из истории других народов. В сербских фольклорных сказаниях рассказывается о «строительных человеческих жертвах» при постройке городов Скутари или Скадра, Тешане в Боснии и Мостарского моста в Герцеговине. Не надо однако думать, что речь идет исключительно о славянских традиций. Обычай зафиксирован

повсеместно. Легенды о строительстве многих европейских городов и средневековых замков изобилуют такими же фактами. Свидетельства уходят в глубокую индоевропейскую древность. После распада некогда единой индоевропейской социокультурной общности обычай «строительной человеческой жертвы» сохранился и у индийских народов. В XVI веке в Ассаме на северо-востоке Индии при строительстве храма по приказу тамошнего раджи было умерщвлено и зарыто под фундамент 140 человек. Но и в XX веке в Индии был зафиксирован факт, когда при возведении моста через реку строители потребовали принести в жертву и положить под сваи несколько детей.

Традиционные человеческие жертвы приносились не только для задабривания дендрототемов или Матери Сырой Земли, но и водной стихии — морю, рекам, озерам, колодцам. Отголоски подобных ритуалов запечатлены в былине о Садко (принесение в жертву самого себя) и в популярной песне о Стеньке Разине, написанной на основе народной легенды (пожертвование Волге персидской красавицы-княжны). В русской агиографической (житийной) литературе также говорится о древнерусском языческом обычае приносить жертву рекам и озерам (например, в Муромском крае). В целом же, как показали исследования зарубежных и российских этнографов и культурологов, подобные жертвы были распространены по всей земле и у народов, стоящих на разных ступенях культурного развития: например, в Китае, Японии, Таиланде, на островах Калимантан (Борнео), Таити, Фиджи, Гавайях, у маори Новой Зеландии и индейцев Северной, Центральной и Южной Америк.

* * *

Множество свидетельств о древнейших дендрототемах сохранили русские песни. Знаменитая «Калинка-Малинка» — не что иное, как закодированный тотемный пароль, фиксировавший когда-то конкретную тотемную принадлежность. А рефрен типа «Ой, калина моя! Ой, малина моя!» сродни припевам «Ой, Дид-Ладо!» с призывами к славянским языческим Богам Диду и Ладу. Былинный Калин-царь — отголосок все тех же тотемных времен и подчас жестокого противоборства различных тотемов; лишь впоследствии произошло его совмещение с воспоминаниями о более знакомых по злодеяниям врагах, в основном — о степняках-кочевниках, что веками терзали Русь. Из того же тотемного прошлого и сказочный Калинов мост как символ кланово-племенного рубежа.

Почитание деревьев — неотъемлемая черта славянского языческого мировоззрения. Священные деревья считались покровителями общины, рода, племени, семьи, отдельных индивидов. Дендрототемы образовывали нередко такую сакральную целостность, понять которую с точки зрения ботаники не представляется возможным. В самом деле, о чем поется в часто исполняемой и поныне песне:

*Из-под дуба, из-под вяза
Из-под вяза коренья —
Вот и калина,
Вот и малина...*

С точки зрения современного человека здесь — всего лишь хаотичный набор слов, сплошная бессмыслица. С точки же зрения славянина-

зычника зачин этой архаичной песни — необходимая ритуальная здавица, позволяющая первобытному человеку перейти на биосферный уровень общения с растительной формой жизни.

Архаичным (да и современным тотемным символом России тоже) выступает *белая береза*. С березой связан и главный славянский весенне-летний праздник. С момента введения на Руси христианства он приурочивается к Троице (пятидесятый день после Пасхи). Последняя (седьмая) неделя после Пасхи именовалась Семиком и на нее приходились так называемые зеленые святки. Именно этот краткий период характеризуется самым богатым циклом песен, игр, хороводов, гаданий, предсказаний. Одна из самых знаменитых русских народных песен «Во поле березонька стояла» с повтором:

*Некому березку заломати,
Некому кудряву заломати, —*

относится именно к семикско-троицким хороводным песням. Их христианская номинация чисто условная. На самом деле это самый что ни на есть древнеязыческий праздник. «Березку заломати» требовалось для того, чтобы сломать (иногда ломалась только макушка) и принести в дом, украсить его снаружи и внутри. Или чтобы поставить на видном месте и украсить лентами, бусами, платками. Или походить с ней по улице. О том, что в символом языческих семикских игрищ выступал именно женский дендрототем береза, говорят и слова песни:

*Не радуйтесь вы,
Дубья, вяза,
Лило! Лило!
Не к вам идем,
Не вам песню поем,
Лило! Лило!
Радуйся ты,
Белая береза,
Лило! Лило!
Мы к тебе идем,
Тебе песню поем,
Лило! Лило!*

Гораздо чаще березку украшали прямо в лесу. И там же одновременно завивали и развивали ее ветви (откуда один из припевов «Дубинушки»: «Разовьем мы березу, разовьем мы кудряву»). Девушки плели венки и гадали о будущем. Сплетенные венки, в том числе — из дубовых или кленовых листьев — надевали на голову; на заключительном этапе обряда их чаще всего уничтожали: сжигали на костре, бросали в воду, в колодец, забрасывали на дерево, относили на кладбище. Часть венков сохраняли, используя затем для лечения, защиты полей от градобития, относили в огороды против вредителей. Повсеместно практиковалось гадание по венкам: их бросали в реку и по движению в воде пытались узнать судьбу (рис. 50); оставляли на сутки во дворе, примечая, чей венок завянет (тому грозит несчастье); подкладывали на ночь под подушку, чтобы увидеть вещий сон. Купальские венки, как и троицкие, использовались для защиты дома, скота, посадок: их

вешали над дверями, клали на грядки, надевали на рога коровам «против ведьм» и т.д. и т.п.

Бросание венка в реку или полноводный ручей в целях предвидения будущей супружеской жизни носило сугубо сексуально-эротическое содержание: вытянутая река (ручей) олицетворяло мужское естество, венок, соответственно, — женское, а обряд бросания имитировал их соитие. Кроме того, В венках из цветов, трав листьев и веток естественным образом соединилась символика вечного возвращения растительной жизни и небесно-космического круговорота, тайна жизни и тайна смерти. Магические функции венков чрезвычайно разнообразны: величальная (увенчание головы победителя или надевание цветочной гирлянды на шею); дожиночная, связанная с завершением сбора урожая; свадебная (откуда возникло само понятие «венчание»); погребальная (похоронные венки, надеваемые на усопшего или возлагаемые на могилу) и т.д.

Магический смысл имеет уже сама форма венков — круг, тор, колесо, что полностью соответствует матриархальной семантике и распространяется на другие предметы, имеющие вагинальную форму - с отверстием посередине: кольца, обручи, звенья цепи, навершие ключей, выпечку — калачи, бублики, баранки и т.п. В фольклоре эти и другие аналогичные символы облекались в образно-иносказательную форму. Так, в былине о Ставре Годиновиче, известной еще по "Сборнику Кирши Данилова", акт любовного соития описывается при помощи традиционных метафор. Поэтические строки произносятся неузнанной молодой женой героя - Василисой Микулишной (предположительно дочерью Микулы Селяниновича), переодетой в мужское платье:

*"Гой еси, Ставер, веселой молодец,
Как ты мене не опознаешь,
А доселева мы с тобой в сайку игравали:
У тебя-де была свайка серебряная,
У меня кольцо позолоченное,
И ты меня поигрывал,
А я тебя толды-вселды".*

В другом варианте былины, записанной П.Н. Рыбниковым в Кижях Олонецкой губернии от крестьянина А.Е. Чукова, меняются образы, но не меняется символика женского и мужского начал:

*"Ты помнишь ли, Ставер, да помятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоты училися:
Моя была чернильница серебряная,
А твое было перо позолочено?
А я-то помакивал тогда-всегда,
А ты-то помакивал всегда-всегда?"*

Круг, олицетворяющий женское начало, одновременно символизирует и оберегательные функции женской утробы, с которыми связано множество древних ритуалов: очерчивание кругом как защита от невзгод и несчастий, доение или процеживание молока сквозь венок, а также пролазание, протаскивание, наблюдение, переливание, умывание, еда и питье — и все через

венка. Вера славян в волшебную силу венка наглядно проявляется в их полифункциональном использовании в архаических празднествах — святочных, масленичных, троицких, купальских.

На Семик с утра до ночи водились женские хороводы. Праздник был исключительно женский (рис. 51), уходящий своими корнями в матриархальную старину; мужчины к нему и близко не подпускались, лишь позднее нравы несколько смягчились. Праздновалось само таинство жизни, олицетворяемое женщиной. И березка символизировала это таинство, выступая подлинным Древом жизни. Аналогичную символическую нагрузку носили и другие тотемные растения. Например, как установили этнологи, заламывание (ломание) калины* и некоторых других кустарниковых растений в женских славянских обрядах и магии имело глубокий сексуальный смысл и олицетворяло для девушек предстоящее лишение девственности (дефлорацию), которая когда-то поощрялась именно на семикскую неделю.

Пик неформальных семикско-троицких празднеств приходился на Духов день. Вопреки общеизвестным религиозным истолкованиям, именно в этот день до предела обнажалась подлинная подоплека древних языческих обрядов и их ярко выраженная сексуально-оргастическая сущность. До недавнего времени истинный смысл троицкой обрядности был известен ограниченному кругу людей: непосредственным участникам, наблюдателям и этнографам-фольклористам. Последние, однако, не могли опубликовать собранные сведения из-за их откровенной «срамоты». Лишь в самое последнее время в научной печати появились тексты языческого происхождения.

Срамные троицкие песни исполнялись исключительно женщинами, изобиловали ненормативной лексикой, носили вызывающе похабный характер и сопровождались плясками со столь же выразительной жестикуляцией. О матриархальных пережитках свидетельствует также и непереносимое изготовление чучела бабы с подчеркнута большими грудями. Оно делалось из двух березок, обряжалось в платье, украшалось лентами и в долгом шествии с песнями и танцами относилось к реке, раздевалось и топилось. Это языческое шествие с трясучкой и ловлей мужчин во многом напоминает аналогичные ритуальные действия, устраиваемые во время античных дионисий и вакханалий.

Береза — не просто дерево женского рода. Она — символ Женского начала, несущий на себе печать далекой *матриархальной* эпохи. С наступлением и победой *патриархата* появились новые тотемные предпочтения и соответствующие дендрические символы. У древних славян таким священным (и одновременно тотемным) деревом стал дуб, символизирующий Мужское начало. В украинских народных песнях мужчины по сей день сравниваются с дубами:

*Похилився дуб дубови,
Поклонився кум кумови,
За любую гостинуюку,
За красную бесидуюку!*

На каком-то этапе славянского этногенеза дуб сделался даже символом и гарантом брака. В некоторых местностях Белоруссии до начала XX

* В восточнославянской народной культуре калина олицетворяла девственность из-за ярко красных ягод, ассоциирующихся с кровью женщины, лишенной невинности.

века сохранялся по сути своей языческий обычай — получать благословение на бракосочетание у заветного дуба. Брачащиеся шли в лес к вековому дереву, обходили его три раза и только после этого считались мужем и женой. Славяне относились к дубу, как мудрому мыслящему существу, принимая ответственное решение, обращались к нему за советом, сверяли с ним свои замыслы и поступки. У русских это сохранилось по сей день, чуть ли не в генетической памяти. Достаточно вспомнить хрестоматийный эпизод «Войны и мира» — мысленный разговор Андрея Болконского с дубом по возвращении из рязанского имения графа Ростова и судьбоносной встречи с Наташей:

«Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев. Ни болячек, ни старого горя и недоверия — ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные. Молодые листья, так, что верить нельзя было, что этот старик произвел их. «Да, это тот самый дуб, — подумал Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка. Взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна — и все это вдруг вспомнилось ему. «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, — вдруг окончательно, бесприменно решил князь Андрей. — Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо. Надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь...»

Но не только это — в славянском мирозерцании дуб, как правило, олицетворял Мирное (Космическое) древо. Помните: «На море-океане, на острове Буяне стоит дуб зеленый...»? О чем это? Да о Вселенском древе, известном в культурах всех архаичных народов! Образ Мирного (Космического) древа проходит через историю всех древних цивилизаций — древнеиндийской, древнекитайской, древнеегипетской, шумеро-аккадской, ассиро-вавилонской, хеттской, древнееврейской, древнеиранской, ацтекской, инкской. Этот же символ сопровождает верования и миропредставления многих оседлых и кочевых народностей Евразии, островитян Полинезии, Индонезии, индейцев обеих Америк и некоторых аборигенов Африки. В славянском космическом мирозерцании древо жизни трансформировалось в основном в фольклорный образ дуба, который в виде архетипа коллективного бессознательного прошел через века и тысячелетия и сохранился до наших дней — все такой же мощный и неувядающий, как бессмертные пушкинские стихи: «У лукоморья дуб зеленый; / Златая цепь на дубе том...». Та же самая мифологема — но на тысячелетие раньше — укоренилась в славянском фольклоре. В архаичной украинской песне поется — правда, о двух дубах на острове посреди моря:

*Колись то було з початку свита,
Тоди не було неба, ни землі,
Неба, ни землі, нем сине море,
А сред моря та два дубойки,
Сили упали два голубойки,*

Два голубойки на два дубойки.

Есть свои изобразительные традиции и у русского народа. Древо жизни (Мировое древо) — излюбленная тема русских вышивальщиц и мастеров (рис. 52), хотя те знать не знали об истинном содержании замысловатого узора. Но передаваемый от поколения к поколению незыблемый мифологический код позволяет расшифровать сложный орнамент, объединяющий Жизнь, олицетворяемую самим деревом, и Космос, представленный многочисленными и разнообразными солярно-астральными знаками.

Истинное назначение символа мирового древа раскрывается в «Слове о полку Игореве», где вещий Боян «растекался мыслью по древу». Хотя существуют десятки разнообразных интерпретаций данного образа, — истина, по-видимому, все же заключается в буквальном толковании «растекания мысли по древу», если принять, что символ древа — опорный образ мысли, помогающий сказителю или прорицателю воссоздать закодированный скрытый смысл. Точно так же сибирский шаман, у которого мировое дерево изображено на длиннополом костюме, сшитом из шкур (а эпитет Бояна — вещий, то есть «ведающий, владеющий тайным, колдовским знанием», напрямую сближает его с древними языческими жрецами и шаманами), впал в экстаз, сообщает за гипнотизированным слушателям о своем путешествии (полете) по стволу и ветвям древа в скрытые, недоступные непосредственному созерцанию миры (рис.89).

Собирательный образ Космического древа в представлении всех славянских народов рисует древнее предание, сохранившееся среди южных славян (правда, здесь дуб замещен вязом):

«Ось мира есть святое дерево — ясень. Его высокая вершина превышает горные вершины и шесть небес и поднимается до седьмого неба, по которым в своих светлых палатах пребывает верховный Бог Сварун [Сварог. — В.Д.]. Насколько вершина ясеня, дерева мира, высока, настолько корень его глубок; корни его простираются по всему подземному царству Чернобога. Корень его четверолапый: один корень идет на юг, второй — на восток, третий тянется к северу, четвертый — к западу. Под ясенем простирается земля. Мелкие сережки в его ветвях — солнце, месяц и звезды. Так ясень связывает подземное царство, землю и небо. Из-под дерева мира бьет ключ чистой, живой воды, которая оздоравливает и воскрешает из мертвых. У ключа сидят три предсказательницы, верные прислужницы. Одна знает, что было, другая — что будет, а третья — то, что есть. Они решают, чему быть. Большие того — определяют всякому его судьбу: хорошую или плохую. Так они, обещая и жизнь и смерть, трудятся над возникновением жизни».

В поэтической форме космический смысл, закодированный в мифологеме Мирового древа, проникновенно раскрыл Вячеслав Иванов:

*Так Древо тайное растет душой одной
Из влажной Вечности глубокой,
Одетое миров всечувственной весной,
Вселенской листвою звездноокой:
Се Древо Жизни так цветет душой одной.*

Но еще Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» напоминал: «Есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником...» Здесь Мировое дерево представлено как космическая дорога Богов. Множество подобных легенд собрано и опубликовано А.Н.Афанасьевым во 2-м томе «Поэтических воззрений славян на природу» — от устных сказаний до письменных апокрифов. В апокрифической беседе Панагиота с Фрязином Азимитом (по рукописи XVI века) космическое мировое дерево описано следующим образом: «А посреди рая дерево животное, еже есть божество, и приближается верх того древа до небес. Древо то златовидно в огненной красоте; оно покрывает ветвями весь рай, имеет же листья от всех деревьев и плоды тоже; исходит от него сладкое благоуханье, а от корня его текут млеком и медом 12 источников».

Молочный источник (река) около огненного златовидного древа, достигающего небес, — это смутный намек на Млечный путь — звездный Стержень видимого Космоса — и одновременно воспоминание о Стране Блаженных (Гиперборее), где царствовал Золотой век. По убеждению представителей мифологической школы в фольклористике (к ней принадлежал и А.Н. Афанасьев), — мировое дерево вообще является символом небесно-космической иерархии мира. Оно повернуто кроной к земле, а ствол и корни уходят в неоглядные дали Вселенной. Видимая вершина, с точки зрения мифологов, — это доступные земному наблюдателю тучи и облака. Мнение достаточно распространенное, в XIX веке оно доминировало. Но традиции подобных взглядов уходят в самые глубины народного мирозерцания. Один из вариантов самого известного и древнейшего зачина русских заговоров гласит: «На море на Океане, на острове на Кургане стоит белая береза, вниз ветвями, вверх кореньями».

Но вернемся к дубу — самому почитаемому дереву славян (а равно германцев и кельтов). Еще в XII веке в немецком «Житии Оттона, епископа Бамбергского» рассказывалось о верованиях балтийских славян-поморян:

«Был также в Штетине огромный густолиственный дуб, под ним протекал приятный источник; простой народ почитал дерево священным и оказывал ему большое чествование, полагая, что здесь обитает какое-то божество».

Поморяне естественно умоляли католических миссионеров не трогать языческой реликвии. Куда там — срублен был не только священный дуб, но истреблены также те, кто ему поклонялся. Немецкий хронист упоминает «какое-то божество». Речь идет о главе позднейшего древнеславянского пантеона — громовержце Перуне (рис. 53).

Бог грозы, грома и молнии Перун — русский аналог эллинского Зевса, римского Юпитера, ведийского Индры, литовского Перкунаса (у последнего даже корень общий с русским теонимом) и других древних божеств.

*У Перуна рост могучий,
Лик приятный, ус златой,
Он владеет влажной тучей,*

Словно девой молодой.

.....
*У Перуна знойны страсти,
 Но, достигнув своего,
 Что любил он — рвет на части,
 Тучу сжест — и нет его.*

Константин БАЛЬМОНТ

Как верховный владыка языческого пантеона дохристианской Киевской и Новгородской Руси Перун считался также покровителем князя и его дружины, принимая на себя одновременно и функции бога войны. Не стоит тешиться заблуждением, что вера в Перуна сама собой сошла на «нет» после того, как Владимир Святой повелел разрушить все языческие святилища, а деревянное изваяние Перуна бросить в Днепр. Еще в XIV веке священнослужители продолжали жаловаться: «Но и ныне по украинам молятся ему, проклятому богу Перуну».

А у болгар славянский громовержец почитался до недавнего времени: во время засухи для вызывания дождя практиковалось некое языческое действие с ряжением молодежи и хождение по домам с пением, прославляющим Перуна в надежде, что он как владыка грозы, молнии и грома ниспошлет на страждущую землю долгожданный дождь. В рукописи XVIII века «История во кратце о болгарском народе славенском», принадлежащей Спиридону Иеросхимонаху и опубликованной в Софии в 1900 году про то говорится:

«И сего перуна Болгары почитают: во времена бездождия, собираются юноши и девицы и избирают одного или от девиц. Или от юношей, и облачают его в мережу [здесь — ячеистая ткань, скорее всего старая рыболовная сеть. - В.Д.], как в багряницу [здесь — карнавальная мантия красного цвета. - В.Д.], и сплетают ему венец из бурьянов в образе царя перуна, и ходят по домам, играюще и спевающе, часто поминая беса того и поливая водой и перуна того, и сами себя...»

Должно быть, так прославляли и призывали славяне своего верховного бога на протяжении многих тысячелетий. На Руси издревле существовало поверие, что Перун оставляет на земле следы, обладающие магическим и целебным действием. К таковым до возникновения научной археологии (а в народном мирозерцании - чуть ли не до начала нынешнего века) молва относила так называемые "громовые камни", кои в действительности оказались изделиями первобытных людей - рубилами, каменными ножами, топорами, наконечниками для копий и т.п. Есть, однако, любопытные нюансы. Карельский археолог А.П.Журавлев описал каменное долото, передаваемое из поколения к поколению и считаемое "концом грома" Ильи-пророка. Тщательно отшлифованная сланцевая "сигара" (длиной 34 см, толщиной 6 см, весом 2 кг) принадлежала известной сказительнице А.Ф.Никифоровой и считалось наделенным колдовской и целительной силой. В других случаях похожие фаллоподобные камни использовались в сексуальной магии.

По сей день повсеместно сохранились и другие рудименты былых верований, которые подчас приняли неузнаваемую форму. Кто бы мог

догадаться, что разудалое народное битьё горшков лишь сравнительно недавно превратилась в невинную игру. Подлинные ее истоки — в традиционных кровавых жертвоприношениях языческому богу Перуну. Его священной птицей и, соответственно, символом считался петух. Потому-то и в качестве основной жертвы владыке славянского пантеона служили именно петухи. Их резали дружинники князей Олега и Святослава у священного дуба на днепровском острове Хортица (будущем становище Запорожской Сечи) перед тем, как спуститься на челнах к Черному морю и далее под парусами пройти к Царьграду. Их режут и поныне по глухим деревням — причем именно в Ильин (Перунов) день.

Впрочем, наиболее впечатляющее жертвоприношение во времена языческого поклонения Перуну заключалось в другом. Петухов закапывали в землю так, что на поверхности оставалась одна голова. Затем каждому желающему завязывали глаза, давали в руки короткую жердь, раскручивали и оставляли один на один с волей Судьбы. Попадешь и разможжишь со всего размаха петушину голову — значит, ты угоден Перуну, он принимает требу и берет человека под свое покровительство. Не попадешь — знать, не судьба и на благосклонность богов вряд ли стоит рассчитывать. В первозданном виде этот древний обычай сохранился у лужицких сербов с той разницей, что по жертвенному петуху бьют не жердью, а цепом (рис. 54). В остальном славянском мире после искоренения долго сопротивлявшегося язычества петухи были заменены обыкновенными горшками. Схема же самого игрища и неподдельный азарт участников практически не изменились.

Когда-то в честь Перуна приносились в жертву не только петухи, но и быки. Традиция восходит к более чем отдаленным временам и хорошо известна на примере впечатляющих жертвоприношений эллинов громовержцу Зевсу — будничных и праздничных, когда одновременно забивалось сразу сто быков (такая торжественная жертва именовалась *гекатомбой*). Именно отсюда и тянется прямиком ниточка к славянским требам в честь Перуна, приуроченные после принятия христианства к Ильину дню. Подобные ритуалы еще в начале нынешнего века практиковались на Русском Севере.

Вот как описывает такой обряд в Олонецком крае этнограф и фольклорист Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917), особо подчеркивая при этом, что весь ритуал, несмотря на участие в нем православного священника, калькирует празднество в честь языческого громовержца Перуна. Испокон веков бытовал среди олонецких крестьян обычай убивать в честь Ильи-пророка заветного быка. Более того, именно с этого момента велся отсчет всех времен года (что лишний раз свидетельствует о глубочайшей древности самого обряда). В урочный час приводили к церкви одного или нескольких «завиченных» (заветных) быков. Если жертвенных животных было несколько, то бросали жребий, кому из них быть первым. Хозяин избранного быка, получив благословение священника, отрезал у жертвы кончик правого уха и передавал его в часовню. Затем быка отводили на поварню, убивали, разрубали и варили большими кусками (от 4 до 8 фунтов), при этом мясо прикрепляли к краям котла ивовыми прутьями. Голову и бульон отдавали нищим, а правую заднюю ногу на причет церковный. По окончании вечерни или обедни священник с причетниками освящал жертву, и народ тотчас же бросался делить Ильинскую жертву. Поделив Ильинское мясо, все отправлялись на луг, где устраивалась общая трапеза. Кости сохранялись — они считались приносящими

счастье и увеличивающими (утраивающими) богатство. В описанном обряде причудливо переплелись и ужились языческие и православные обычаи...

Ильин день — один из тех праздников, корни которого уходят в самые заветные глубины архаичного народного мировоззрения, затрагивая фундаментальные первоосновы бытия и глубочайшие человеческие ценности. Ибо Ильин день естественным образом наложился на древний Перунов день — 2-го августа. По старому стилю Ильин день падал на 20-е июля, но и тогда считалось, что именно с этого дня кончается лето и начинается осень. Рановато, что и говорить, по нынешним меркам: как-никак — всего лишь середина лета. Но в народе считали по-другому: "Илья лето кончает, жито зажинает; первый сноп — первый осенний праздник!", "На Илью до обеда — лето, после обеда — осень!".

Илья (правильнее — Илия) — библейский праведник, живым взятый на небо. Он умчался туда на огненной колеснице (рис. 55) и с тех пор заведует там молниевым и громовым хозяйством, объезжая небосклон на упряжке чудесных коней. Гром происходит от стука колес его колесницы по небесной мостовой, а молнии — стрелы, коими грозный пророк иничтожает нечистую силу. По существу ветхозаветный сюжет с вознесением Ильи-пророка — одно из архаичных описаний путешествия в космическое пространство. И сам Илья — фигура воистину космическая. Один из древнерусских духовных стихов подчеркивает это с необычайной эмоциональной силой:

*Как сойдет с неба Илья-пророк, —
Загорится Матушка Сыра Земля,
С востока загорится до запада,
С полуден загорится да до ночи.
Выгорят горы с раздольями,
И выгорят леса темные.
И сошлет Господи потопие,
И вымоет Матушку Сыру Землю...*

К тому же в народном сознании Илья-пророк зачастую сливался с образом другого Ильи — Муромца (рис. 56). О грозе нередко говорили: "Илья Муромец по небу на шести жеребцах ездит". И, наконец, Илья-пророк никак не отделялся от предшествовавшего ему бога-громовника Перуна, праздник которого в заветный летний день отмечался славянами на протяжении многих тысячелетий. Новая религия просто вынуждена была приспособиться к этой незыблемой древней традиции.

Тотемные предпочтения русского народа и тотемные реликты далекого прошлого явственно обнаруживаются, например, в причитаниях Северного края, например, в плаче (точнее было бы сказать - вопле), когда профессиональная плакальщица, используя в течение веков и тысячелетий выработанные клише, обращается к покойнику с такими словами:

*Хоть с чиста поля явись ясным соколом,
Хоть с глубокого озера серой уточкой,
Хоть с погоста прилети да сизой галочкой. <...>
Хоть с-под кустышка приди да серым зайушкой,
Из-под камышка явись да горностаюшком...*

Принадлежность конкретного тотема какому-либо роду-племени или, что одно и то же, принадлежность какого-то семейно-кланового или половозрастного образования конкретному тотему наглядно демонстрирует узнавательно-разграничительную функцию последнего, что помогает выявить себе подобных или отличать своих от чужих. В частности, это проявляется в особенностях одежды, головного убора, прически, украшений, косметики, татуировок, которые, как показывают данные археологии, в древности были распространены повсеместно. Например, русский женский головной убор кика по форме напоминает птицу, а его название происходит от названия лебединого крика — кика (кикать - «кликать, кричать»). Отсюда же и древнегреческое наименование лебедя — «Кикн» (так звали и сына Аполлона, превращенного после смерти в созвездие Лебедя).

Тотемное прошлое живет и во множестве русских фамилий, восходящих к древним обозначениям тотемной принадлежности людей. Сами фамилии сравнительно недавнего происхождения. У простого люда они появились после отмены в России крепостного права. Речь, конечно, не идет о христианских именах, имеющих, в свою очередь, греческое, римское или библейское происхождение. Если открыть *ономастиконы* (сборники, составленные филологами на основе анализа разного рода документов прошлого), то обнаружится великое множество тотемных имен, принадлежавших нашим предкам вплоть до Петровской эпохи. Вот лишь некоторые из них, взятые наугад из именословов Н.М.Тупикова («Словарь древнерусских личных собственных имен». СПб., 1903) и С.Б.Веселовского («Ономастикон». М., 1974):

звериные: Баран, Барсук, Бобр, Бык, Белка, Волк, Выдра, Горноста́й, Жеребец, Заяц, Зубр, Кобыла, Коза, Козел, Конь, Корова, Кот, Кошка, Куница, Лиса, Медведь, Мышь, Овца, Пес, Свинья, Собака, Соболь, Тур, Хомяк;

птичьи: Воробей, Ворона, Гоголь, Голубь, Грач, Гусак, Дрозд, Дятел, Жаворонок, Журавль, Коростель, Коршун, Кречет, Кулик, Курица, Лебедь, Лунь, Орел, Селезень, Сова;

рыбьи: Ерш, Карась, Рыба, Севрюга, Щука;

растительные: Береза, Гриб, Груша, Дуб, Калина, Капуста, Крапива, Липка, Мухомор, Осина, Ракита, Репа, Орех;

прочие: Блоха, Жаба, Жук, Комар, Мизгирь, Муравей, Муха, Паук, Пчелка, Рак, Таракан, Шершень.

Все эти древнерусские имена и прозвища как наследие еще более древних русских, славянских, индоевропейских и доиндоевропейских тотемов стали неотъемлемой стороной современной жизни, войдя в живые русские фамилии.

Откуда же взялось такое множество тотемов, каковы причины их дробления и появления новых? Данные процессы обусловлены вполне понятными, естественными причинами. Человек вообще стремится всячески подчеркнуть свою уникальность, обособить место и условия своего существования, обозначив по возможности разного рода отличительными особенностями в одежде, жилище, манере поведения и общения, а также в символике, наглядно выражающей такие особенности. При смене поколений, распаде этнических структур, обособлении семей каждое новое социально-этническое образование придерживается, как правило, сложившихся и усвоенных традиций, но одновременно стремится к выпячиванию собственных

неповторимых черт. При резкой ломке условий жизни, при смене жизненных ориентаций и парадигм отказ от прежних традиций и переход к новым ценностям осуществляется в демонстративно подчеркнутой форме и сопровождается принятием новой символики, в том числе и в области родоплеменной принадлежности. Отсюда такое обилие и разнообразие тотемов, возникших не в раз, а на протяжении веков и тысячелетий.

* * *

Что касается архаичной славянской космогонии, то, базируясь на древнейших индоевропейских и доиндоевропейских воззрениях, она также не избежала следов тотемизма. В космогонических мифах многих народов мира творцами Вселенной (или уже земного мира) выступают, как правило, утки или гуси (лебеди). Наиболее распространенным сюжетом является сотворение мира уткой, плавающей по безбрежному мировому океану. В одних вариантах (русский, мордовский, марийский, волжско-булгарский) утка (гоголь) достает кусочек земли со дна первичного океана и творит земной мир. Изображения этого акта встречаются на многочисленных древних украшениях и орнаментах — вплоть до трансформированного образа в узоре на белокаменном Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском (рис. 57). Данный сюжет получил отображение также во многих древних предметах прикладного искусства, найденных археологами в различных местах и ныне хранящихся в музеях России. Так, в Государственном музее Республики Татарстан (Казань) демонстрируется золотое височное кольцо (предположительно XII века) из Мокрокурналинского клада, где традиционная космическая спираль совмещена с космотворящей птицей, держащей в клюве комочек земли (рис. 58). Аналогичные изображения птицы известны повсюду (рис. 59).

По другому варианту, дошедшему через карело-финский эпос «Калевала», космическая утка сносит шесть золотых яиц, роняет их в океан-море, а затем:

*Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось,
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе...*

В космогонии Древнего Египта (гермопольская версия) бытовал аналогичный сюжет — только вместо утки выступал белый гусь Великий Гоготун: он снес яйцо, из которого родился Бог Солнца, рассеяв тьму и хаос, что свидетельствует об общих мифологических воззрениях тех пранародов, которые положили начало и древним египтянам, и древним индоевропейцам, и древним финно-угорцам. В других текстах голос космотворящей птицы — дикого гуся Великого Гоготуна — прорезал бесконечное безмолвие хаоса, «когда в мире еще царила тишина». По одним источникам, яйцо несло в себе птицу света, по другим — воздух.

Птица, которая выступает творцом (демиургом) мира у разных народов, иногда меняет свое обличье. У североамериканских индейцев тлинкитов — это ворон, у якутов — ворон, утка и сокол, у некоторых австралийских племен — орел-сокол. В русской традиции Птица-Космотворец — как правило, селезень (гоголь) или изредка какая-либо другая водоплавающая птица (например, лебедь). Народ свято хранил в памяти наидревнейшие представления о сотворении мира. Один из великих русских фольклористов Павел Николаевич Рыбников (1831—1885) (рис. 60) в середине прошлого века записал краткий христианизированный вариант доарийской легенды у крестьян Заонежья (сам текст является типичным образцом народного двоеверия):

«По досюльному Окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержитель и Сатана. По Божию повелению, по Богородицыну благословению, Сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор. И ударил Господь молотком в камень и создал силы небесные; ударил Сатана в камень молотком и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война; по началу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса, стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками; иные упали в бани и сделались банниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками».

Древнейшие доарийские представления об участии птицы (утки) в сотворении мира сохранились в космогоническом апокрифе XVII в. из библиотеки Соловецкого монастыря. Текст христианизирован, но в нем настолько явственно присутствует добиблейский пласт, что в результате действующими лицами оказываются два Бога — христианский и дохристианский, выступающий в виде птицы — Селезня (гоголя). Поле действия апокрифа — мир до сотворения, когда в нем не было ничего, кроме воды (первичный космический океан), по которому и плавала Божественная птица. «И рече Бог: ты кто еси? Птица же рече: аз если Бог... Бог же рече: ты откуда бо? Птица же рече: от вышних. И рече Бог: дай же ми от нижних. И понре птица в море и согна пену, яко ил и принесе к Богу и взя Бог ил в горсть и распространи сюду и овоюду, и быть земля...». Интересно, что дохристианский Бог-Птица оказывается более могущественным, чем библейский Бог. Первому, а не второму дано достать и принести землю со дна океана. И именуется Бог-Птица в апокрифе Вышним (аналогично общеарийскому Вишну). За что библейский Бог, согласно апокрифу, и наименовывает своего конкурента Сатанилом, которого «престал над звездами», а там он «воевода небесным силам, надо всеми старейшина».

Данный сюжет, где народная космогония перемешана с библейской, встречался и фиксировался повсеместно — от Севера до Юга. Апокриф — сказание о творении мира уткой-гоголем — имел широкое хождение на Руси, куда он попал из Болгарии (интересно, что в самой Болгарии обнаружен лишь один-единственный оригинальный список, в то время как в России известно их несколько). Однако было бы неверно ограничивать легенду

о Боге и Сатаниле одной лишь библейской традицией, как это делали некоторые исследователи. К данному вопросу постоянно обращаются славянские ученые. Подробнейший анализ древнерусских, древнеславянских и других космогонических легенд дан, к примеру, в фундаментальном исследовании академика А.Н.Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха»: XI. Дуалистические поверья о мироздании (СПб., 1889); XX. Еще к вопросу о дуалистических космогониях (СПб., 1891). Из современных работ можно отметить монографию В.С. кузнецовой «Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской народной традиции (Новосибирск, 1998).

В названных и других работах утверждается, что миф о космотворящей птице имеет недавнее происхождение и заимствован из еретической богомильской литературы. Такое предположение однако совершенно неприемлемо. Апокриф опирался на древнейшие космогонические представления, прямого отношения к Библии не имевшие. Повсеместность распространения легенды о творении мира при участии птицы — практически на всех континентах земли — лучшее тому доказательство. Болгарские богомилы черпали свои идеи из разных источников — дохристианских и нехристианских. Отличительной чертой богомильской ереси, возникшей в X веке в Болгарии и жестоко подавленной светскими властями и ортодоксальной церковью, являлось в частности, что сектанты черпали свои идеи из манихейства, названного так по имени персидского реформатора зороастризма Мани (ок. 216— ок. 273).

В основе манихейства, на 90% состоявшего из более древних зороастрийских идей, лежало очень простое, а потому — исключительно привлекательное представление о том, что весь мир и все живое в нем делится на две непримиримые части, находящиеся друг с другом в непрестанной борьбе — Добро и Зло, которые могут конкретизироваться в Истине и Лжи, Правде и Кривде, Свете и Тьме, Черном и Белом. Между противоположными Началами идет никогда не прекращающаяся война (причем победа периодически оказывается то на одной, то на другой стороне). Именно в силу такой простоты и привлекательности манихейство просуществовало более тысячи лет после мученической кончины его основателя (по приказу шаха с пророка Мани живьем содрали кожу). В разных странах и в разные времена ересь принимала разные облики. Типичным и наиболее известным примером, помимо богомильства, является также альбигойство в Западной Европе. Но и то и другое связано с христианством: в первом случае — с православием, во втором — с католичеством. Однако манихейство было распространено повсеместно в Европе и до утверждения христианства. В том числе и среди славян-язычников, у которых существовали даже два особых бога, выражающих суть манихейской доктрины — *Белбог* и *Чернобог*.

Здесь, однако, имеется один весьма существенный нюанс. Вряд ли архаичное представление деления Мира на Добро и Зло была воспринята древними славянами от пророка Мани или проповедников его учения. Скорее всего, дуалистическое видение наших предков и прапредков — наследство иных времен, общей индоевропейской, арийской и гиперборейской культуры. Древнерусское устное народное творчество насквозь пронизано дуальным мировоззрением, то есть представлением о Вселенной как арене борьбы Добра со Злом. Самая древняя потаенная книга Древней Руси, получившая наименование Голубиной (Глубинной) (рис. 61) книги, раскрывает суть дуальной концепции мироздания в форме поэтической притчи о двух

(космических) зайцах, олицетворяющих Правду и Кривду. В одной из записей, сделанных на Русском Севере, это представлено так:

*...Как два зайца во поле сходилися,
Один бел заяц, другой сер заяц,
Как бы серой белого преодолел;
Бел пошел с Земли на Небо,
А сер пошел по всей земли,
По всей земли, по всей вселенная...
Кой бел заяц - это Правда была,
А кой сер заяц - это Кривда была,
А Кривда Правду преодолела,
А Правда взята Богом на небо,
А Кривда пошла по всей земли,
По всей земли, по всей вселенная,
И вселилась в люди лукавые...*

Изумительный образец народного космизма! Но он не единственен. Древнейшее происхождение дуального мировоззрения доказывают и архаичные космогонические легенды, известные у многих народов, где в качестве творящего первоначала выступают две птицы. Они представляют Добро и Зло, но, в соответствии с более поздней религиозной традиции, оказываются Богом и сатаной.

Сказанное прекрасно демонстрируют богомильские тексты. Сохранились они, в основном в архивах инквизиции, которая на протяжении всего своего существования вела беспощадную борьбу с популярным в народе учением (к XIV веку богомильство распространилось не только среди славян Балканского полуострова, но и получило достаточно широкую поддержку в Южной Европе и Византии). Ниже приводится отрывок из «Тайной книги богомилов», написанной на болгарском языке и красноречиво свидетельствующий не только о манихейских, но и о древнейших индоевропейских и доиндоевропейских корнях крамольного учения:

«Сатана был творцом всех вещей и подражал Отцу моему [текст написан от лица апостола Иоанна. – В.Д.]. Он спускался с неба в преисподнюю, а из преисподней восподнимался к престолу невидимого Отца. И видя славу Того, кто движет небесами, замыслил он поместить обиталище свое над облаками и захотел стать подобным Всевышнему. И, сойдя на воздух, сказал он ангелу, повелевавшему им: «Открой врата воздушные!» И тот открыл. Потом, устремившись вниз, встретил он ангела, повелевавшего водами, и сказал ему: «Открой врата водные!» И тот открыл.

И, спускаясь, очутился он перед лицом земли, покрытой водою. И, проникнув под землю, нашел он двух лежащих на воде рыб в одной упряжке, подобно волам на пахоте. По воле невидимого Отца подпирали они землю с Запада до Востока. И когда спустился он еще ниже, то встретил нависшие облака, держащие море, а еще ниже обнаружил пекло, то есть геенну огненную. Дальше он не мог спуститься из-за жара от пылающего огня. Тогда, исполнившись злобой, воротился Сатана назад, и появился перед ангелом воздуха я перед тем, кто стоял над водами, и сказал им: «Это все — мое. Ежели послушаетесь меня, помещу я свое обиталище над облаками и

уподоблюсь Всевышнему. И ежели подниму одни воды на эту твердь, а другие соберу в широкие моря, тогда не будет воды на всей поверхности земли. И стану царить я с вами на веки вечные». Сказав это, поднялся он к другим ангелам до самого пятого неба и каждому из них говорил: «Сколько должен ты хозяину своему [Богу]?» Первый ответил: «Сто мер пшеницы». И сказал ему Сатана: «Возьми перо, чернила и пиши: шестьдесят». И второго спросил: «А ты сколько должен хозяину своему?» Ответил он: «Сто больших кувшинов масла». «Садись,— сказал Сатана ему.— и пиши: пятьдесят». И поднимаясь на небеса до самого пятого неба, повсюду говорил он так, совращая ангелов невидимого Отца.

И раздался глас от престола Отца, глаголящий: «Что ты творишь, отцеотступник и совратитель ангелов? Ты, источник греха, делай то, что задумал!» Тогда приказал Бог-Отец ангелам своим: «Возьмите у них одежды». И отобрали они одежды, престолы и венцы у всех ангелов, внимавших Сатане.

И тогда я, Иоанн, спросил Господа: «Когда Сатану низвергли, где обитал он?» Ответил Он: «Отец мой преобразил его за высокомерие: был у него отнят свет, лицо стало словно раскаленное железо и во всем уподобилось человеческому. Своим хвостом Сатана увлек третью часть Божьих ангелов. Тогда он низвергнут был с Божьей обители и лишен власти на небесах. Но, сойдя сюда, на твердь, ни Сатана, ни те, кто с ним, не обрели покоя. Тогда взмолился он к Отцу, прося: «Будь милостив ко мне, и я все тебе возвращу». И смилостивился над ним Бог-Отец и дал покой ему и тем, кто с ним, чтобы мог он свершить, что желает, до седьмого дня. И так сел Сатана на твердь и приказал ангелу, повелевавшему воздухом, и ангелу, повелевавшему водой, чтобы приподняли они землю, бывшую в воде, и стала она сушей. Потом взял он венец ангела, повелевавшего водами, и из одной его половины сделал лунный свет, а из другой — звездный. А из камней венца создал все небесные воинства и звезды. И после этого сделал ангелов своих слугами по чину, установленному Всевышним, и создал он гром, дождь, град и снег, и над ними поставил ангелов. Приказал Сатана земле плодить пернатых и пресмыкающихся, деревья и травы, а морю — рыб и птиц небесных.

Потом надумал он создать человека по подобию своему, чтобы тот служил ему. Для этого приказал Сатана ангелу третьего неба войти в глиняное тело. Взяв часть этого тела, изготовил он другое — в виде женщины, и приказал ангелу второго неба войти в женское тело. Как только увидели ангелы себя облаченными в смертные одежды и разными по облику [то есть мужчиной и женщиной], горько заплакали. Потом повелел им Сатана совершить плотское деяние [то есть совокупиться] глиняными телами, и не ведали они, что грешат».

Свидетельством о нехристианском и дохристианском происхождении анализируемой легенды являются также описания и изображения славянских идолов (предположительно — из языческого храма Ретры, что был уничтожен до гласа католическими крестоносцами на земле полабских славян). Некоторые из них, найденные случайно при земляных работах, срисованные, но впоследствии безвозвратно утраченные, — представляют собой существо мужского рода с уткой на голове (рис. 62). Думается, что это и есть тот самый Селезень (Гоголь), которого позднее

христианские ортодоксы, искоренявшие язычество, отождествили с Сатанилом, ведущим свое начало от иудаистическо-христианского Сатаны.

Древнее космогоническое представление о творении мира птицей было чрезвычайно живуче среди славянского населения России. Ввиду исключительной важности данного текста, уходящего своими корнями в гиперборейские времена, приводим наиболее подробную из его записей — как она сохранилась в памяти русского сказителя. Текст записан известным собирателем сибирского фольклора Петром Алексеевичем Городцовым (1865—1919) от 79-летнего тюменского крестьянина Дмитрия Никифоровича Плеханова:

Сотворение мира

«Изначала веков ничего не было: — ни неба, ни земли, ни человека, а была только одна вода, вода без конца и краю и без дна, а поверху воды была тьма тьмуца — безпросветная тьма. И по этой воде плавал в лодочке Бог Салаоф. Плыл однажды Бог Салаоф в лодочке и сплюнул на воду слинку [т.е. слюну. — В.Д.] и вот — в том месте, где он сплюнул слинку, появился сам сатана Сатаниил, в человеческом образе. И как только сатана появился, так сейчас же вступил в разговоры с Богом, он сказал Богу: — Я — брат твой. Возьми меня с собою в лодочку». В лодочке хватило места и для двоих и потому Бог сказал сатане: — Садись. — Сел сатана в лодочку вместе с Богом и поплыли дальше. Плыли-плыли, Бог и говорит сатане: — «Хочу я сотворить землю. Нырни, сатана, в воду и достань оттуда земли». Сатана обернулся птицей гоголем и нырнул в воду. Но пред этим сатана не благословился у Бога и потому труд его остался безуспешным.

Долго сатана гоголем погружался в воду, но все-таки не мог добраться до дна и не мог захватить земли, выбился сатана из сил и вынырнул обратно и сказал Богу: — Не мог я добраться до дна и не достал земли. — Тогда Бог опять сказал сатане: — Ныряй второй раз и достань из воды земли. — Сатана оборотился птицей гагарой и вторично нырнул. Но и на этот раз он не благословился, и потому он опять не достал дна и не добыл земли, хотя и нырнул глубже прежнего. Вынырнул сатана из воды и сказал Богу: — Не мог я достать земли и не мог добраться до дна, хотя нырнул куда как дальше прежнего. — Тогда Бог сказал сатане: — Ты потому не можешь достать земли, что ныряешь не благословясь. — Благословись у меня, тогда достанешь дно и принесешь земли. Ныряй в третий раз». Сатана на этот раз благословился у Бога, а затем оборотился птицей соксуном [особая порода широконосых уток. — В.Д.] и нырнул в третий раз. На этот раз сатана без труда достал дна, забрал он себе в клюв земли и принес ее Богу и сказал: — Вот я принес тебе земли.

— Давай сюда землю, — сказал Бог и взял землю из клюва птицы соксуна. Но сатана не всю землю передал Богу и небольшую часть он утаил у себя в клюве. И думает сатана: — Сотворит Бог себе землю, а я увижу, как он это делает, и по его примеру сотворю свою особую землю.

Взял Бог землю и повелел из водной глубины явиться трем китам. И вот явились три кита, таких больших, что станешь на головы, так конца хвостов и не увидишь. Киты установились головами вместе, а хвостами в разные стороны. Тогда Бог положил землю себе на ладонь, а другою ладонью стал мять землю и сдавливать ее. Мял — мял Бог землю и сделал из нея вроде небольшой круглой и совершенно ровной лепешки; эту лепешку-землю Бог

положил на головы трех китов, и земля стала расти, росла-росла и покрыла собою всех трех китов и все продолжала расти. Трем китам стало уже не под силу держать землю, и тогда Бог повелел явиться из водной пучины еще четверем китам и держать землю. Явились четыре кита, сомкнулись они головами с первыми тремя, а хвостами раскинулись в разные стороны и стали держать землю. С того времени и до наших дней земля держится на семи китах.

В то время как росла и ширилась земля на китах, — росла и ширилась также земля, оставшаяся во рту у сатаны, так что сильно раздуло щеки у сатаны. Бог это заметил и спрашивает сатану: — С чего это у тебя щеки-то раздуло? — И сатана должен был сознаться: — Виноват! Прости Господи: я утаил во рту немного земли.

— Выплывай землю изо рта! — приказал Бог. И сатана стал выплевывать землю. И там, где сатана плюнет, — появляются всякие дикие и нечистые места, — горы и овраги, лесные трущобы, кочки и болота. До этого же земля была ровна и чиста и во всех отношениях прекрасна. Так Бог сотворил землю и весь мир.

Когда творение земли завершилось, тогда Бог задумал отдохнуть. Вытащил он лодочку из воды на землю, перевернул ее вверх дном, а сам улегся около лодочки и скоро уснул крепким сном. Сатана, при виде уснувшего Бога, замыслил недоброе дело, — он задумал погубить Бога. Сатана думал так: — Брошу я соннаго Бога в воду и утоплю его, и тогда — земля будет моя и лодочка будет моя.

Взял сатана Бога и понес его к берегу. Но по мере приближения сатаны к воде земля перед ним все росла и ширилась, а вода перед ним все убегала да убегала. Так сатана и не мог донести Бога до воды. Повернул тогда сатана в другую сторону и понес Бога к другому берегу земли, думал, не удастся ли бросить Бога с другого берега земли. Но и там повторилась та же история. Тогда сатана положил Бога на прежнее место, около лодочки, как будто бы он и не касался Бога.

Земля и поныне держится на семи китах и висит на воде. Земля продолжает расти и теперь, — и когда она вырастет и увеличится настолько, что и семь китов не в состоянии будут держать ее, — тогда киты уйдут в воду; земля разсыплется и провалится в водные бездны. Тогда и наступит конец мира. Говорят, что это время уже недалеко».

Теперь уже трудно установить, какой космогонический образ древнее — утка (гоголь) или лебедь. Скорее, и тот и другой выступали тотемами различных родов или племен. Несомненно одно: древнейшие представления о сотворении мира на стадии недифференцированной культурной и языковой общности народов Евразии были связаны с водоплавающей птицей и первичным Океаном, который в конечном счете является космическим океаном. Для подтверждения сказанного приведем еще раз финский — теперь прозаический — вариант легенды о сотворении мира.

«Был гоголь на море; вместо воздуха был только туман. Дух сатана является гоголю: «Для чего ты здесь на море?» Гоголь сказал: «Я птица водяная, ведь мое место на море». — «Но что же ты здесь на море, когда нет земли?» — «Где же взять землю, раз она вовсе не существует!» — «Земля ведь находится на дне моря. Раз ты водяная птица, сходи за землею на

дно». Гоголь погружается на дно моря и несет земли в клюве. У него осталось ее мало, так как вода смыла часть ее. Дух сатана говорит: «Сходи еще раз, принеси побольше». Гоголь принес еще. «Сходи еще и приучись носить побольше». Гоголь сходил третий раз и принес еще больше. Они сделали себе участок земли на море и начали жить там.

Очутился дух Божий среди них. «Откуда у вас здесь земля?» — «Гоголь сходил на дно моря». — «Начнем вместе творить, раз у вас есть земля...» Злой дух взял земли в рот, отделяя часть ее для своей земли. Бог все говорит: «Должно быть больше земли, так как здесь она еще не вся». Злой дух клянется: «Больше нет». Бог настаивает на своем и говорит: «Открывай рот». Там и нашли землю. «Смотри, здесь ведь есть земля; для чего ты клялся, что ее нет?» Тот выплевывает землю на север, где из нея стали расти камни, скалы, горы.

У других народов Евразии также распространен сюжет о нырянии на дно моря (океана) с целью сотворения земли, что лишний раз доказывает близость и бывшее единство верований и культур. У марийцев в этой роли выступают легендарные Юма (Бог) и Керометь (Сатана), у мордовцев — Чам-Пас (Бог) и Мастер-Пас (Шайтан), у алтайцев Бог принимает облик двух черных гусей, а на дно моря ныряет гагара. Хорошо известна обработанная для детей Виталием Бианки сибирская легенда о птице-чомге Люле, которая трижды ныряет в глубины океана, чтобы добыть земли: всем она достала, а себя обделила. Сюжет обретения земли птицей нашел отображение в древнем народном искусстве — как русского, так и сопредельных народов.

Космогоническое сказание о появлении земли из моря, откуда ее достают животные, чрезвычайно популярно среди народов мира. Евразийскому варианту, где главным героем выступает птица, противостоит американо-индейский вариант (ирокезское предание), где звери и птицы оказались бессильными, а землю со дна моря добывает жаба-лягушка. Всесилие лягушки наводит, кстати, на мысль о сходстве данного образа с известной русской сказкой о Царевне-лягушке. Но это отдельный разговор...

ГЛАВА 3 ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ ВОЛХВОВ

До наших дней дожило опозитизированное имя языческих славянских жрецов-волхвов. С детских лет в памяти звучат бессмертные пушкинские строки:

*«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен...»*

Волхвами именовались славянские гадатели, прорицатели, пророки и одновременно — служители древних языческих богов. Нередко волхвы возглавляли разрозненные племена и роды, в случае необходимости становились военными предводителями, вершили суд и являлись главными хранителями тайного знания, культовых обрядов, тотемных традиций,

передавая все это из уст в уста, как бесценное достояние, от поколения к поколению.

Волхвы пользовались непререкаемым авторитетом и безграничным доверием народа. Обладая экстрасенсорными и другими магическими способностями, они умели входить в контакт с ноосферой и получать оттуда дозированную информацию, а затем влиять на события или людей в нужном направлении. Для этого волхвы широко использовали различные приемы — например, музыкальную и танцевальную ритмику.

Давно замечено и эффективно используется магическое воздействие слова, музыки и песнопений, концентрируемых под сводами храмов всех без исключения религиозных культов. Здесь действует одновременно и чисто внешняя сторона (например, купол и стены в закрытых помещениях), и целенаправленное воздействие энергоинформационного поля, приводящее к таким психологически нетривиальным следствиям, как молитвенный экстаз, благодать, очищение (катарсис), успокоение и т.п. К аналогичным результатам приводят также ритуальные танцы, групповые радения, оргиастические игрища, карнавальные действия и т.п. Коллективные акции, вне всякого сомнения, усиливает эффективность контактов между выпадающими в экстаз больших или малых групп людей, с одной стороны, и возбуждаемым ими энергоинформационным полем, с другой. В прошлом эта особенность энергоинформационного поля успешно использовалась индоевропейскими жрецами — ведийскими брахманами, иранскими магами, кельтскими друидами, эллинскими служителями оракула, римскими авграми и, конечно же, славянскими волхвами.

Ноосферность особенно проявляется во время ритуальных песнопений. Здесь ноосферная магия достигается в первую очередь путем коллективного слияния с энергоинформационной реальностью. Верующим людям хорошо известно чувство молитвенного подъема и вдохновения, когда на них нисходит благодать. Но есть приемы, позволяющие многократно усиливать достигаемый ноосферный эффект. Историк и этнопсихологу Алексею Андрееву, посвященному в таинства архаичного мировоззрения русских *офеней* (*коробейников*), удалось наблюдать и самому прочувствовать эзотерическую глубину и сакральную мощь ритуальной песенной практики последних хранителей древнейшей традиции. Вполне вероятно, что самобытная культура офеней через скоморохов — их прямых предшественников — уходит своими корнями в глубочайшую древность Руси и еще дальше — в нерасчлененную этнолингвистическую историю первобытных индоевропейцев (о чем свидетельствуют корни многих слов их тайного языка, относящиеся к глубинным мировоззренческим понятиям; само же эзотерическое учение о Мироздании удивительным образом совпадает с некоторыми положениями древнеиндийской философии). Ученый поведал о впечатлениях своей молодости в исключительно интересной и содержательной книге «Очерки русской этнопсихологии» (СПб., 2000)*, насыщенной ранее не известными этнографическими и фольклорными материалами:

* Вторая книга на ту же тему — «Магия и культура в науке управления» (СПб., 2000) — оказалась последней: автор ушел из жизни, не успев осуществить все намеченные планы, сделав однако главное — он ввел в научный оборот огромный массив ранее не доступных фактов, относящихся к самым истокам народной культуры. Алексей Андреев, получил по завещанию от своего деда, происходившего из офенского рода, записи, связанные с тайной практикой, языком и, главное, древним офенским мировоззрением, что, в свою очередь, дало толчок к общению с

«Впервые за шесть лет я услышал, как они поют. Их голоса вдруг начали сливаться, причем, вначале слились каким-то странным образом голоса тети Кати и Похани, хотя я не могу объяснить, что значит для меня "слились". Но другого слова я найти не могу. Тети Шурин же голос, хоть и красивый, несколько дисгармонировал на фоне их совместного звучания. Потом вдруг что-то произошло, и он словно впрыгнул внутрь их совмещенного голоса и слился с ним. Какое-то время их совместное звучание осознавалось мною как слившиеся голоса, но произошел еще один переход, и общее звучание-голос словно отделилось от них и зазвучало само по себе, будто над столом, вокруг которого они сидели, появилось самостоятельно поющее пространство!.. У меня в теле началась мелкая дрожь, словно я трудился до изнеможения на голодный желудок, в глазах начало плыть. Изменились очертания избы, лица у стариков начали меняться, становились то очень молодыми, то жуткими, то просто другими. Я помню, что ко мне из кромешной тьмы пришли несколько раз очень важные для меня воспоминания, но это было почему-то страшно и больно, и я вдруг заметил, что боюсь глядеть на певцов. Я сумел выдержать это состояние только потому, что уже испытывают подобные раньше, при учебе у других стариков. Многие исследователи писали о том, что народная песня магична, но подразумевалось при этом, что она использовалась в магических обрядах. Это верно, но поверхностно. Народная песня — не только сопровождение обряда, она и воздействие. Она одно из магических орудий первобытного человека. <...> Вот так я впервые познакомился с древним русским Духовным пением, которое, если верить рассказам стариков, досталось офеням от скоморохов, а те, возможно, хранили его еще с того времени, когда по всей Руси Великой стояли другие Храмы!.. Около двух лет расспрашивал я потом о технических особенностях этого пения, не надеясь когда-нибудь запеть самому».

Интересно также, что информаторы Алексея Андреева рассказывали, как в молодости они использовали сакральные приемы песнопений во время обычной службы в православном храме (причем иногда по просьбе священника). При этом прихожанам чудилось, как стены в церкви начинали плыть, затем исчезали вовсе, и наступала тьма. Некоторые при этом

последними представителями этого загадочного слоя русского населения. Старики, проживавшие в глухих деревнях Верхневолжья (преимущественно Ивановской области), на протяжении нескольких лет открывали перед профессиональным исследователем Мир Тропы — давнюю философскую традицию и сакральную практику, восходящую, вне всякого сомнения к далекому индоевропейскому прошлому. Автор был допущен к святой святых лишь на том основании, что сам по материнской линии принадлежал к офенскому роду. Собранные и обобщенные им факты уникальны и поразительны. У меня есть своя интерпретация опубликованных материалов, но рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей книги. Скажу только, что укоренившееся мнение об языке офеней как об искусственном профессиональном арго (наподобие воровского жаргона) не имеет ничего общего с действительностью. Вполне возможно, что афинский (офенский) язык и магическая практика офеней (афинян — как их еще называли) восходит не к афинским грекам (такое истолкование предлагали некоторые лингвисты в XIX веке), а культу Афины Паллады, причем в ее первичном варианте — когда будущая покровительница Эллады была еще гиперборейской богиней. В этом случае афиняне могли быть служителями ее культа и хранителями таинств, а офени, дожившие до конца XX века, — наследниками традиции. Кстати, и «тайные тропы» офеней могли вполне совпадать с путями миграций древних индоевропейцев.

падали в обморок. А батюшке испытанные верующими ощущения служили основой для рассказов о Страшном суде.

Во время экстатических актов человек напрямую общается с ноосферой. Оккультные способности ясновидения, прорицания, пророчества и т.п. также объясняются контактами с энергоинформационным полем Вселенной. Сей дар обретают немногие избранные, пережив, как правило, некоторую экстремальную ситуацию. Об этом свидетельствуют, к примеру, многие шаманы. Шаман — всегда личность необычная и незаурядная. Как говорится, каждый желающий им стать не может. Нужен особый дар, он либо дается от рождения, а потом закрепляется и наращивается путем изнурительных тренировок, либо же неожиданно открывается после некоторого потрясения — чаще всего в результате смертельной болезни, когда человек чувствует себя как бы заново родившимся. У кое-кого при этом одновременно зарождается и сверхъестественный дар шаманства. Типичным в данном плане является свидетельство одного якутского шамана: он почувствовал в себе колдовскую силу после удара молнии. Вообще-то в подавляющем числе случаев при прямом попадании молнии человека убивает насмерть. Но якутский шаман, о котором идет речь, не только выжил но и приобрел сверхъестественные способности: например, придя в себя, стал, по его собственному выражению, видеть на расстояние в тридцати верст. (подобное "видение" происходит не по законам линейной оптики, а путем считывания информации с ноосферы).

Аналогичным образом описывают свой дар ясновидения и эскимосские шаманы. Они рассказывают о таинственном свете, который внезапно ощущают в теле, внутри головы, в самой сердцевине мозга какой-то светящийся огонь, дающий способность видеть во тьме, как в прямом смысле, так и в переносном. Ибо, обретя сверхъестественный дар, шаман может даже с закрытыми глазами видеть в потемках, предсказывать события будущего и тайны других людей. Когда эскимосский шаман описывает происходящее далеко от места камлания, он как бы поднимается ввысь и видит далеко перед собой, даже сквозь горы, становящиеся как бы прозрачными. В действительности же ничего необъяснимого в ясновидении нет — конечно, если не пытаться осмыслить его с позиций законов линейной оптики или электродинамики. Просто шаман приобрел способность непосредственно соединяться с ноосферой и через не получать необходимую информацию.

* * *

Существуют различные способы вхождения в ноосферу, контакта с ней или активизации хранящейся в ней информации — от естественных (наиболее простым и типичным является сон) до искусственно стимулированных. Сюда можно отнести архаичные заговоры и заклинания, музыкально-танцевальные ритмы, жертвоприношения, возжигание огня, медитацию, возбуждение алкогольно-наркотическими средствами (в том числе и древними священными напитками — ведийской *сомой*, иранской *хомой*) и др. Зачастую искусственный контакт с ноосферой сопровождался разного рода ритуалами и строго последовательными действиями. Самые надежные пути в ноосферу были проложены в русле различных религий — древних и современных, где, независимо от конфессиональной окраски, существуют веками и тысячелетиями выработанные приемы. В древности подобные навыки

и умения были заурядным и повседневным явлением, которые, впрочем, вырабатывались веками и тысячелетиями.

Не стало исключением и славянское язычество. Суровый волхв — носитель древнего знания, эзотерического мастерства, обладающий даром предвидения и предсказывающий судьбу отдельных индивидов и всего племени, — отнюдь не досужий вымысел беллетристов и поэтов-романтиков. В индоевропейской истории подобных жрецов восходят к ведийским брахманам и персидским магам. Сакральные традиции, возникшие еще в незапамятные времена, оказались на редкость живучими. Отдельные элементы их сохраняются и поныне.

На Руси колдовство в разных своих обликах практиковалось испокон веков, хотя шаманизм в классическом своем виде, по-видимому, изжил себя еще до распада некогда единой индоевропейской этнолингвистической общности. Волхвы же и жрецы обеспечивали идеологическую и управленческую регуляцию вплоть до принятия христианства. Типичным князем-жрецом и одновременно военным вождем в писаной русской истории был Олег Вещий (год рожд. неизвестен — ум. 912). Как установили специалисты-филологи, прозвище Олега — "вещий" — во времена Нестора-летописца отнюдь не означало "мудрый", а относилось исключительно к его склонностью к *волхованию*. Другими словами, князь Олег как верховный правитель и предводитель дружины одновременно выполнял еще и функции жреца, волхва, кудесника, чародея (по существу — шамана). За то, с точки зрения христианского ортодокса, и постигла его Божья кара.

Но шаманским даром волхования на Руси обладала не только жреческая элита, но и самые обыкновенные люди. Колдовство, ворожба, знахарство, заговоры, заклинания, обереги, гадания, любовная магия сопровождали жизнь русских людей во все времена — вплоть до настоящего времени. Биосферный и ноосферный аспект перечисленных сакральных феноменов прекрасно уловил Александр Блок, посвятивший поэзии русских заговоров и заклинаний специальную статью:

«Современное сознание различает понятия: жизнь, знание, религия, тайна поэзия; для предков наших все это — одно, у них нет строгих понятий. Для нас — самая глубокая бездна лежит между человеком и природой; у них согласие с природой исконно и безмолвно; и мысли о неравенстве быть не могло. Человек ощущал природу так, как теперь он ощущает лишь равных себе людей"; он различал в ней добрые и злые влияния, пел, молился и говорил с нею, просил, требовал, укорял, любил и ненавидел ее, величался и унижался перед ней; словом, это было постоянное ощущение любовного единения с ней — без сомнения и без удивления, с простыми и естественными ответами на вопросы, которые природа задавала человеку. Она, так же как он, двигалась, и жила, кормила его как мать-нянька...»

Слияние посредством магических заклинаний с биосферой и ноосферой (у Блока — с «живой природой», задающей вопросы человеку) была повседневной потребностью наших предков и тем более — прапредков. Власть и церковь видели в таком магическом свободолобии угрозу собственному идеологическому диктату. А потому архаичные традиции повсеместно преследовались и безжалостно искоренялись. Люди, прибегавшие к ворожке, знахарству, заклинаниями могли ни за что пострадать жесточайшим образом.

Русская история переполнена трагическими примерами такого рода. Русский врач Н.Я. Новомбергский собрал воедино множество документов на сей счет, относящихся только к одному лишь царствованию Алексея Михайловича и опубликовал их в объемистой книге под названием "Колдовство а Московской Руси XVII-го столетия" (СПб., 1906). Вот лишь один эпизод из этого документального сборника, касавшийся истории самой царской семьи.

Итак, 1639 году согласно царскому указу повелевалось «золотную мастерицу Дашку Ламанову с мужем ее с Степкою Ламановым... сослати в Сибирский город на Пелым; да золотную ж мастерицу Дунку Ярышкину с мужем ее да с сыном да с дочерью сослати в Каргополе; а... колдуней Манку Козлиху да Дунку слепую да Феклицу слепую ж с мужем с Гришкою сапожником разослати в города: Манку Соликамской, а Феклицу с мужем на Вятку, а Дунку в Кайгородок».

Это дело, как и сотни других, возникло по оговору, из-за пустяков, но одно за другим оговаривались все новые лица и втягивались в кровавый следственный механизм. Первоначально оговоренная Дарья Ламанова при первой же попытке «повинилась, в том де она перед государем и государынею царицею виновата, что к бабе к ворожее подругу свою мастерицу Арапку за Москву реку звала, а тое де бабу зовут Настасьицею, живет за Москвою рекою на Всполье; а опознала ее с нею подруга ее золотная ж мастерица Авдотья Ярышкина для того, что она людей приворачивает, а у мужей к иконам сердце и ревность отымает, а наговаривает на соль и на мыло: да тое соль дают мужьям в ястве и питье, а мылом умываютца». Затем Дарья Ламанова показала, что по наущению женки Настьки «сжженные ее Дарьины рубашки пепел... сыпала на след государыни царицы».

После второй пытки женка Настька «сказала, что мастерицам Дарье Ламанове и ее подругам, которых знает, а иных и не знает, зжегши женских рубашек ворота и наговоря соль и мыло давала, а пепел сжженных рубашек воротов велела сыпать в государский след, а сыпать велела не для лихова дела, для того как тот пепел государь или государыня царица перейдут, а чье в те поры будет челобитье, и то де дело и сделается; да от того ж де бывает государская милость и ближние к ним люди добры: а соль и мыло велела она давать мастерицам мужьям своим, чтоб до них были добры». Приворотными словами у этой женки были: «Как люди смотрятца в зеркало, так бы муж смотрел на женку да не насмотрелся: а мыло сколь борзо смоецца, столь бы де скоро муж полюбил; а рубашка какова на теле была, столь бы де муж был светел».

Приведенная в пытке по указанию одной из своих клиенток, женка Настька в свою очередь указала на свою благодетельницу женку Манку Козлиху. После первой пытки Козлиха дала показание, что она «только и знает, что малых детей смывает да жабы, у кого при-лучится во рте, уговаривает, да горшки на брюхо наметывает, а опричь того ничего не знает». После третьей пытки она подтвердила ссылки Настьки и раскрыла все подробности своего ведовского искусства, которому научилась у матери своей, умершей седьмой год тому назад. Как оказалось, соль и мыло она наговаривала: «Как смотрятца в зеркало да не насмотрятца, так бы де муж на жену не насмотрелся»; а соль: «Как де тое соль люди в естве робят, так бы муж: жену любил». При наговоре на мыло она произносила: «Коль скоро мыло с лица смоецца, столь бы скоро муж жену полюбил». Сжигая рубашечные ворота, она приговаривала: «Какова де была рубашка на теле, таков бы муж до жены был». Против жабы заговором

служили слова: «Святой, ангел хранитель, умири и исцели у того именем, у кого прилучитца, болезнь сию». При этом Козлиха не только уверяла, что «лихим словом не наговаривает», но, отдавая дань времени и обычаю, заявила: «Да и не одна де она тем ремеслом промышляет, есть де на Москве и иные бабы, которые подлинно умеют ворожить».

Этими «иными бабами» оказались Ульянка слепая, Дунка слепая да Феклица Степанова. Первая из них подверглась три раза жестокой пытке. Сначала она показала, что, «только и знает, что около малых детей ходить, хто поболит, и она их смывает, и жабы во рте уговаривает да горшки на брюхо намetyвает». При этом она наговаривала и смывала детей наговорною водою, а жабы давила. Муки пытки вырвали у нея указание и на другой промысел, а именно она показала: «У которых людей в торговле товар заляжет и она тем торговым людям наговаривает на мед, а велит им тем медом умыватца, а сама наговаривает: как де пчелы ярые роятца да слетаютца, так бы де к тем торговым людям для их товаров купцы сходились». Она же советовала женщинам есть хлеб с солью и умываться мылом. Над хлебом с солью она нашептывала: «Как де хлеб да соль люди любят, так бы де муж жену любил»; а над мылом: «Сколь де скоро мыло к лицу прильнет, столь де скоро муж жену полюбит». Та же женка Ульянка тем, у кого «случитца сердечная болезнь, или лихорадка, или иная внутренняя болезнь», давала вино, чеснок и уксус с наговором: «утиши сам Христос в человеке болезнь сею, да Увар, Христов мученик, да Иван Креститель, да Михаиле Архангел, да Тихон святыи».

Слепая Дунка под пыткой созналась, что она «малых детей от уроков смывает, да жабы во рте уговаривает, да она ж де на брюха, у кого что пропадет, смотрит; а на кого скажут неверку, и она несмотря на сердце узнает, потому что у него сердце трепещет». Женка Феклица показала, что она «грижи людям уговаривает, а наговаривает на громовую стрелку да на медвежий ноготь, да с тое стрелки и с ногтя дает пить воду, а приговариваючи говорит: «Как де ей старой жонке детей не раживать, так бы де у кого та грыжа и болезни не было» да она ж... на брюхо горшки намetyвает».

Как видно, средства, употреблявшиеся ворожеями, привлеченными ответственности, были самого невинного свойства, тем не менее 1 апреля государь распорядился снова подвергнуть пытке мастерицу Дашку Ламанову и женку Настьку. В указе государь писал, «что после того их воровства, как та мастерица Дашка Ламанова на след государыни царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновны сыпала ведовский рубашечный пепел, учала государыня недомогать и быти печальна, да после того же вскоре государя царевича князя Ивана Михайловича не стало, и после тое ж скорби вскоре государыня царица и великая княгиня Евдокия Лукьяновы родила государя царевича князя Василья Михайловича больна, и после ее государских родин и того государя царевича князя Василия Михайловича не стало вскоре ж, и ныне государыня царица перед прежним скорбна ж и меж их государей в их государском здоровье и в любви стало не по-прежнему... и от того времени и до сих мест меж их государей скорбь и в их государском здоровье помешка».

Сей пространный отрывок красноречиво демонстрирует расстановку идеологических сил на Руси и торжество христианства над остатками языческих верований и ритуалов. Однако, и заплечных дел мастера, и исследователи архаичных феноменов, и сами носители колдовского дара слабо представляли даже в самых общих чертах механизм взаимодействия с неведомыми запредельными силами. Ясно, что не последнюю роль в таком

окультурном симбиозе играют слова или сакральный текст (например, заговора) самого заклинателя. Будучи информационными по своей природе, они не могут не сопрягаться информационной же структурой ноосферы. В особых случаях направленное воздействие — ворожеи ли, колдуна или шамана — приводит и к соответствующему изменению самого энергоинформационного поля.

* * *

Чародеи женского рода — колдуньи, ворожеи, предсказательницы и знахарки — были распространены в славянском мире повсеместно и во все времена. У разных народов однако они назывались по-разному. И относились к ним в ранние времена тоже по-разному. В славянской эзотерической культуре они известны как *ведьмы* (рис. 63). В русле христианских традиций (безотносительно — православных ли, католических или протестантских) понятие сие, как известно, имеет исключительно отрицательный и вредоносный смысл.

Владимир Даль, знаток № 1 русского языка и народных верований, подчеркивает, что само слово «ведьма» распространено в основном в Малороссии, (на Украине), и бессмертные творения Гоголя лучшее тому подтверждение. Среди южнорусского населения она зовется *ведёма*, а дальше попадает под самые различные обозначения — *колдунья, чародейка, ворожея, волшебница, кудесница, бесиха, волховница*. Последнее понятие известно более в своем мужском облике — *волхв*. Это означает, что ведовство, как и шаманство, никогда не являлось прерогативой одной лишь женской части рода людского.

Потому-то в русском языке и фигурируют утратившие свое былое значение слова *ведьмак* и *ведун*, восходящие к самым истокам древнеарийской культуры. Ибо хорошо известно, что слова «ведьма» и «ведьмак» того же общеиндоевропейского корня, что и *Веды*, и первоначально, в далекие языческие времена, обозначало причастность к древнему ведическому знанию и магической практике. Такую позитивную нагрузку понятие «ведовства» (то есть «знания» в сочетании с «прорицательством» и «ворожкой») сохраняло на протяжении тысячелетий, пока на смену древним верованиям не пришла новая религия. Прежние языческие культы и традиции были искоренены, знания и навыки утрачены, а ведьмы и ведьмаки стали безжалостно преследоваться и уничтожаться — сначала единицами, потом десятками и, наконец, сотнями и тысячами. В одной Западной Европе и только по учтенным данным в ходе так называемых «процессов ведьм» в XV—XVII веках на кострах инквизиции были сожжены **сотни тысяч** ни в чем не повинных женщин.

В народе, где, несмотря ни на какие преследования и гонения, до сохранялись остатки древних языческих верований, а подчас и форменное двоеверие, отношение к ведьмам было весьма неоднозначным, в основном боязливое (вплоть до панического страха) и враждебное. По стойкому представлению, ведьма живет среди людей и обычно не отличается от старых или молодых женщин. Однако ночью, распустив волосы и надев белую рубаху, она верхом на помеле или ухвате устремляется через трубу на вольный небесный простор и принимается за свои козни: «портит» парней, девок, коров, вынимает за человеком его след, крадет его тень, выливает на дорогу заговоренную воду, чтобы сбить с пути, подбрасывает вредоносные предметы и т.п. Существуют тысячи свидетельств ведьминых превращений, проказ и разных далеко не безобидных «штучек». Вспомним Пушкина:

*...И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула*

*И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,*

*Разделась до нага; потом
Из склянки три раза хлебнула.
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула...*

Злокозненная ведьма отнюдь не всегда предстает в безобразном облики. Напротив, до поры до времени она предпочитает скрываться под маской привлекательной женщины, а то и соблазнительной красавицы. Другими словами, это все то же оборотничество, и цель подобного маскарада одна — завладеть душой человека, нанести максимальный вред всему живому. По словам Афанасьева, ее дурной, недобрый глаз распространяет свое влияние на все, чего только коснется ведьмин взгляд: посмотрит на дерево — оно тотчас же засыхает; глянет на свинью с поросятами — она наверняка съест собственных детенышей; «полнобуется» на выводок цыплят — и они все до единого передохнут. Одним словом, повсюду, куда ведьма ни глянет, — жди беды, болезни, смерти, катастрофы.

Нетрудно догадаться, что все те, кого принято считать ведьмами и колдунами, — это люди, наделенные даром вхождения в контакт с ноосферой. Но этот божий дар можно использовать не только во благо себе или другим, но и во вред. Вредоносные существа (включая и ведьм разного калибра) пытаются эксплуатировать возможности ноосферы преимущественно во имя зла. Отчасти это у них получается, но не всегда. Ноосфера сама восстает против несправедного использования ее энергетических и информационных ресурсов. В конечном счете демонические силы получают отпор. В результате воистину космической битвы и беспрестанной борьбы Добра со Злом победу одерживает Добро — нередко ценой невозможных жертв. В представлении обычных людей у этой вселенской драмы есть свои действующие лица в виде обобщенных мифологических образов, таких, например, как карело-финская ведьма Лоухи, эллинская Медея, кельтская Моргана (Морриган) — отзвуки последней обнаруживаются и в русской Марье Моревне.

Разыгравшись и раззадорившись, ведьма иногда крадет месяц с неба (на самом деле в этот момент его просто заволакивает тучами), может также украсть дождь, снег, град, росу и т.п. Все эти подробности можно узнать у Владимира Даля. Ведьма находится в постоянной колдовской связи с нечистой силой, для чего по ночам варит заветные травы и снадобья в горшке, держит дома черную кошку и черного петуха, а желая принять какой-нибудь мерзкий облик, кувыркается через 12 ножей. Особенно любит ведьма превращаться в сороку, откуда к этой птице у многих в народе очень настороженное и неоднозначное отношение. Оборачивается также свиньей, кошкой, собакой или

кем-то другим^{*}, проникает в чужие дворы и выдаивают коров. Ведьма понимает язык животных и птиц, умело отыскивает нужные в колдовстве и лечении болезней растения, знает рецепты приготовления магических зелий. Колдовские чары, как правило, используются во вред людям, например, в полях устраиваются прожины и заломы, причиняющие страшные беды хозяевам полей.

Заломы делаются в полях, засеянных рожью, овсом, ячменем. Кто сожнет залом — иссохнет и умрет, кто съест хлеб, в котором будет содержаться мука из зерен колосьев залома, — умрет, пустит солому на подстилку — скот околеет. Заломы делали только ведьмы, мужчины-колдуны (ведьмаки) не могли. Ведьма выходила на залом в одной рубахе без пояса около полуночи, приступая к залому, сбрасывала и рубаху и обнажалась догога. Если кто-нибудь случайно видел ведьму в таком виде, непременно умирал. Избавиться от смерти можно было только убив ведьму. В одной новгородской деревне «ведьму», якобы уливленную в устройстве залома казнилиб: притянули ее руки и ноги к спине так, чтобы было похоже на залом, и задушили. Обнаруженный на Новгородчине залом выглядел следующим образом: хлебные колосья, растущие в круге диаметром 30—35 см, спутаны, стебли надломлены и согнуты к центру круга, в середине которого оставлено множество несломанных колосьев.

Повсеместно было распространено убеждение, что ведьмы — виновницы засух и гибели урожаев, ибо крадут дождевые тучи или отмахивают их своим передником. Ведьма — воплощенный образ греха. Фольклор сохранил даже перечень ее типичных грехов — в плаче кающейся чародейки:

*В полюшках душа много хаживала.
 Не по-праведну землю деливала:
 Я межку через межку переклалывала
 С чужой нивы земли украдывала.
 В соломах я заломы заламывала.
 Со всякого хлеба спор отнимывала, —
 В этих во грехах Богу не каялась.
 Еще душа Богу согрешила:
 Из коровушек молоки я выкликивала,
 Во сырое коренье я выдаивала;
 С малешеньку дитя своего проклинывала,
 Во белых во грудях его я засыпывала,
 Во утробы младенца запорчивала. —
 В этих во грехах Богу не каялась.
 Еще душа Богу согрешила:
 Мужа с женой поразваживала,
 Золотые венцы поразлучивала;
 По улицам душа много хаживала.
 По подоконью душа много слушивала.
 Хоть не слышала, скажу: слышала.*

* Карпатские славяне, к примеру, считают, что ведьма способна превращаться в ночную бабочку, мотылька или птицу (курицу, гуся, индюшку), жабу, волка, а также в искры огня, пламя костра, любые светящиеся тела. В представлении других славянских народов в результате оборотничества ведьма может стать овцой, косулей, лаской, совой, вороной, аистом, уткой, мухой, пауком, колесом, решетом, стогом сена, клубком ниток, палкой, веткой, кустом ежевики или вообще сделаться невидимой.

*Хоть не видела, скажу: видела;
 По свадьбам душа много хаживала,
 Свадьбы зверьями оборачивала;
 По игрищам душа много хаживала,
 Под всякие игры много плясывала, —
 В этих во грехах Богу не каялась.
 Напилася душа зеленого вина,
 От зеленого вина душа пьяна была,
 Померла эта душа без покаянья,
 Без того ли без попа, без духовного
 Провалилася душа в преисподний ад.*

Кульминацией каждодневных демонических козней сонмища ведьм всех возрастов и рангов считалось их ежегодное сборище на *шабаш* (от древнееврейского слова, означающего «субботу»). Самым знаменитым шабашем (рис. 64) считается средневековая немецкая Вальпургиева ночь (с 30 апреля на 1 мая) — благодаря поэтическому воспроизведению ее в 1-й части трагедии Гете «Фауст» и музыкальному эпизоду в одноименной опере Шарля Гуно. По преданию в эту ночь все ведьмы Германии слетались на метлах и вилах на гору Брокен, дабы вместе с другой нечистью справить здесь сатанинский бал.

У славян тоже была своя Вальпургиева ночь и место, куда ведьмы слетались ото всюду на шабаш. В истории Древней Руси — это знаменитая Лысая гора под Киевом (ныне в черте города), «прославленная» Модестом Мусоргским в потрясающей по своей выразительности музыкальной картине «Ночь на Лысой горе». Впрочем, конкретная дата вселенского шабаша у различных славянских этносов отнюдь не совпадала, а собственно Вальпургиеву ночь с 30 апреля на 1 мая признавали преимущественно лужичане, около тысячи лет пребывавшие в германской среде. У восточных славян главным «ведминым днем» считался, пожалуй праздник Ивана Купалы (что прекрасно отражено в известной повести Гоголя). Но и другие праздники ведьмы не обходили стороной. Для западнославянской традиции, кроме Рождества, Пасхи, Иванова (Янова) дня времени активизации ведьм считались дни святых Люции, Петра и Павла, дни Божьего тела, Зеленые Святки и др.

Здесь каждую гостью встречает хозяин предстоящей оргии — сам дьявол в образе козлища (реже — пса). Обязательным ритуальным актом встречи является целование срамных частей его тела и подношение подарков — разных частей умерщвленных младенцев, черные свечи и т.п. Повсюду — сатанинские огни, клубы черного дыма, чад, копоть, смрад. Для каждой ведьмы приглашен кавалер-ухажер — как правило, черт или другой представитель нечистой силы, но это может быть и завлеченный с помощью колдовской силы обыкновенный человек — как это произошло с пушкинским гусаром или гетевским Фаустом. После обильного угощения с непрерывным винопитием начинаются дикие танцы обнаженных партнеров, а затем — и свальная случка. Под утро, насытившись любовью, ведьмы разлетаются по домам.

В славянской народной культуре также известно немало мест, связанных в народном воображении с бесовскими игрищами. Наиболее известна Лысая гора рядом с древним Киевом (сейчас она, понятно, находится в черте города) — симфоническая миниатюра Мусоргского «Ночь на Лысой горе» по сей день возвращает каждого к истокам архаичного мировоззрения.

По существу у каждого российского региона существовала своя «лысая гора», хотя таковым проклятым местом могли выступать и лесные поляны, и перекрестки дорог, и дремучие заросли.

По народным представлениям, перед смертью ведьмы испытывали страшные муки и в конвульсиях и судорогах пытались передать кому-нибудь свои ведовские чары. Горе человеку, который возьмет из рук умирающей ведьмы любую вещь, — вместе с предметом она передаст свой страшный дар. После смерти душа ведьмы отправляется в ад, а ее тело попадает в полное распоряжение нечистой силы, которая как бы входит в оболочку ее трупа. Мертвая ведьма едва ли не опаснее живой: по ночам она насмерть заедает людей или сосет человеческую кровь. Ее любимая кровь — детская, реже — кровь стариков, она высасывает ее из ушей. Худые, изможденные люди часто сами верили, что по ночам их кровь сосут ведьмы: то могла быть, например, кровь старика, которую высасывает увлекавшаяся им в молодости женщина.

Естественно, благим делом считалась борьба с ведьмами — главным образом с помощью символических ритуалов. Так, в селах украинско-белорусской зоны обряд изгнания ведьм совершался во время Купальских игрищ. Изготавлилось специальное чучело условной «ведьмы», его с ликованием выносили за околицу и там уничтожали: бросали в воду, разрывали на части или же сжигали на костре.

В волшебных сказках народов мира (особенно в их современном восприятии детьми да и взрослыми, которые сравнительно недавно тоже были детьми) ведьма нередко смешивается с Бабой Ягой. Резон в этом, безусловно, имеется, но все же обе демонические женщины — далеко не одно и то же. Баба Яга (рис. 65) — мифологический персонаж, доживший до наших дней со времен матриархата, трансформированный до неузнаваемости архаичный образ Великой Богини (рис. 66). Ведьма же — приземленный персонаж «низшей» народной демонологии, приближенный к повседневному житью-бытью и коренящийся в некоторых особенностях общения людей (в данном случае — женщин) с ноосферой.

Русская Баба Яга — несомненный носитель древнейшей матриархальной символики. Ее устрашающие черты и те — результат неизбежной демонизации поверженных былых властительниц после победы патриархального строя. Даже в ее имени, судя по всему, закодирован намек на матриархальное прошлое. Никто не дал вразумительного объяснения, что такое Яга, или в фонетической транскрипции — [Йага]. Наиболее правдоподобными представляются объяснения, связывающие имя хозяйки избушки на курьих ножках со словом «ягать» — «кричать». (В данном смысле имя великого князя литовского Ягайлы (Йагайлы; Ягеллы) — первого короля объединенной польско-литовской Речи Посполитой и родоначальника династии Ягеллонов — означает «горлопан», «ругатель», а в еще более точном смысле — «матершинник»).

Проводились санскритские параллели: слова «йага» и «йога» идентичны по вокализации и, следовательно, Йагу можно интерпретировать, как Йогиню — вещую колдунью и волшебницу. Допустимо также предположить, что русское утвердительное восклицание «ага!» также как-то связано с именем Йаги. Возможно, когда-то оно означало обычное матриархальное приветствие или здравицу в честь Великой Богини Йаги. Наподобие ведийскому восклицанию «Свах!» («Да будет Благо!», «Во здравие!»). Или же вроде самого знаменитого и крепкого русского ругательства, поминающего мать: учеными

давно установлено, что первоначально оно означало всего лишь *приветствие*, фиксирующее принадлежность к данному материнскому роду (такое общепринятое в научных кругах объяснение вошло даже в роман-эпопею Максима Горького «Жизнь Клима Самгина»).

Как и в других персонажах, в образе Бабы Яги прежде всего закодирован скрытый, тайный смысл русской волшебной сказки. Даже развитие сюжета, как правило, напоминает путешествие не только в пространстве, но и во времени, причем в обратном направлении – от патриархата (абстрактный царь и его сыновья) к матриархату. Маршрут героя за тридевять земель в тридесятое царство, кстати, также допустимо трактовать, как путешествие во времени, скажем, как продвижение в глубь тридцати поколений или династий.

Убежище Бабы Яги окружено частоколом, утыканом черепами со светящимися глазницами: о том подробно повествуется в одной из самых архаичных сказок о Василисе Премудрой. Но сказанным вовсе не исчерпываются многогранные функции колоритного фольклорного образа. Из сказок хорошо известно, что Баба Яга не только охотится за маленькими детьми, чтобы их изжарить, съесть и покататься на обглоданных косточках, но и нередко помогает главному герою в благополучном свершении его нелегких подвигов. Читателя или слушателя постоянно преследует мысль, что в разных сказках речь идет о совершенно разных персонажах. Так оно и есть на самом деле! Просто в памяти поколений произошло расщепление образа матриархальной владычицы, которая изначально совмещала в себе черты воительницы, дарительницы и одновременно - похитительницы, душегубки и людоедки.

Вспомним хотя бы Великую арийскую богиню Деви - раздвоившуюся на благостную Уму (рис. 67) и вредоносную Кали (рис. 68), увешанную человеческими черепами. Местопребывание русской Бабы Яги тоже окружено частоколом с такими же человеческими черепами. Одновременно Баба Яга - сподвижница Богини Судьбы: ее основное занятие - прясть кудель и очерчивать будущее тем, кто завоюет ее благосклонность. На Севере про нее говорили так: "...Сидит огромная баба на печке и прядет; голова у нее, как бурак, титьки, как ведра, глаза, как солонки". Образ, безусловно, не слишком привлекательный, но никто ведь и не утверждает, что Великая Богиня была изящной красавицей? К тому же критерии и эталоны красоты в первобытном обществе были совершенно иные, нежели теперь.

Но вернемся к русским делам. Если вещую Бабу Ягу ублажить - хотя бы ласковым словом - она становится доброй, принимает сторону главного героя, охотно ему помогает, предсказывая возможные неприятности и предвосхищая благополучный конец. У нее две сестры - одна мудрее другой. Все вместе они как раз опять-таки и есть три Пряхи, три Богини Судьбы, правда, вернее сказать, с приставкой "экс", то есть бывшие Богини. Один из результатов их "прядильной деятельности" - волшебный клубочек, символ всеобъемлющего и всепреодолевающего знания, который вручается сказочному герою и приводит его к искомой цели, оберегая от неверного шага.

В некоторых преданиях, доживших до наших дней, сохранились намеки, позволяющие представлять Бабу Ягу как воительницу, богатырку и великаншу. В ее арсенале есть даже волшебный Огненный Щит, что палит во все стороны, устрашая врагов. Такой она в общем-то изображалась и на старинных русских лубках (рис.), не испытавших влияния позднейших художественных интерпретаций. В данном плане образ русской демоницы во

многим соответствует калевальской Лоухи, "редкозубой старухи" и одновременно - предводительницы северного воинства. До конца XVIII века иногда даже проводилась параллель между Бабой Ягой и древнеримской Беллоной - Богиней войны (*bellum* - "война") и одновременно властительницей Подземного мира.

Впрочем, уже в Словаре Даля всё расставлено по своим местам. Здесь она именуется "злым духом под личиною безобразной старухи":

«Баба-яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирает, помелом след замечает. Кости у нее местами выходят наружу из-под тела; сосцы висят ниже пояса; она ездит за человеческим мясом, похищает детей, ступа ее железная, везут ее черти; под поездом этим страшная буря, всё стонет, скот ревет, бывает мор и падеж; кто видит Ягу, становится нем».

Очень уж напоминает Богиню смерти и возмездия Кали - не правда ли? Или кровожадную Горную демоницу, ставшую прародительницей тибетского народа? На Русском Севере чрезвычайно распространенным было мнение, что Баба Яга живет не в лесу в избушке на курьих ножках, а глубоко под землей. Чтобы попасть туда, нужно "просесть", и окажешься - сначала в полной тьме, а затем в светлом-пресветлом городище с улицами и домами, наполненными всяким добром, - владении вещей старухи. Такая картина рисуется в сказках, записанных в Архангельской губернии Н.Е.Ончуковым. В белорусских сказках тоже отмечается, что Баба Яга живет на Севере, среди лютых морозов.

Впрочем, народ никогда не жалел красок и для описания подробностей житья-бытья ведьмы-людоедки, как, например, в одной из сказок, записанных в Псковской губернии:

«<...> По улице костры, по кострам - всё кости человеческие лежат, по тыну - всё головы человекьи торчат, на крыльце - потроха человекьи валяются, в сенях - два дощана с кровью стоят, а сама хозяйка в доме лакомится человечиной...»

Жуткие подробности русской сказки мало чем отличаются от реальных событий, неоднократно описанных в разные времена очевидцами подобных сцен.

Итак, русская Баба Яга — всегда ведьма, но не всякая ведьма — Баба Яга. Последняя в народном представлении существует только в образе старухи, хотя, естественно, она тоже была когда-то молодой, и у нее есть дети (по некоторым русским сказкам — сорок дочерей от множества разных безымянных мужей).

Подобная ситуация хорошо известна историкам первобытного общества. Она полностью соответствует беспорядочным и неконтролируемым половым связям (промискуитету), присущим матриархату, когда установление отцовства становится проблематичным, а следовательно - и ненужным. Отсюда неудивительно, что и число дочерей Бабы Яги может превышать цифру 40, как, например, в популярной сказке из афанасьевского Сборника о Заморышке, вылупившегося вместе с братьями из яиц. В поиски невест героини оказываются во владениях Бабы Яги, чьи чертоги мало напоминают беззаконную избушку на курьих ножках:

«Заехали молодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали — сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их Баба Яга: «Ах вы, незванные-непрошеные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?» — «Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напои-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай». Баба Яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать: «Что, добрые молодцы, дела пытаете иль от дела пытаете?» — «Дела пытаем, бабушка!» — «Чего ж вам надобно?» — «Да невест ищем». — «У меня есть дочери», — говорит Баба Яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну девицу. <...> Поутру встала Баба Яга, глянула в окошечко — кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскокала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда молодцам спрятаться? Впереди сине море, позади Баба Яга — и жжет и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у Бабы Яги платочек, махнул тем платочком перед собою — и вдруг перекинулся мост через все сине море; переехали добрые молодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону — мост исчез, Баба Яга воротилась назад, а братья домой поехали».

В эпоху матриархата свободные и беспорядочные сексуальные отношения между полами были господствующими и повседневными (а не только во время празднеств). Постепенно добрачный промискуитет сошел на нет, сохранившись только во время ритуальных действий и празднеств, в том числе и в европейской сексуальной культуре (знаменитые дионисии, сатурналии и вакханалии). Церковь беспощадно преследовала и карала любые рецидивы языческих традиций. Однако земледельческая обрядность – слишком серьезная вещь, чтобы просто так исчезнуть. До недавнего времени хоть редко, но все же фиксировались этнографами обычаи, уходящие в глубь веков и тысячелетий, связанные с сопряжением архаичных верований и земледельческой практики. У славян практиковался выход, бегание и катание обнаженных женщин на вспаханном поле с целью передачи ему женской плодородной энергии. Считалось также полезным для обеспечения гарантированного и обильного урожая соитие мужа и жены прямо на вспаханном поле перед началом сева.

Ученые-этнографы давно уже обобщили и систематизировали соответствующие славянские обычаи, уходящие в глубокую древность. Так, в западной Болгарии рано утром в Иванов день женщина, раздевшись донага, обходила поля, срывала на каждом по несколько колосьев, а затем совокуплялась прямо на земле с мужем или возлюбленным, до поры до времени прятаясь поблизости. В украинском Полесье зафиксирован обряд катания по полю в Юрьев день: мужчины и женщины, парни и девушки, женатые и неженатые, обнявшись, катались по земле, имитируя коитус, чтобы лучше уродилось жито. Аналогичный имитационный обряд совершался и в Македонии. В восточной Моравии на Масленицу исполняли особый танец с вульгарными телодвижениями, призванными повлиять на будущий урожай и приплод в хозяйстве. С той же целью в российской Владимирской губернии практиковалось битье скотины рубахой, в которой накануне хозяйка спала с

мужем. (См.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 526). Похожие обычаи известны практически на всех континентах*.

Подобные обряды восходят к седой древности, когда земледелие только зарождалось и было немислимо без магических действий, а человек не отделял себя от жизнетворящей и плодоносящей природы. В лапидарной форме данная истина высказана в Коране: «Ваши женщины для вас как поля». В одном из самых архаичных и почитаемых ведийских памятников «Законы Ману» (глава 1X) та же мысль раскрыта более обстоятельно:

«33. Женщина считается воплощением поля, мужчина считается воплощением семени; рождение всех одаренных телом существ [происходит] от соединения поля и семени. <...> 37. Эта земля считается вечной утробой живых существ, но семя не сохраняет в развитии никаких качеств утробы».

* Этнографы прошлого достаточно потрудились, чтобы собрать множество убедительных доказательств, которые подтверждают сохранившуюся практически до наших дней связь архаичных сексуальных традиций с земледельческим культом. Данные факты суммированы, к примеру, в классическом 12-томном труде Дж. Дж. Фрэзера "Золотая ветвь" (+ еще один так называемый "Дополнительный том"). Российскому читателю перевод книги доступен как в сокращенном, так и в полном, неадаптированном виде, откуда и заимствованы ниже приводимые отрывки:

"Обряды, с незапамятных времен связывающиеся с обеспечением племени пищей, после того как источником ее стало земледелие вместо охоты, естественно развились в магический церемониал, имеющий целью стимулирование естественного плодородия. Вера в то, что половой акт не только помогает получению обильного урожая, но даже прямо необходим для этого, получила всеобщее распространение на ранних стадиях развития человеческой культуры. <...> Жители Перу соблюдают строжайший пост и полностью воздерживаются от половых сношений перед праздником, которым они отмечают созревание груш (палта). При наступлении праздника нагие мужчины и женщины собираются вместе и бегут наперегонки, после чего мужчины совершают половой акт с теми женщинами, которых им удается догнать. Подобные же ежегодные празднества, во время которых допускается неограниченная свобода половых сношений, происходили в Чили, Никарагуа, а у некоторых мексиканских племен сохранились и до наших дней. Священные празднества Джурупури у уопов и ряда других племен в долине Амазонки представляют собою не что иное, как временное допущение промискуитета, когда старые и молодые мужчины и женщины совокупляются совершенно свободно. У чороти все ритуальные танцы сопровождаются публично и без ограничения совершаемыми половыми актами. Таковы же обычаи бороро. У патагонцев главный религиозный праздник, называемый Камаруко, представляет собой всеобщую оргию. У племен, населяющих прерии Северной Америки и низовья Миссисипи, празднества в честь урожая связаны с допущением промискуитета, причем старые мужчины и женщины увещивают молодежь, чтобы она предавалась половым сношениям безо всякого разбора. <...> На некоторых островах, которые расположены между западной частью Новой Гвинеи и северной частью Австралии, языческое население рассматривает Солнце как мужское начало, оплодотворяющее землю, являющуюся женским началом... Каждый год в начале периода дождей господин Солнце нисходит в священное фиговое дерево, чтобы оплодотворить землю... По случаю этого праздника приносят в жертву множество свиней и собак. Мужчины и женщины предаются сатурналиям, среди огромной толпы под пляски и пение публично инсценируется мистическое соединение Солнца и земли путем реального совокупления мужчин и женщин под деревом. <...> У даяков на Северном Борнео во время празднества, именуемого бунут, предназначенного для обеспечения плодородия почвы и получения обильного урожая риса, в течение четверти часа допускается неограниченная свобода половых сношений, после чего воспеваются совершеннейшие приличия и порядок... У джакунов в Малайе в период сбора урожая риса мужья обмениваются женами. <...> В Британской Новой Гвинее, <...> чтобы оплодотворить пальмы саго, люди вступают в беспорядочные половые сношения, чтобы получить животворную жидкость, которой натирают стволы саговых пальм". <...>

И так далее. Причем безотносительно - идет ли речь о южных этносах или же о северных.

Но аналогичные представления и были распространены повсюду, и архаичные черты былых верований и традиций по сей день обнаруживаются практически у всех народов земли, включая славянский мир.

ГЛАВА 4 ВЕХИ САКРАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

История славян начиналась с представления об их единстве и целостности. Именно в таком облики предстают они впервые в "Повести временных лет" — единственного из сохранившихся и общепризнанных письменных памятников начального русского летописания, созданного черноризцем Киево-Печерского монастыря Нестору (1056—1114) (рис. 69): «Спустя много времени сели славяне на Дунае, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от тех мест, на которых сели». Однако о конкретном времени — когда же именно сие произошло — и древним хронистам и современным историкам мало что известно. Позади первых упоминаний о славянах зияет непреодолимая временная пропасть. Такое впечатление: будто бы до первых веков новой эры славян как таковых на исторической арене не было вовсе. Собственно, большинство историков — западных и, к сожалению, российских — так и считает.

Действительно похоже: было в славянской предыстории нечто такое, что заставило наших прапредков бросить насиженные места, долго скитаться по миру, пока, наконец, не занесло их на Дунай, где пришлось, как говорится, начинать жизнь сначала. При этом сведения о былой жизни, то есть о собственной предыстории, были утрачены. Так уже случалось со многими народами — и с египтянами, и с эллинами, и с этрусками да и мало ли с кем еще. В условиях отсутствия письменности существуют сложившиеся методики сохранения и передачи от поколения к поколению устного знания. Имелись и профессиональные хранители родового знания — как правило, таковыми выступали либо жрецы, либо сказители и поэты. Впрочем, при расцвете устного творчества, песенного, обрядового и танцевального искусства весь народ становился коллективным поэтом.

Если каста профессиональных хранителей родового знания исчезает (например, при появлении и внедрении новой религии языческое жречество либо истреблялось, либо лишалось возможности влиять на паству), обрывается и нить связывающее настоящее с прошлым, память о котором быстро стирается. Это прекрасно видно даже на примере отдельных семей. Устные рассказы о том, как жили родители обычно хорошо запоминаются детьми, но уже частично и выборочно помнятся внуками. Если не ведется никаких семейных летописей, правнуки уже, как правило, мало что знают о жизни прадедов и, главное (за малым исключением), мало этим интересуются.

По рассказам отца я могу рассказать своим детям и внукам о его активном участии в Великой Отечественной войне (к тому же отец успел написать и издать мемуары). Зато я сам уже ничего не знаю (и теперь никогда не узнаю) о жизни моих прадедов в прошлые времена (они были неграмотными крестьянами и мемуаров не оставили). Я могу лишь предположить на основе знания письменных источников об их возможном участии в наиболее заметных событиях реальной истории, привязать их, так сказать, к канве русской и мировой истории. Точно так же и первые славянские историки — хронисты и

летописцы — не владели утраченными знаниями о событиях, предшествовавшими появлению славян на Дунае и в Подунавье

Относительно мест, на которые славяне «сели» в соответствии с Несторовой летописью, среди современных историков особых разногласий нет. А вот относительно мест и времени, *откуда* славяне явились в места своего нынешнего проживания, ясности нет ни у Нестора-летописца, ни у всех последующих летописателей и исследователей. Впрочем, различного рода гипотез во все времена существовало — хоть отбавляй. Помимо уже названной «классической» балканско-дунайской версии происхождения славян, известны также концепции — балканско-иллирийская, паннонская, скифская, сарматская, вандальская, гуннская, кавказско-колхидская, черноморская, скандинавская, ну, и, разумеется, — гиперборейская.

Перечисленные подходы и точки зрения обычно преподносятся, как конкурирующие и даже взаимоисключающие. В этом — трагическая ошибка историков и археологов, большинство из которых больны главной и плохо поддающейся лечению профессиональной болезнью научного сообщества: абсолютизировать и выдавать за истину в последней инстанции исключительно свое видение и понимание проблемы. Так было всегда, наше время — не исключение. На самом же деле выявленные археологами и интерпретированные историками очаги славянской культуры в плане этногенеза **не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга**. Их следует рассматривать как перевалочные пункты на зигзагообразном пути долгих скитаний прапредков славян по просторам Евразии, прежде чем они окончательно не обосновались в тех местах, где их застали последние века и тысячелетия. Достаточно соединить известные «точки» пунктирной линией, и получится схема таких миграций. Сказанное, естественно, относится и к другим праэтносам.

Несмотря на явную разногласию относительно происхождения славян, историки-гуманисты — и русские, и украинцы, и белорусы, и сербы, и хорваты, и чехи, и словаки, и поляки и представители других славянских народов — всегда исходили из былого славянского единства. В «Великопольской хронике» читаем:

«У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существует, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне. Они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др. Утверждают, что от этого же Слава произошел Нимрод [Библейский великан-богатырь, инициатор строительства Вавилонской башни. – В.Д.]. Нимрод по-славянски означает «Немежа», что и понимается по-славянски как «не мир» или «не измеряющий мира», от которого началось среди людей рабство, в то время как прежде у всех была незыблемая свобода. Сперва он безрассудно пытался подчинить своей власти своих братьев; дерзость его безрассудства навлекла закон рабства не только на его братьев из рода славян, но также и на весь мир».

Осознанию общих корней славянства, пониманию, что все славянские народы — лишь ветви единого дерева, а также вере в великое будущее славянского мира во многом способствовала легенда о правах,

дарованных нашим пращурам самим Александром Македонским. В средние века в Европе, Византии и на Руси чрезвычайно популярным и распространенным было предание о том, что после завоевания Индии Александр Македонский повернул на Север и достиг Ледовитого океана. Здесь он не только запер в горах дикие народы Гоги и Магоги (в фольклорных сказаниях, в отличие от Библии, используется множественное число), но и в поисках эликсира бессмертия («живой воды» русских сказок) добрался до расположенных далеко на севере Островов Блаженных, то есть Гипербореи.

Уходя с берегов Ледовитого океана, Александр Македонский успел сочинить и даровал всему роду славян жалованную грамоту о незабываемых привилегиях на веки вечные. Грамота сия переписывалась и публиковалась бесчисленное количество раз в русских хронографах и летописцах, где по-разному поминается и Ледовитый океан: и "полуночное оиянское Ледовитое море", и "море полночное великое Окиан Ледовитый", и т.п. Ниже дается - в силу большей компактности и внятности - перевод, заимствованный из прижизненного издания "Хроники всего мира" (1551) Марцина Бельского, свидетельствующий, между прочим, что легендарная грамота в те времена воспринималась почти всеми славянскими историками как достоверный документ):

"Мы, Александр, сын верховного Бога Юпитера на небе и Филиппа, короля Македонского на земле, Повелитель мира от восхода до захода Солнца и от полудня до полночи, покоритель Мидийского и Персидского королевства, Греческих, Сирийских и Вавилонских и т.д. Просвещенному роду славянскому и его языку милость, мир, уважение и приветствие от нас и от наших преемников в управлении миром после нас. Так как вы всегда были с нами, в верности искренни, в бою надежны и храбры и всегда безустанны были, мы жалуем и свободно даем вам навечно все земли от полуночного моря великого Ледовитого океана до Итальянского скалистого южного моря, дабы в этих землях никто не смел поселяться или обосновываться, но только род ваш, и если бы кто-нибудь из посторонних был здесь обнаружен, то станет вашим крепостным или прислужником со своим потомством навеки. <...>

Понятно, что легендарное предание о грамоте Александра Македонского позволяла значительно снизить хронологическую планку славянской истории и предыстории. Создавалось впечатление, что славяне существовали всегда и уже в эллинистический период они играли заметную роль на исторической арене и уже тогда среди других народов они были равными среди равных. В определенной мере это противоречило Несторовой летописи, точнее — ее догматизированной интерпретации, в соответствии с которой фиксированная хронология славянства начиналась где-то в момента появления болгар на Балканах (то есть с середины VII века), а история русского народа загонялась в прокрустово ложе «норманской теории» с ее нелепой начальной точкой отсчета где-то в середине IX века.

Нестор не располагал документами ранее «Договора Олега с греками». В осмыслении предыстории Руси он доверял устным преданиям. Но и здесь информация, доступная первому нашему летописцу, не позволяла заглянуть в глубь прошлого дальше того времени, когда славяне «сели» на Дунае. Отсюда вовсе не вытекает, что Нестор ограничивал славянскую и русскую историю выше обозначенными хронологическими рамками. Напротив,

сама «Повесть временных лет» содержит совершенно недвусмысленное указание на тот несомненный факт, что жизнь на территории будущей России процветала по крайней мере и в начале 1-го тысячелетия новой эры, а не только в конце его. Речь идет о знаменитом «хождении» по Русской земле апостола Андрея Первозванного (рис. 70):

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и направился в устье Днепровское и оттуда пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и остановился под горами на берегу. И утром поднялся и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей». И поднялся на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев и пошел по Днепру вверх. И прибыл к словенам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну Варягов, и пришел в Рим, и доложил о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Словенской земле на пути своем. Видел бани деревянные, и разожгут их сильно, и разденутся догола, и обольются квасом козевенным, и возьмут молодые прутья, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что вылезут еле живые, и обольются водою студеною, и так оживут. И делают это постоянно, никем не мучимые, сами себя мучат, совершая таким образом омовение себе, а не мученье». Слушавшие это — удивлялись. Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп».

(Перевод А.Г. Кузьмина)

Эта легенда, которую вслед за Нестором, приводят практически все русские летописи, считается соответствующей реальным событиям и фактам только в рамках истории церкви. Что касается светских историков-«профессионалов», то они в один голос признают ее недостоверной, выдуманной и искусственно вставленной из-за конъюнктурных соображений. Такая точка зрения доминировала и считалась недискуссионной на протяжении всего времени, когда новозаветные легенды (как, впрочем, и ветхозаветные) считались мифологией чистой воды. Лично я так не считаю и никогда не считал. Все апостолы — такие же исторические личности, как и их Учитель. А потому и путешествие Андрея Первозванного по территории южной и северной Руси — вплоть до острова Валаама, древнего русского святилища — считаю в высшей степени вероятным.

В данном же случае речь идет о другом, а именно о том, что Нестор прекрасно знал: во времена пришествия апостола Андрея жизнь на Руси кипела в полную силу. Всюду, где прошел по Русской земле Андрей Первозванный, он видел не живущих по-скотски, «звериньским образом» людей, как это рисовалось позднейшим христианским хронографистам и историкам шлёцерско-карамзинской ориентации, а процветающие славяно-русские общины, занятые насыщенным и продуктивным трудом — строительством, хлебопашеством, охотой рыбной ловлей, обучением ратному делу и т.д. Повсюду высились укрепленные города и крепости, окруженные мощными бревенчатыми стенами. И если не было еще Киева (что тоже еще вопрос!), то на берегу Волхова жизнь была ключом. Можно предположить, что слова летописца о месте, где «идеже ныне Новъгородъ», относятся к первой

русской столице — Словенску, куда, собственно, и направлялся любимый ученик Иисуса Христа. Грубо говоря, с этих позиций совершенно не важно, кто именно путешествовал в ту пору по древней Руси. Важно другое: в летописи сохранились достоверные сведения о жизни наших пращуров в те далекие времена.

В устных преданиях Валаамского монастыря сохранились дополнительные подробности о пребывании апостола Андрея на Ладоге. Валаамская обитель подвергалась неоднократно погрому и разграблению главным образом со стороны шведов, вплоть до Ништадтского мирного договора 1721 года претендовавших на Приладожье. Огню предавались хранилища и архивы. Особенно опустошительным оказался один из последних литовских набегов (еще одни претенденты на Святой остров): переправившись на остров по зимнему льду Ладожского озера, литовцы не только истребили поголовно захваченных в плен монахов, но и сожгли дотла бесценные книги и рукописи. Устное же слово в огне не горит и в воде не тонет. Священные предания Валаама не истребимы так же, как и дух этого сакрального острова. В начале XIX века удалось реконструировать и записать древние предания, согласно которым апостол Андрей Первозванный «прошед Голяд, Косог, Роден, Скеф, Скиф и Словен смежных, лугами [степью] достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Словянска Великого и, Ладогу оставя, в лодью сев, в бурное вращающееся (?) озеро на Валаам пошел, крестя повсюду и поставлял по всем местам кресты каменные...» Ныне близ Никоновой бухты, где некогда апостол Андрей причалил к острову, построен Воскресенский скит. Монастырская братия свято чтит память о пребывании здесь почти две тысячи лет тому назад первого ученика Иисуса.

Апостол Андрей — вообще личность очень загадочная. С одной стороны, он — любимый ученик Христа, ярый приверженец нового учения, первый откликнувшийся на призыв Учителя следовать за ним и первым объявивший его мессией (*Иоан. 1, 41*), почему и получил прозвище Первозванного. С другой стороны, о нем мало что известно. Евангелия немногословны насчет апостола № 1. Он — родной брат Петра, о котором Евангелия, последующие книги Нового завета и церковная история сообщают куда больше. Андрей был рыбак, вместе с братом ловил рыбу на Галилейском озере, затем ушел к Иоанну Крестителю и некоторое время был его учеником, пока не был призван на Иордан Иисусом. Дальше, после смерти и воскресения Христа, он появляется уже путешествующим и проповедующим на Руси, по возвращении откуда в греческом городе Патры был распят на кресте по приказу римского проконсула. Две всегда симпатизировавшие друг другу страны считают Андрея Первозванного своим небесным покровителем — Россия и Шотландия. В память о мученической смерти апостола здесь особо почитается крест Андреевский крест*.

* В действительности крест Андреевский является одним из древнейших сакральных символов, изображения которого можно встретить даже в пещерах первобытных людей. А Платон писал в "Тимее", что Творец (Демиург) соединяет и разъединяет части Мировой души с помощью двух пересеченных наискось линий (то есть креста). Среди различных интерпретаций архаичной символики креста: единство Верхнего и Нижнего миров; пирамида в ее проекции сверху, которая, в свою очередь, является символом Вселенской горы Меру и др. Несомненно одно: Андреевский крест был широко распространен и имел глубочайший эзотерический смысл задолго до рождения апостола Андрея, его миссионерской деятельности и мученической смерти. На Кольском полуострове, где вот уже пять лет работает научно-поисковая экспедиция "Гиперборея", повсюду встречаются косые кресты искусственного и

Русские летописи лишь добавили загадок к биографии апостола Андрея — и не только подробным рассказом об его путешествии по Приднепровью, Новгородчине и Приладожью. Развильовская летопись подкрепляет это сообщение любопытнейшей иллюстрацией, где изображено водружение креста на берегу Днепра (рис. 72). Но что особенно интересно — в правом верхнем углу миниатюры нарисован *летательный аппарат*, похожий на современный космический корабль (такими были первые автоматические спутники, а в последствии — и спускаемые аппараты). Что же это такое на самом деле? На комету или звезду совсем не похоже, к тому же существовали незабываемые каноны их изображения. Сходные изображения «летательных аппаратов», то есть практически той же конфигурации да еще с человекоподобными существами внутри, изображены на фресках Дечанского православного монастыря в Косово (Югославия). Что это за традиция? Откуда черпали идентичные образы художники разных времен и стран? Что послужило для них моделью? Современные историки и искусствоведы бессильны ответить на поставленные вопросы.

Небесные объекты, напоминающие искусственные спутники, на древнерусских миниатюрах встречаются, как правило, когда речь идет о чудесных явлениях и знамениях. Например, точно такой же «спутник» изображен в иллюстрированной древнерусской рукописной книге «Слово похвальное на зачатие святого Иоанна Предтечи», где рассказывается о спустившемся с небес ангела и возвещении им чуда: неплодная жена священнослужителя Захарии Елисавета по благословению Господа должна зачать и родить будущего пророка — Иоанна Крестителя. Естественно, перед глазами русских художников были какие-то образцы и шаблоны, но что именно они изображали в глубокой древности — теперь можно только догадываться. Еще более поразительный «неопознанный летательный объект» представлен на одной из икон XVI века на тему Апокалипсиса из собрания Государственной Третьяковской галереи: здесь изображена типичная двуступенчатая ракета с отделяемым модулем и тремя соплами, из которых вырываются языки пламени. Впрочем, о космических реминисценциях в книгах Ветхого и Нового завета существует необъятная литература; в некотором роде обобщенный материал можно найти в книге Алана Ф. Элфорда «Боги нового тысячелетия» (М., 1998), а также в книгах из серии «Хроники Земли, принадлежащих перу американского исследователя Захарии Ситчина, три из которых переведены на русский язык: «12-я планета» (М., 1998), «Лестница в небеса» (М., 1998), «Войны богов и людей» (М., 2000).

* * *

Итак, сохранившиеся до наших дней «канонические» летописи и хроники начинают реальную историю славян с того времени, когда они появились в Карпатах и на Дунае. Под эти территории старательно подгоняются и все обнаруженные к настоящему времени археологические памятники. И уже на данной основе стараются всеми правдами и неправдами утвердить «карпатскую теорию» этногенеза славян, дискредитируя одновременно любые конкурирующие концепции и гипотезы. Не отстают от историков и

естественного происхождения. Хорошо известны и многократно описаны архаичные косые кресты на месте древнейшего славянского языческого святилища - по дороге на гору Собутка в современной Польше близ Вроцлова (рис. 71).

беллетристы. Вот, к примеру, как рисовались первые века славянства известному чешскому писателю Владиславу Ванчуре (1891—1942):

«Между бассейном реки по названию Висла и той рекою, чье имя — Днепр, лежит древняя родина славян. На севере спускается она к низменному берегу Балтийского моря, с полуденной стороны ограничил ее горный массив, получивший название Карпаты. Край пологих холмов, край стоячих вод, край озер, прудов и трясин, край, где трижды в год разливаются полые воды, край медленно струящихся рек, что обтекают островки и ветвятся бесчисленными протоками, изобильными рыбой. В том краю лесные чащобы во многих местах уступили водам, и болота пролегли между едва поднявшимися над ними возвышенностями., между лесами и рощами. Разнородная живность кишела в глубинах и на мелководье: лосось проплывал по стрежню, аист стоял на болоте, стаи птиц кружили над тростниками.

В лесах росли хвойные деревья: сосна, ель, кедр, густой еловый подлесок. Из лиственных деревьев встречались березы, буки, клены, бересты, вязы, грабы, ольхи, тополи, осины, ясени и липы. Ствол жался к стволу. Тела вывороченных деревьев повисали на ветвях соседей, и новые стволы поднимались из трухлявых груд. На более открытых местах зыблились в травах колоски проса, ржи, овса, тиеницы, кустики лебеды и медунки.

Рыскал в чащобе зверь, и многослойные тени укрывали птиц. Сокол, ястреб, лунь кричали в ветвях. Стада буйволов паслись на прогалинах, и с ними—олень, серна, лось. Медведь бортничал в дуплах, рысь скакала по деревьям, выдра и бобер жили у рек, кабан продирался топью, крался волк в тени зарослей, где обитали звери помельче.

И сколь страна славян была дикой и могучей, столь диким и могучим был сам народ. Сила его переливалась через край, и множился он, возрастал и, в восхищении обильным током жизни, чтил плодородие, плодоносные дожди, землю, ветер и солнце».

Однако, как уже говорилось выше, дунайско-карпатская деятельности славян, известная из сохранившихся летописей и хроник, — всего лишь промежуточное (причем довольно-таки позднее) звено их реального существования на исторической арене. Задолго перед тем, как осесть на Дунае и в Карпатах, а затем расширить ареал своего обитания на запад и восток, славяне имели за плечами многотысячелетнюю историю: сначала в составе нерасчлененной индоевропейской этнолингвистической общности, затем — в составе крупных культурно-языковых объединений (например, кельто-германославянской этнической общности) и, наконец, как единый славянский пранарод, говоривший на общем для всех славян праязыке. А до того, как мы помним, была еще и яфетическая этнолингвистическая общность, объединявшая прапредков такие современные языковые семьи (и их носителей), как тюркская, финно-угорская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, самодийские и некоторые кавказские языки. Но и здесь еще не достигается историческое дно, ибо начальной точкой отсчета служит эпоха полной языковой общности безотносительно к тому, какой степени развитости был в то время единый и неделимый праязык и что представлял из себя антропологически, генетически и культурно-исторически гипотетический пранарод.

В том, что Карпаты во все времена притягивали к себе людей, нет ничего удивительного. Любые горы — и одиночные, и объединенные в системы — являются естественными аккумуляторами и проводниками космопланетарной и геофизической энергии, которая, в свою очередь, положительное биогенное (а иногда и отрицательное — геопатогенное) воздействие на человека.

В учебниках, справочниках и энциклопедиях история земли и населяющих ее людей изложена хронологически четко и безукоризненно — как расписание поездов: сорок тысяч лет тому назад появился на планете человек современного типа. До того нестерпимо долго тянулся скучный палеолит (древнекаменный век), а вслед за ним, как и полагается, последовали мезолит, неолит с его неолитической революцией и первым демографическим взрывом, далее — энеолит, бронзовый и железный века, античность, средневековье, промышленная и научно-техническая революции, наконец, современная ракетно-атомная цивилизация. Такова немудреная схема основных этапов развития человеческого общества от троглодита, вооруженного каменным топором, до нынешних сынов и дочерей компьютерного века.

Однако в действительности всё оказывается не столь гладко — особенно что касается древнейшей истории и предьистории. В 1982 году в Сибири археологом Юрием Алексеевичем Мочановым была открыта стоянка Дири́нг-Юря́х — на правом берегу Лены (на высоте 105-120 м) — по течению вверх в 140 километрах от Якутска! По мнению первооткрывателя, Дири́нгская стоянка древнее любой другой подобной во всем мире, в том числе на несколько сот тысяч лет моложе любой африканской стоянки. На сей день господствующей является точка зрения, согласно которой человечество возникло в Африке и лишь потом расселилось по другим континентам. В районе же сибирского Дири́нга, по подсчетам Ю.А. Мочанова, люди преспокойно обитали и процветали не менее *двух с половиной миллиона лет* тому назад (точная датировка колеблется от 3,2 до 1,8 млн лет до н.э.). Естественно, такая хронология логически приводит к выводу о внетропическом происхождении человека и становится дополнительным аргументом в пользу концепции о полярной прародине человечества.

О том я неоднократно писал в предыдущих работах. Сейчас же попытаюсь ответить на совершенно другой вопрос: *почему* эпохальное событие в истории Земли — возникновение рода людского — произошло не в ласкающих негой и изобилием тропиках, а в суровых условиях Сибири? Впрочем, в те невообразимо далекие времена вряд ли климат был столь же суровым, как сейчас. Тем не менее сакраментальный вопрос остается: *почему?* Мочанов сразу же почувствовал и правильно уловил, что здесь явно что-то не так. Здесь налицо какая-то аномалия, какой-то непонятный пока скачок, выходящий за рамки общей линии биологической эволюции и антропогенеза. Ученый даже нащупал направление, двигаясь по которому, можно было бы легко ответить на поставленный вопрос. Но не ответил. Свою выдающуюся монографию «Древнейший палеолит Дири́нга и проблема внетропической прародины человечества», изданную в Новосибирске в 1992 году, сибирский археолог заканчивает так:

«Разум появляется на планете Земля, после почти четырехмиллиардной эволюции органического мира, внезапно и, как

свидетельствуют древнейшие орудия человека в Африке и Северной Азии в развитом виде» [Подчеркнуто мной. – В.Д.]

Развернуть заявленный тезис и объяснить причины данного сверхэпохального феномена Ю.А. Мочанов пообещал в следующей книге, специально посвященной **происхождению разума**, которая, к сожалению, до середины 2001 года (когда я пишу эти строки) еще не вышла. Тем не менее ответ напрашивается сам собой. И находится он в плоскости идей русского космизма, конкретизированных применительно к историческому процессу во всех его многогранных аспектах в концепции *пассионарности*.

Согласно теории *биосферы* и *ноосферы** Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945), все живое вещество планеты служит источником свободной энергии и оказывает непосредственное воздействие на социальные процессы. Последователь Вернадского Лев Николаевич Гумилев (1912—1992) доказал, что под влиянием природных законов этносы как устойчивые формы объединения людей (по существу — природные коллективы, приспособившиеся к конкретным ландшафтам) проходят в своем развитии несколько обязательных стадий: от рождения — через расцвет — к угасанию. Источником данного естественно-исторического процесса как раз и является энергия живого вещества Земли, которая по космически запрограммированным каналам воздействует на этносы, а через них — и на отдельных людей.

В многочисленных работах Гумилева лишь намечены основные направления в познании взаимосвязи биокосмических и социальных закономерностей. Конкретный механизм их взаимодействия, позволяющий прогнозировать близкие и отдаленные результаты, остался во многом невыясненным, что, в свою очередь, обусловлено рядом нераскрытых и ждущих специального изучения процессами образования и функционирования биосферы и ноосферы. Сказанное относится к любой территории планеты Земля и проживающих здесь этносов, взятых в том числе и в разрезе их истории и предыстории.

Колебания биохимической энергии под воздействием, главным образом, космических факторов непосредственно влияют на поведение индивидов в рамках конкретных этнических систем. Отдельные личности способны получить избыточный энергетический импульс, в результате чего становятся активным организующим началом больших и малых этнических групп. Такой избыток биохимической энергии живого вещества, позволяющий преодолеть инстинкт самосохранения и приводящий к физиологическому, психическому и социальному сверхнапряжению, Гумилев и предложил назвать *пассионарностью* (от латинского слова *passio* — «страсть»), а людей, наделенных соответствующим энергетическим зарядом и обладающих повышенной тягой к действию, — *пассионариям*,. которые, когда в их поле притяжения оказываются массы людей, становятся главными двигателями

* Понятие *биосферы* (от греч. *bios* — «жизнь» + «сфера») первым употребил австрийский геолог Эдуард Зюсс (1831—1914), а научный неологизм *ноосфера* (от греч. *noos* — «ум», «разум» + «сфера») впервые прозвучал во Франции благодаря философам Эдуарду Леруа (1870—1954) и Тейяру де Шардену (1881—1955). Именно с ними активно общался В.И. Вернадский во время научной командировки в Париж в 1922—1925 гг. Сходные идеи формулировал также Павел Александрович Флоренский (1882—1937) (рис. 7) в концепции *пневмосферы* (от греч. *pneuma* — первоначально «дыхание», позднее «дух»), где упор делался не столько на разум, сколько на душу.

истории:

«...Что же происходит в случае, если пассионарное напряжение выше инстинктивного? Тогда появляются конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи или, наконец, инициативные фигуры вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, таких людей немного, но их энергия позволяет им развивать и стимулировать активную деятельность, фиксируемую везде, где есть история. Сравнительное изучение напряженности и массовости событий дает определение величины пассионарного напряжения в первом приближении».

Концепцию Гумилева убедительно подтверждает жизнь и деятельность многих выдающихся исторических личностей — Александра Македонского, Ганнибала, Чингисхана, Жанны д'Арк, Яна Гуса, протопопа Аввакума, Суворова и др. Точно такой же пассионарностью обладали в свое время русские первооткрыватели-землепроходцы, начиная с Ермака, Семена Дежнева и Ерофея Хабарова и кончая арктическими и тихоокеанскими мореплавателями — всеми, кому Россия была обязана присоединением сначала Сибири, а затем Русски Америки (первой — навсегда, второй — временно). Пассионарная энергетика русских первооткрывателей первопроходцев не в последнюю очередь обуславливалась биосферными и ноосферными особенностями осваиваемых ими краев. Мореплаватели — искатели не одних только новых земель, но и приключений — в большинстве своем подлинны носители пассионарного заряда. Они не могут обрести покой, пока не достигнут цели, не растратят пассионарную энергию или не погибнут. Колоритные художественные образы таких непреклонных пассионариев воссозданы в известных романах Германа Мелвилла и Жюль Верна: капитан Ахав, гонящийся по океанским просторам за белым кошалотом Моби Диком и капитан Гаттерас, одержимый идеей достижения Северного полюса — оба гибнут, достигнув главной цели своей жизни.

Механизм связи между пассионарностью, подпитываемой биохимической энергией живого вещества биосферы, и поведением пассионариев достаточно прост. Обычно у людей, как у животных организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше необходимого, то человек создает вокруг себя отношения и связи, позволяющие применять энергию в любом из выбранных направлений. Это может быть и создание новой религиозной системы или ереси, и разработка научной теории или изобретения, и строительство храма, и реформирование консервативной системы. При этом пассионарии выступают не только как исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новый этнос, видимый для истории. Пассионарность может проявляться и с положительным, и с отрицательным знаком, порождая как подвиги, созидание, благо, так и преступления, разрушение, зло. Данные феномены имеют естественные биохимические и биофизические причины и в конечном счете коренятся в космических закономерностях.

Нетрудно догадаться, что проблема антропогенной «вспышки» в Сибири, которая занимает Ю.А. Мочанова, имеет пассионарную природу, а ее причины кроются в геофизических и континентальных (географических) особенностях самой территории, где зафиксирована та или иная биосоциальная мутация. Одной из вероятных причин, обусловивших антропогенное «чудо» именно в Восточно-Сибирском регионе, может выступать байкальская рифтовая зона, то есть область **повышенной радиоактивности**, которая, как установили ученые, является одной из самых мощных аномалий, оказывающих **постоянное влияние на распределение магнитного поля Земли**. От себя добавлю: выявленная геофизическая связка «радиоактивная аномалия — изменяющееся магнитное поле земли» является самодостаточной причиной для непрерывного влияния как на процесс биологической эволюции в целом, так и на пассионарные мутации, касающиеся и конкретных этносов, и конкретных личностей.

Однако само магнитное поле Земли находится в постоянном изменении, на отдельных участках и в отдельные (достаточно большие) промежутки времени его напряженность может расти или, наоборот, ослабевать. В свою очередь, данные скачки могут сопрягаться с различными стадиями естественных галактических циклов, связанных с закономерностями движения Солнечной системы внутри нашей Галактики. Самый короткий галактический цикл продолжается 26 тысяч лет, а полуцикл — 130 веков. При этом геофизические изменения приводят к глобальным периодическим изменениям климата на планете, теплые и холодные зоны по существу меняются местами. Ученые рассчитали, что еще 13 тысяч лет назад на территории Сибири существовала теплая зона, благоприятная для процветания сложившихся здесь уникальных культур.

Затем разом всё изменилось, на Землю обрушились тяжелейшие испытания, обусловленные естественными причинами. Собственно, имеется несколько научных версий, объясняющих механизм глобальных катаклизмов. Ломоносов говорил о смещении наклона земной оси, Эйнштейн писал катастрофическом увеличении массы ледяных шапок на полюсах. Наш современник доктор технических наук, профессор Московского энергетического института (технического университета) Игорь Петрович Копылов, опираясь на научные результаты, полученные отечественными и зарубежными предшественниками, разработал геоэлектромеханическую модель естественных светопрепределений и периодически повторяющихся «всемирных потоков». По мнению Копылова, таковых было тридцать (последний в 11-м тысячелетии до н.э.), сейчас приближается тридцать первый.

Концепция московского профессора интересна еще и тем, что она позволяет понять и причины энергетических «вспышек» в биосфере, приводящих к пассионарным мутациям и вызывающих появление в определенный момент пассионарных этносов и пассионарных личностей. И.П. Копылов разделяет взгляд, согласно которому планета Земля работает по принципу электрической машины, где функции ротора выполняет раскаленное магматическое ядро. Вращение планеты происходит за счет колоссальной массы космических частиц, которые беспрестанно бомбардируют Землю и, тормозясь, отдают ей свою механическую энергию, которая тотчас же преобразуется в электрическую энергию радиационных поясов и токов жидкого и твердого ядра планеты. Ранее представление о Земле как самовозбуждающейся динамомашине, обуславливающей закономерности и

аномалии земного магнетизма, были аргументированно обоснованы английским физиком Э. Буллардом и подтверждены путем длительных геомагнитных исследований Мирового океана академиком В.В. Шулейкиным.

Теория профессора Кембриджского университета Булларда и всех, кто разделяет его мнение, хорошо и без противоречий объясняет не только происхождение земного магнетизма, но и флуктуационные отклонения и аномалии, могущие повлечь за собой пассионарные явления в поведении людей. Еще в 1600 году (в тот самый год, когда в Риме на площади Цветов сожгли Джордано Бруно) английским физиком (и придворным врачом королевы Елизаветы) Уильямом Гильбертом было установлено, что магнитное поле Земли сходно с полем диполя (то есть двухполюсного магнита), источник которого лежит внутри Земли. Тщательные магнитные измерения показали, что существующая конфигурация магнитных линий значительно отличается от картины поля диполя, причем такие отклонения бывают двух типов: местные и крупномасштабные. Первые могут быть очень велики, но они обычно простираются не более чем на несколько километров. Они связаны с геологическим строением местности и вызываются намагничиванием скальных пород, обусловленным либо ныне существующим полем, либо полем, действовавшим в течение длительного времени в прошлом. Эти аномалии — побочное следствие существования поля и не проливают света на его происхождение. Если сгладить местные аномалии, то остаются крупномасштабные вариации. Не связаны они заметным образом со строением земной поверхности. Форма магнитных линий не имеет ничего общего ни с очертаниями океанов или континентов, ни с контурами горных цепей. Кажется вероятным поэтому, что происхождение поля не связано с геологическими процессами, а источники его лежат глубоко внутри Земли.

Магнитное поле Земли претерпевает также изменения во времени, причем существует два вида таких вариаций: во-первых, быстрые изменения с периодами от секунды до года, которые вызываются меняющимися токами ионосферы. Эти токи определяются в конечном счете событиями на Солнце и по ним нельзя судить о происхождении основного поля. Во-вторых, существуют гораздо более медленные изменения, известные под названием вековых вариаций, возникающие вследствие процессов внутри Земли. Компонента поля может изменяться в течение многих лет в одном направлении, а затем, часто совершенно неожиданно, это изменение начинает происходить в противоположную сторону. Изменение поля может достигать 30% за 100 лет. Существуют области быстрых изменений, достигающие в поперечнике тысячи километров, очертания которых не связаны с геологическим строением поверхности Земли. Эти области меняют свое положение и форму и иногда исчезают вовсе. Их магнитные линии имеют тенденцию дрейфовать на запад со скоростью от $0,2^\circ$ до $0,4^\circ$ в год.

В настоящее время Земля находится на активной начальной стадии очередного 26-тысячелетнего галактического цикла, что имеет важнейшие последствия для развития цивилизации и ее дальнейшей судьбы. Точно такая же картина наблюдалась и в прошлом. В результате совмещения различных геофизических и космических явлений происходят изменения в направлении движения поперечного электротока планеты и смещается ее магнитное поле. Данный процесс не происходит мгновенно, а занимает от 300 до 500 лет. Изменения магнитного поля Земли сопровождается сильными магнитными бурями, землетрясениями и катастрофическими атмосферными

явлениями, связанными с изменениями циркуляции океанических вод и атмосферы.

При значительных изменениях магнитного поля — особо отмечают геофизики и, в частности, профессор Копылов — происходят значительные изменения в состоянии озонового слоя Земли, что приводит к резким скачкам в эволюции биосферы за счет изменения радиации. Это как раз то, что нужно! Л.Н. Гумилев считал энергию распада внутри Земли радиоактивных элементов одним из источников, приводящих к пассионарным явлениям в социальной жизни и историческом процессе. Автор теории пассионарности называл такой вид энергии хтоническим. Поскольку же скопления урановых и прочих руд распределены на Земле неравномерно, постольку и очаги возможных пассионарных вспышек локализовано на ограниченных территориях.

Итак, перед нами опять тот самый природно-космический механизм, рождающий энергетические «вспышки» в биосфере, которые, а они, в свою очередь, приводят к пассионарным мутациям — появлению пассионарных этносов и пассионарных личностей, причем на любых этапах исторического процесса безотносительно к тому, идет ли речь о начале антропогенеза и глубокой предыстории или же о недавнем прошлом, настоящем и даже отдаленном будущем.

В результате названной выше «накладке» чисто земных и космических явлений происходит естественное и сравнительно быстрое затормаживание вращения планеты и, как следствие, выделение колоссального количества тепла, что приводит к глобальному потеплению климата, таянию ледников и повышению уровня океана. Именно это и приводит в конечном итоге к катастрофическому явлению, получившему в истории и мифологии название Всемирного потопа с учетом, что подобных «потопов» в истории Земли было множество. Подготовительный же процесс растягивается на века. По прогнозу И.П. Копылова, в середине XXI века средний подъем уровня океана составит 3—6 см в год. Наибольший прирост уровня океана предполагается в XXI веке — 8—12 см в год. Но самым тяжелым окажется XXIII век: скорость подъема воды еще будет сохраняться, уровень океана достигнет максимальных отметок, к тому же начнется медленное похолодание.

Энергетический баланс и магнитное поле Земли стабилизируются, но не надолго. Перемена направления поперечного тока изменит смещение материковых плит, что вместе с изменением циркуляции магмы станет причиной сильных землетрясений на обширных территориях планеты. Повышение уровня океана, уровня грунтовых вод и обильные ливни вызовут очередной Всемирный потоп, что приведет (если не принять превентивных мер) к гибели людей и глобальным миграциям населения.

При изменении направления поперечного тока на противоположные теплые и холодные зоны поверхности планеты поменяются местами. Теплые слои магмы поднимутся в Северном полушарии — в Сибири, а остывшая магма будет опускаться в районах Европы и Атлантики. Полюс холода переместится из Оймякона в Якутии в район Вологды и Перми, а дальневосточное побережье Тихого океана будет иметь теплый благодатный климат, близкий к современному черноморскому. вечная мерзлота в Сибири отступит далеко на Север, а в районе лесотундры образуются черноземы. Еще раз подчеркну: этот циклический процесс повторяется каждые 13 тысяч лет. Следовательно, подобную картину на Земле видели уже неоднократно.

И.П. Копылов считает, что до последнего потопа и последовавшего за ним резкого похолодания на Севере зона с теплым климатом находилась в Сибири и на Дальнем Востоке. Именно здесь жила основная часть населения планеты и закладывались основы современной цивилизации. Когда климат изменился в худшую сторону, часть прежних обитателей этих краев вынуждены были искать новые земли для лучшей жизни, а часть, оставаясь на старой территории, приспособилась к новым суровым условиям. От тех и других повсюду в Северной Евразии сохранились следы древней высокоразвитой культуры.

* * *

Уникальные космо-планетарные и геофизические особенности карпатского региона (а равно и — альпийского, балканского, апеннинского, перинейского, кавказского, уральского, алтайского, памирского, тяньшанского, саянского и прочего, и прочего, и прочего) непосредственным образом влияют на пассионарный характер живущих здесь людей и судьбы народов, а следовательно — и на зигзагообразный ход исторического процесса на всех без исключения этапах его развития — от глубочайшей древности до наших дней. Можно попытаться хотя в общих чертах представить механизм данного естественно-исторического процесса. Для этого необходимо выявить природные факторы, вызывающие социальнопсихологические пассионарные вспышки — как индивидуальные, так и коллективные. Помочь в таком анализе в определенной (и даже в весьма значительной) степени может помочь рассмотренная выше геоэлектромеханическая модель Земли, позволяющая достаточно четко представить реальную схему и «график» образования электромагнитных полей, оказывающих в решающий момент и в решающем месте решающее воздействие на отдельных индивидумов или их сообщество. Но одной геоэлектромеханикой дело не ограничивается. Геофизические (и шире — космические, планетарные, лунарные, солярные) воздействия на человеческий организм и психику, а отсюда и на массовые социальные явления и исторический процесс в целом — многофакторны и поливариантны.

Явления земного электромагнетизма, которые нас интересуют исключительно в их возможной связи с мировой (и даже еще уже — уралосибирской) истории, во многом обусловлены природными процессами, происходящими в недрах земного шара. Здесь все кипит и бурлит: температура на глубине 1200 километров практически такая же, как на поверхности Солнца — 5800°С, а давление превышает миллион атмосфер. Естественно, само ядро пребывает в расплавленном состоянии, при этом его основу составляет железо. Выходит, прямо под ногами у нас непрерывно кипит и клопочет фантастическая доменная печь планетарного масштаба, созданная самой природой, она, помимо всего прочего, определяет еще и действие подземного и надземного электромагнитного поля, влияющего на судьбы людей. Его концентрированное воздействие в определенное время в определенном месте и на определенные этнические группы или этнос в решающей степени обуславливают явления пассионарных вспышек и мутаций.

Но сначала еще раз вернемся к природному механизму электромагнитных явлений, рассмотренных в их геофизическом аспекте. Американские геофизики Джереми Блоксхам и Дэвид Габбинз (их статья «Эволюция магнитного поля Земли» в переводе на русский язык была опубликована в журнале: «В мире науки». 1990. № 2) рисуют следующую апокалипсическую картину, творящуюся не в воспаленном мозгу пророка, а в

будничной повседневности планетарных недр. Расплавленное железо внешнего ядра вращается вокруг твердого субстрата внутреннего ядра, действуя как динамомашинка, продуцирующая электромагнитное поле. Электрический ток в недрах Земли возникает по той же схеме, что и ток в проволоке, движущейся рядом с магнитом. Планета со всеми ее полями становится похожей на гигантское Геодинамо (термин Дж. Блоксхама и Д. Габбинза), работающего на принципах самодостаточности.

Суммарный результат коротко описанных и ряда других (не только геофизических, но и чисто тектонических) процессов приводит раз в миллион лет к инверсии магнитного поля: оно меняет свою полярность. Так, за истекший миллион лет Северный и Южный магнитные полюса поменялись местами. Это как раз те вопросы, которые и интересуют американских геофизиков: дальше рассмотрения эволюции магнитного поля Земли они не идут. Однако, хорошо просчитано и обосновано, что геомагнитная инверсия (то есть смена магнитной полярности полюсов), наряду с другими возможными причинами (например, изменением наклона земной оси), приводит к глобальным вселенским катастрофам-светопредставлениям, известным из истории под названием Всемирных потопов.

В расплавлено-жидком железе, которое течет легко, как вода, проводит электричество даже лучше меди, постоянно возникают своего рода «штормы» — мощные магнитные бури, постоянно и беспрепятственно вырывающиеся на поверхность земли и подобно ураганному шквалу обрушивающиеся на трепетные лепестки человеческих душ, вызывая в их призрачно-ажурной структуре необратимые изменения пассионарно-мутационного характера. (Последний вывод, понятно, у американских авторов отсутствует, но без подобных уточнений подробности и нюансы их теории в моей книге будут выглядеть инородным телом. – В.Д.).

Катастрофические выбросы внутреннего магнитного поля Земли врывающиеся в живущий по своим законам магнитный океан, окружающий Землю с внешней стороны (с точки зрения геофизики, оба поля не смешиваются, подобно водам реки, сливающейся с морем). Естественно, для организма и биополя человека или животных такие сюрпризы, преподносимые Матерью Сырой Землей, не остаются без последствий.

Пассионарные вспышки и мутации связаны, главным образом, с отклонениями в нормальном состоянии биосферы Земли и окружающего ее космического пространства. Но сами эти аномалии закономерны: то, что они постоянно возникают, как возбуждения энерго-информационного или электромагнитного поля, является не редким исключением, а регулярным правилом. Стабильное состояние биосферы отнюдь не означает отсутствие ее влияния на жизнь и поведение людей (и живых организмов в целом). Здесь также имеются свои особые закономерности, обусловленные теснейшим взаимодействием биосферы с природным ландшафтом. Наиболее важными в данном плане являются горные образования. Но не только они. Руслу рек, береговые очертания морей, островные и континентальные контуры — все это служит упорядочению структуры биосферы, перераспределению сосредоточенной в ней мощной и постоянно возобновляющейся энергии, направлению потоков различных физических полей.

Достаточно спроецировать рассмотренную геофизическую модель, скажем, на карпатский регион и сразу же станет ясно, что в наших руках надежный ключ для правильного понимания многих даже весьма

спецефических исторических, этнографических, социальных, психологических и прочих проблем. Не подлежит сомнению, что существуют естественные аккумуляторы накапливаемой энергии электромагнитного и других полей, а также проводники, по которым она, концентрируясь в достаточных количествах, прорывается на поверхность в некоторых геологически предпочтительных зонах, где возникает — временный или же относительно постоянный — очаг пассионарности. Наиболее подходящими в данном плане на земной поверхности представляются горные образования, где существуют наиболее благоприятные в геологическом и геофизическом плане условия для направленного выхода выработанной в недрах Земли физической энергии и воздействия ее на биотические, психические и социальные процессы.

* * *

От общих космопланетарных и геофизических проблем перейдем к частным — собственно историческим, дабы конкретизировать собственно славянский аспект данной концепции и попытаться ответить на вопрос, как и в каких географических границах происходила дифференциация некогда единого славянского пранарода и как шло развитие обособившихся славянских племен после естественного распада былой общности. Здесь неизбежно приходится вторгнуться в область так называемых этногенетических легенд, которые представители официальной и официозной науки упорно продолжают считать продуктом чистого домысла — хорошо, если еще не злокозненного умысла.

Я не стану скрупулезно анализировать многочисленные и похожие друг на друга, как инкубаторские цыплята, разглагольствования ученых мужей: моя книга — не диссертационное исследование. Весь необходимый материал такого рода и исчерпывающую библиографию интересующиеся могут найти в информационно ёмкой монографии Александра Сергеевича Мыльниковца «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века (СПб., 1996), а также в продолжающей тему книге того же автора «Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начало XVIII века» (СПб., 1999). Бессмысленно сосредотачиваться на деталях, если неверны исходные методологические принципы.

Вся беда в том, что подавляющее большинство историков — крупных и мелких, отечественных и зарубежных, умерших и здравствующих — односторонне представляют связь между устной и письменной историей. В качестве документальной основы признаются, как правило, только письменные и материальные источники. Так называемая устная традиция передачи сведений о прошлом отвергается начисто, высмеивается и шельмуется. При этом в упор не замечаются самоочевидные истины: многие основополагающие исторические труды (от Геродотовой «Истории» до Несторовой «Повести временных лет») зиждятся (особенно в начальных своих частях) исключительно на устных преданиях и рассказах.

У устных преданий другая жизнь, нежели у письменных. Как отмечал академик Борис Дмитриевич Греков (1882—1953), «... в легендах могут быть зерна истинной правды». Поэтому непременным условием аналитического и смыслового исследования исторических сказаний является отделение «зерен от плевел». Легенды о происхождении любого народа всегда хранились как величайшая духовная ценность и бережно передавались из уст в

уста на протяжении веков и тысячелетий. Рано или поздно появлялся какой-нибудь подвижник, который записывал «преданья старины глубокой» или включал их в отредактированном виде в летопись. Таким образом поэмы Гомера (беллетризованные хроники Троянской войны) были записаны еще в античные времена, русские и польские предания — в начале II тысячелетия н.э., Ригведа и Авеста — в XVIII веке, русские былины и карело-финские руны — в XIX веке и т.д. По логике же ученых-ригористов: раз Ригведа и Авеста (и соответственно — подавляющее большинство фольклорных произведений) не были записаны во времена их создания, значит, все эти тексты являются сомнительными.

Схему устной передачи, сохранения, записи и печатного воспроизведения древних текстов особенно наглядно видна на примере магических заговоров. Никто не станет оспаривать, что подавляющее число заговоров (безотносительно какому народу они принадлежат) уходят своими корнями в невообразимые глубины далекого прошлого. Например, во многих русских сакральных заговорах присутствуют такие архаичные мифологемы как Остров Буян, Алатырь-камень и пр., наводящие на мысль о гиперборейских временах. Тексты эти исключительно консервативны, то есть передаются от поколению к поколению на протяжении многих тысячелетий практически без изменений. Передаются тайно, с оговорками и соблюдением различных условий — в противном случае заговор теряет свою магическую силу. Вместе с тем и сегодня любой, кто захочет и приложит не слишком большие усилия, может отыскать такой древний заговор (не обязательно в глухой деревне и у столетней старухи), записать его и при желании — опубликовать. И что же — разве будет означать публикация, к примеру, 2000-го года, что перед нами подлог, обман или фальсификация? Ничуть! Но ведь именно так рассуждают те, кто отвергают устную традицию передачи исторических знаний на том основании, что записи преданий, тысячелетиями передававшиеся из рода в род и от поколения к поколению, дескать, записаны недавно.

Обратимся к классикам. Еще М.В. Ломоносов называл дату начала человеческой истории, далеко выходящую за границы самой дерзкой фантастики. Четыреста тысяч лет (точнее — 399 000) — таков результат, полученный русским гением. А опирался он, как мы помним, на вычисления вавилонских астрономов и свидетельства египтян, зафиксированные античными историками. Именно тогда произошла одна из тяжелейших по своим последствиям планетарных катаклизмов, послуживших началом гибели Арктиды-Гипербореи и катастрофического похолодания на Севере.

В писаной же истории действуют совершенно иные исторические даты. В реконструированной «Повести временных лет», которой открываются все главные русские летописи первой реальной датой, как уже отмечалось, назван 852 год н.э. (или в соответствии с древнерусским летосчислением — лето 6360), когда появился у стен Царьграда мощный русский флот — потому что и попала сия дата в византийские хроники, а оттуда — в русские летописи. Следующая, воистину знаковая, дата — 862 год (лето 6370), год призвания на княжение Рюрика и его братьев. Именно с этой даты и принято было долгое время вести отсчет русской истории: в 1862 году даже было отмечено с превеликой помпой так называемое 1000-летие России, по случаю чего в Великом Новгороде установили великолепный памятник по проекту скульптора Михаила Микешина, ставший чуть ли не символом российской государственности и монархизма (рис. 73).

Есть однако в русских летописях еще одна дата, не признанная официальной наукой. Речь идет о древнерусском сочинении, известном под названием «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске», включенной во многие хронографы русской редакции, начиная с XVII века (всего известно около ста списков данного литературного памятника). Здесь рассказывается о праотцах и вождях русского (и всего славянского народа), которые после долгих скитаний по всему миру появились на берегах Волхова и озера Ильмень **в середине 3-го тысячелетия до новой эры (!)**, основали здесь города Словенск и Старую Руссу и начали впечатляющие военные походы: как сказано в первоисточнике, ходили «на египетские и другие варварские страны», где наводили «великий страх».

В Сказании называется и точная дата основания Словенска Великого — **2409 год до новой эры** (или 3099 год от Сотворения мира). Спустя три тысячи лет, после двукратного запустения, на месте первой столицы Словено-Русского государства был построен его градопреемник — Новгород. Потому-то он и назван «новым городом» — ибо «срублен» был на месте старого, по имени которого новгородцы долгое время еще продолжали прозываться «словенами» (таковыми их знает и Несторова летопись). Досталось Ново-граду от его предшественника также и приставка — Великий.

Современные историки-снобы, как и их позитивистски настроенные предшественники, не видят в легендарных сказаниях о Русе и Словене никакого рационального зерна, считая их выдумкой чистой воды, причем сравнительно недавнего времени. Так, прославленный наш историк Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) (рис. 74) в одном из примечаний к 1-му тому «Истории Государства Российского» называет подобные предания «сказками, внесенными в летописи невеждами».

Спору нет: конечно, безвестные историки XVII века что-то добавляли и от себя, особенно по части симпатий и пристрастий. А кто, скажите на милость, такого не делал? Карамзин, что ли? В историографических пристрастиях, верноподнических восторгах и политических предпочтениях он был большим католиком чем сам римский папа. Уверовав однажды в удобную с точки зрения самодержавия версию о призвании варягов и отождествив их с норманнами, Карамзин намертво и безапелляционно отвергал любые отклонения от своей абсолютизированной схемы начальной русской истории и, не колеблясь, объявлял ложной или поддельной любую точку зрения, не совпадающую с его собственной. Что касается хронологии, то *Древнейший* (!?) период отечественной истории, как о том черным по белому написано в предисловии к 12-томному карамзинскому труду, начинается с 862 года (!!)^{*}.

^{*} У нас вообще давно укоренилась довольно-таки странная точка зрения, согласно которой верхняя хронологическая граница *Древней Руси* доводится до начала Петровских реформ, то есть фактически до XVIII века. Особливо поспособствовали превращению этой вообще-то заведомо абсурдной концепции литературоведы: ничтоже сумняшеся они все как один завершают *древнерусскую* литературу XVII веком. Дабы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любой учебник, справочник, хрестоматию или 12-томное издание «Памятники литературы Древней Руси», где последние три тома приходятся на XVII век. Но и этого показалось мало: в издаваемой ныне 20-томной «Библиотеке литературы Древней Руси» (до 2000 года вышло 7 томов) «древность» доведена уже до XX века, и в последний том предполагается включить, к примеру, переписку крестьян-старообрядцев времен коллективизации. И это при том, что за бортом многотомного издания, претендующего на роль всеобъемлющего, остались действительно древние памятники — Токовая Палея, большинство летописей и архаичных апокрифов.

По количеству же субъективных домыслов, тенденциозности и так называемой научной отсебятины (талантливо однако преподнесенной) «История Государства Российского» сто очков даст фору любому хронографисту и летописцу. Одно меланхолическое начало карамзинского труда чего стоит: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками». Вот ведь какой, по Карамзину, была Россия до появления Рюрика с братьями.

Карамзин как будто пересказывает «злого демона» русской историографии, одного из столпов псевдонаучного норманизма, почетного иностранного члена Санкт-Петербургской академии Августа Людвиг Шлёцера (1735—1809). Разве не напоминает вышеприведенный пассаж Карамзина такое, с позволения сказать, шлёцеровское «умозаключение», касающееся древнейшей русской истории (речь идет конкретно о VII веке новой эры):

«Повсюду царствует ужасная пустота в средней и северной России. Нигде не видно ни малейшего следа городов, которые ныне украшают Россию. Нигде нет никакого достопамятного имени, которое бы духу историка представило превосходные картины прошедшего. Где теперь прекрасные поля восхищают око удивленного путешественника, там прежде сего были одни темные леса и топкие болота. Где теперь просвещенные люди соединились в мирные общества, там жили прежде сего дикие звери и полудикие люди».

Поразительно, но факт: сказанное Шлёцером относится как раз к той самой эпохе правления византийского императора Юстиниана, когда славяне вторглись на Балканы и держали в постоянном страхе и Восточную, и Западную Римскую империю. Именно к данному времени относятся слова одного из славяно-русских вождей, сказанные в ответ на предложение стать данниками Аварского каганата: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой землей, а не другие нашей. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи».

Конечно, у автора «Бедной Лизы» стиль поэтичнее чем у немецкого историка-рационалиста или же у русских писцов XVII века. Можно даже сказать: стиль у основоположника русского сентиментализма почти на грани с пушкинской беллетристикой. Недаром и сам Пушкин черпал в «Истории» Карамзина сюжеты и их тенденциозное истолкование: например, образ тирана и убийцы Бориса Годунова с «мальчиками кровавыми в глазах», который точно, не меняя облика и не переодевая костюма, перекочевал из последнего тома «Истории» Карамзина в трагедию Пушкина. Так что еще вопрос, кто больший «невежда» в русской истории: тот, кто ведет ее начало от Словена и Руса, или тот, кто низводит свой народ до уровня троглодитов, считая, что в подобном состоянии славянские племена пребывали вплоть до принятия христианства.

Чаще всего говорят однако: записи легенд о Словене и Русе позднего происхождения, вот если бы они были записаны где-нибудь до татаро-монгольского нашествия, тогда совсем другое дело. Что тут возразить? Во-первых, никто не знает, были или не были записаны древние сказания на заре

древнерусской литературы: тысячи и тысячи бесценных памятников погибли в огне пожаров после нашествия кочевников, собственных междоусобиц и борьбы с язычеством. По крайней мере, на дощечках «Велесовой книги» всё, что нужно, отображено и сохранилось. Во-вторых, если говорить по большому счету о позднейших записях, то «Слово о полку Игореве» реально дошло до нас только в екатерининском списке XVIII века да в первоиздании 1800 года; оригинальная же рукопись (тоже, кстати, достаточно позднего происхождения), как хорошо известно, сгорела во время московского пожара 1812 года, и ее вообще мало кто видел.

А бессмертная «Калевала»? Карело-финские руны, содержащие сведения об архаичных гиперборейских временах, были записаны и стали достоянием читателей Старого и Нового Света только полтора века назад. И ни у кого не вызывает сомнения в подлинности текстов. Еще позже на Севере был записан основной корпус русских былин. Кое-кто скажет: это — фольклор. А какая разница? Родовые и племенные исторические предания передавались от поколения к поколению по тем же мнемоническим законам, что и устное народное творчество.

Кстати, самый непотопляемый «довод», относящий «Сказание о Словене и Русе» к литературным произведениям, сочиненным в XVII веке (а то и в XVIII веке), не выдерживает никакой критики. Ибо почти за двести лет до того содержащиеся в ней сведения были записаны со слов устных информаторов Сигизмундом Герберштейном — посла императора Священной Римской империи, которую в то время возглавлял Габсбургский дом. Уже упоминавшийся объемистый труд посла под названием «Записки о Московии», помимо личных наблюдений и впечатлений, содержал краткую историю Руси, основанную на летописных источниках, в том числе и ныне утраченных (эти сведения пытливому и любознательному немцу сообщили сами русские, точнее — перевели по тексту какой-то утраченной летописи).

С трактатом Герберштейна были прекрасно знаком и Карамзин — однако на столь важный (можно даже сказать — решающий) момент не обратил никакого внимания. Он даже предпринял попытку определить и вывести на чистую воду злостного выдумщика и сочинителя «Сказания о Словене и Русе». В обширном примечании № 91 к 1-му тому «Истории Государства Российского» прославленный историк с негодованием и плохо скрываемым презрением объявляет имя и фамилию «смутьяна» — некий Тимофей Каменевич-Рвовский, диакон Холопьяго монастыря, что на реке Мологе, одного из верхних притоков Волги.

Сей всезнающий дьяк, о котором нынче ничего уже больше нельзя узнать даже в подробнейшем современном «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (здесь XVII веку отведено целых четыре тома) завершил в 1699 в монастырской келье 4-томную (!) историческую рукопись, посвященную древностям Российского государства. Сегодня почему-то никого не волнует ее странная утрата. Во времена Карамзина 4-томный манускрипт хранился в Синодальной библиотеке (приводится даже номер единицы хранения), вот в ней, дескать, и следует искать первоисток всех недоразумений*. При этом

* Поразительно, но факт: облив грязью просвещенного диакона и обозвав его невеждою в 1-м томе своей «Истории», Карамзин воздает этому же самому невежде высочайшую хвалу уже в 4-м томе и полностью заимствует у того сведения о торге (ярмарке) на Мологе, куда во времена Ивана Калиты съезжались немецкие, византийские, итальянские, персидские и иные купцы, и одних только питейных заведений (ну никак не может русский человек без кабака!)

полностью игнорируется, что к тому времени существовало уже не менее ста списков «Сказания о Словене и Русе» (многие из них были включены в текстовую ткань конкретных хронографов и летописцев). А на полтысячи лет раньше о князе Русе сообщали византийские и арабские авторы.

Документальное подтверждение тому, что «Сказание о Словене и Русе» первоначально имело длительное устное хождение содержится в письме в Петербургскую академию наук одного из ранних российских историков Петра Никифоровича Крекшина (1684—1763), происходившего, кстати, из новгородских дворян. Обращая внимание ученых мужей на необходимость учета и использования в исторических исследованиях летописного «Сказания о Словене и Русе», он отмечал, что новгородцы «исстари друг другу об оном сказывают», то есть изустно передают историческое предание от поколения к поколению. Это — очень важное свидетельство. Из него недвусмысленно вытекает: помимо летописной истории на Руси существовала всегда еще и тайная устная история, тщательно усваиваемая посвященными и также тщательно (но безо всяких записей) передаваемая от поколения к поколению.

Что представляли из себя подобные устные предания, тоже, в общем-то, известно. Ибо находились все-таки смельчаки, которые отваживались доверить бумаге или пергаменту сокровенное устное слово. Один такой рукописный сборник XVII века объемом в 500 листов, принадлежавший стольнику и приближенному царя Алексея Михайловича Алексею Богдановичу Мусину-Пушкину (ум. ок. 1669), был найден спустя почти через двести лет после смерти владельца в его родовом архиве, хранившемся в Николаевской церкви вотчинного села Угодичи, что близ Ростова Великого. Манускрипт, содержащий записи 120 древних новгородских легенд, к величайшему сожалению, вскоре оказался утраченным: вывезти его в столицу для напечатания без разрешения собственника (а тот в момент находки отсутствовал) не представлялось возможным. Сохранился лишь пересказ новгородских предлетописных сказаний, сделанный собирателем русского фольклора, уже упоминавшимся в 1-й главе Александром Яковлевичем Артыновым. Содержание многих полусказачных преданий практически совпадает с сюжетами «Сказания о Словене и Русе». Однако, не владевший методикой научного исследования литератор-самоучка Артынов попытался «улучшить» имевшиеся в его распоряжении тексты, приблизить их архаичный язык к современному, нанеся тем самым неисправимый древним памятникам вред. Тем не менее налицо недвусмысленное доказательство существования корпуса древнейших новгородских сказаний и попыток сохранить их в записи для потомков.

Так было принято во все времена и практически у всех народов до тех пор, пока в их среде не появлялся какой-нибудь местный «отец истории» (вроде эллинского Геродота или русского Нестора) и не превращал устные сказания в письменные. Наиболее показательный пример (по времени, кстати, почти совпадающий с появлением многочисленных копий «Сказания о Словене

насчитывалось не менее семидесяти. Особой же похвалы Карамзина удостоился тот факт, что Тимофей Каменевич-Рвовский опирался на древнее *устное (!)* предание, которое бережно сохранил для потомков, включив его в свое историческое повествование. Вот тебе и раз: значит, там где ему было выгодно, Карамзин принимал устные исторические рассказы за истину и включал их в ткань собственной «Истории» в качестве непреложных фактов; там же, где это никакой выгоды не сулило и оборачивалось одними историографическими неприятностями, устные предания, вне всякого сомнения, имевшие древнейшие корни, предавались анафеме и остракизму. Такова цена хваленной объективности российского историка!

и Русе») — «История государства инков», составленная в конце XVI века и опубликованная на староиспанском языке в Лиссабоне в 1609 году. Ее автор — инка Гарсиласо де ла Вега (1539—1616) — рожденный в законном браке сын испанского капитана-конкистадора и индейки, принадлежащей к высшим слоям инкского полукастового общества. Именно от матери и ее ближайших родственников будущий историк еще в детстве воспринял всю *устную* историю древнего народа, что дало ему возможность спустя десятки лет, переселившись в Испанию, связно изложить и издать ее в виде почти тысячестраничного труда. Русская версия собственной древней истории скромнее по объему, но «схема» ее устной передачи и история обнародования практически такая же, как и у тайной хроники инков.

Устные легенды о древнейших временах сохранялась в российской глубинке вплоть до XX века. Еще в 1879 году известный фольклорист Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917) опубликовал записанное в Беломоро-Обонежском регионе сказание о князе Рюрике, не совпадающее с официальной версией. Согласно северным преданиям, подлинное имя Рюрика было Юрик и явился он в Новгород из Приднепровья. Новгородцы «залюбили» его за ум-разум и согласились, чтобы он стал «хозяином» в Новограде. (Р)Юрик наложил на каждого новгородца поначалу небольшую дань, но затем стал постепенно ее увеличивать, пока не сделал ее невыносимой (что впоследствии усугублялось с каждым новым правителем). Первые летописцы, упоминавшие имя Рюрика, вряд ли опирались на какие-то письменные источники, а скорее всего, использовали устные известия.

В 1909 году братья Б.М. и Ю.М. Соколовы записали на Новгородчине от 70-летнего крестьянина Василия Степановича Сулова устное сказание о Гостомысле и Рюрике, во многом повторяющее версию «Сказания о Словене и Русе» (опубликовано в 1915 году в составе знаменитого сборника «Сказки и песни Белозерского края»). В те же годы академик Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) указывал в своем классическом труде «Разыскания о древнейших летописных сводах» (СПб., 1908) на стойкую народную память, сохранявшую на протяжении многих веков основные факты, связанные с появлением на Новгородчине Рюрика с братьями.

Подводя некоторые итоги, можно еще провести аналогию с различным изображением одних и тех же сюжетов средствами живописи. Скажем, евангельская сцена казни Иисуса Христа воссоздавалась тысячекратно на протяжении двух тысячелетий различными художниками. Каждая школа вносила свою трактовку и дополняла историю страстей Господних отличными от других подробностями и деталями. Русские иконы не спутаешь с творениями мастеров европейского Возрождения, а сюрреалистическая или иная модернистская трактовка не имеет ничего общего с общепринятыми традициями. Тем не менее все они воссоздают один и тот же эпизод мученической смерти Христа и по любой из них можно восстановить действительное содержание евангельского рассказа. Точно так же обстоит и с преданием о прапредках русского народа: они дожили до наших дней отчасти в искаженном, отчасти в преукрашенном виде, записаны были очень и очень поздно. Тем не менее в них сохранилось то, что позволяет без особого труда восстановить основные события и имена предыстории Руси.

Итак, с древнейшей русской историей дело обстоит вовсе не так, как это представлялось Карамзину и множеству послекарамзинских историков. В отличие от них Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) усматривал в древних сказаниях русского народа отзвуки исторической действительности. Как отметил великий россиянин в своем главном историческом труде «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого...» (изданном посмертно в 1766 г.), даже если «имена Словена и Руса и других братьев были вымышлены, однако есть дела Северных славян в нем [*Новгородском летописце. — В.Д.*] описанные, *правде не противные* [*Подчеркнуто мной. — В.Д.*].

Отечественное летописание всегда опиралось на устную, зачастую фольклорную, традицию, в которой не могли не сохраняться отзвуки былых времен. Такова и древнейшая часть «Повести временных лет», посвященная событиям, случившимся до рождения Нестора-летописца, она опирается главным образом на устные предания. У самого Нестора имена Словена и Руса не встречаются. На то есть свои веские причины. Большинство из дошедших до наших дней древнейших летописей (и уж во всяком случае все те, которые были возведены в ранг официоза) имеют киевскую ориентацию, то есть писались, редактировались и исправлялись в угоду правящих киевских князей-Рюриковичей, а в дальнейшем — в угоду их правопреемникам — московским великим князьям и царям. Новгородские же летописи, имеющие совсем иную политическую направленность и раскрывающие подлинные исторические корни как самого русского народа, так и правивших на Руси задолго до Рюрика князей, нередко замалчивались или попросту уничтожались. О том, что там было раньше, можно судить по летописи новгородского епископа Иоакима (дата рождения неизвестна — умер в 1030 г.), которая дошла лишь в пересказе Василия Никитича Татищева (1686—1750) (рис. 75).

Начальное новгородское летописание в корне противоречило интересам и установкам киевских князей, к идеологам которых относились и монахи Киево-Печерской лавры, включая Нестора. Признать, что новгородские князья древнее киевских, что русская княжеская династия существовала задолго до Рюрика, — считалось страшной и недопустимой политической крамолой во времена как Нестора, так и длительной борьбы великих князей Московских против новгородской самостоятельности и сепаратизма. Она подрывала право киевских князей на первородную власть, а потому беспощадно искоренялась. Отсюда совершенно ясно, почему в «Повести временных лет» нет ни слова о Словене и Русе, которые положили начало русской государственности не на киевском берегу Днепра, а на берегах Волхова. Точно так же игнорирует Нестор и последнего князя дорюриковой династии — Гостомысла, лицо абсолютно историческое и упоминаемое в других первоисточниках, не говоря уж о устных народных преданиях. Вслед за Нестором этой «дурной болезнью» заразились и другие историки, начиная с Карамзина, которые быстро научились видеть в летописях только то, что выгодно для их субъективного мнения.

Почему так происходило, удивляться вовсе не приходится. Уже в XX веке на глазах, так сказать, непосредственных участников событий по несколько раз перекраивалась и переписывалась история такого эпохального события, как Октябрьская революция в России. Из книг, справочников и учебников десятками и сотнями вычеркивались имена тех, кто эту революцию подготавливал и осуществлял. Многие из главных деятелей Октября были вообще уничтожены физически, а хорошо известные и совершенно бесспорные

факты искажались в угоду новым временщикам до неузнаваемости. Ну, а спустя некоторое время наступала очередная переоценка всех ценностей, и уже до неузнаваемости искажался облик недавних баловней судьбы. Это в наше-то время! Что же тогда говорить о делах давно минувших дней?

И как при Сталине вычеркивался даже намек на то, что, скажем, Троцкий вместе с Лениным руководил Октябрьским восстанием в Петрограде (в то время, когда сам Сталин был неизвестно где), а в Гражданскую войну был Председателем Реввоенсовета и фактическим вождем Красной Армии, — точно так же и во времена Нестора и киевского летописания изымались и выскабливались с пергамента любые упоминания про Словена да Руса и про то, что задолго до Киевской Руси в северных широтах процветала Словенская Русь, преемницей которой стала Русь Новгородская и лишь только после этого наступило время киевских князей.

Впрочем, исключительно важные, хотя и косвенные, упоминания все же сохранились, несмотря на жесткую установку на полное умолчание и позднейшие подчистки киевских цензоров. Скажем, есть «Повести временных лет» одна на первый взгляд странная фраза о том, что жители Великого Новгорода «прежде бо беша словени». Переводится и трактуется данный пассаж в таком смысле, что новгородцы прежде, дескать, были славяне. Абсурднее, конечно, не придумаешь: как это так — «были славяне». А теперь кто же они по-вашему? Не спасает положения и попытка некоторых историков объявить новгородских словен особым племенем. Что выглядит откровенной натяжкой.

Объясняется всё, однако, очень просто: Новгород был построен на месте старой столицы Словенска (по имени князя Словена — основателя стольного града), и прежнее прозвание новгородцев — «словени», то есть «жители Словенска». Вот почему они и «прежде бо беша словени» — и никакие «славяне» здесь ни при чем. А если и «при чем», то только в том смысле, что родовое имя всех нынешних славян ведет начало от имени волховских словен — насельников первой русской столицы Словенска и потомков русского князя Словена. Но эти самые «словене», то есть жители Словенска, встречаются и на других листах летописи: именно так Нестор первоначально и именует население Новгородской земли.

Однако точно в такой же вокализации — «словене» — употребляется в Начальной летописи и собирательное понятие «славяне» для обозначения единоплеменников — русских, поляков, чехов, болгар, сербов, хорватов и других, — говорящих на родственных славянских языках. Подчас на одном и том же летописном листе встречается одно и то же слово в различных смыслах, и для современного читателя возникает неизбежная путаница. Например, Нестор пишет: «Словени же седоша около езера Илмеря [*кстати, здесь озеро Ильмень названо точно так же, как и в “Сказании о Словене и Русе” — по имени Ильмери — сестры легендарных князей*], и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, нарекошася северь. И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская». Совершенно ясно, что в первом предложении здесь имеются ввиду словени — бывшие жители Словенска, а ныне ставшие новгородцами. В последнем же предложении речь идет уже о славянах и общем для них славянском языке. Кроме того, данная фраза дает достаточно оснований для предположения, что некогда единый праславянский народ, говоривший на общем для всех праславянском языке, первоначально

обитал там, где воздвигнуты были города Словенск и Руса (в последствии Старая Русса), а Словен и Рус являлись предводителями того еще не расчлененного славянского племени: середина 3-го тысячелетия до новой эры вполне подходит для искомого времени.

М.В. Ломоносов как никто другой понимал подоплеку описываемых событий. В изданном еще при его жизни «Кратком Российском летописце с родословием» (1760 г.) великий русский ученый-патриот отмечал: «Прежде избрания и приходу Рурикова обитали в пределах российских славенские народы. Во-первых, новгородцы славянами по отменности именовались и город исстари слыл Словенском». Безусловно, тот факт, что «словене» были жителями и подданными древнего Словенска, основанного князем Словеном, хорошо было известно и Нестору, и его современникам. Но говорить об этом автор «Повести временных лет» не стал — побоялся или не посмел. Вот и пришлось подгонять историю под интересы заказчика. Почему у Нестора сохранилось косвенное упоминание о древнейшей русской столице в контексте прежнего прозвания новгородцев — «словене» (то есть подданные князя Словена и жители города Словенска, столицы Словенского княжества) — теперь остается только гадать. Были ли в самой Несторовой летописи какие-то другие подробности на сей счет, впоследствии соскобленные с пергамента бдительным цензором, вряд ли когда-нибудь удастся узнать. Скорее всего, — с учетом политической конъюнктуры — дополнительных подробностей не было, а случилась произвольная оплошность — случайно оговорился монах.

А может, и не случайно. Ведь «Повесть временных лет» — не бесстрастно повествовательное произведение, а остро полемическое и обличительное, что проявляется в особенности там, где православный монах обличает язычество или полемизирует с иноверцами — мусульманами, иудеями, католиками. Но не только! Вся Начальная летопись имеет ясно выраженную тенденциозную направленность. Ее автору необходимо было в первую очередь доказать первородство киевских князей и легитимность династии Рюриковичей.

Сделать это было не так-то просто: население Приднепровья да и всей России в целом свято хранило память о первых русских князьях — Русе, Словене, Кие, Аскольде, Дире и других. Поэтому приходилось прибегать к двум безотказным фальсификационным приемам — искажению и замалчиванию. С Кием, Аскольдом и Диром было проще — им было приписано не княжеское происхождение, и все сомнения в претензии Рюриковичей на киевский престол автоматически отпадали. Со Словеном и Русом было сложнее: оспаривать то, что являлось бесспорным было бессмысленно и смехотворно. Гораздо надежней было сделать вид, что ничего подобного и в помине не было. Авось со временем народ про то вообще позабудет.

Взглянем в данной связи еще раз на знаменитое вступление (зачин) к «Повести временных лет»: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача *первее* [выделено мной. — В.Д.] княжити, и откуда Руская земля стала есть» (см.: рис. 8). Большинству современных читателей видится в Несторовых словах набор из трех *вопросительных*, чуть ли не элегических предложений. В действительности же здесь никакие не вопросы, а безапелляционные *утверждения* (чуть ли не политические лозунги, понятные современникам Нестора). Кое-кто готов видеть в них поэтические повторы. На самом деле здесь налицо чисто риторические приемы, обусловленные полемическими потребностями. Нестору во что бы то ни стало

необходимо доказать, что киевские князья Рюриковичи *«первее»* на Руси кого бы то ни было. *«Первее»* в смысле *«раньше»* — вот оно главное, ключевое слово Несторова зачина да и всей летописи в целом.

Не все, однако, это правильно понимают, потому и переводят вместо «первее» (что вообще не требует никакого перевода) как «первым»: «Кто в Киеве стал первым княжить». То есть: «Кто был первым киевским князем» — вот и весь, дескать, вопрос. Ничего подобного! Казалось бы, нейтральный Несторов вопрос: «Кто в Киеве нача первее княжити» — имеет важнейший (хотя и скрытый) политический смысл и подразумевает окончание: «Кто в Киеве начал *раньше* княжить, чем в каком-то там Новгороде, то есть бывшем Словенске Великом». Потому-то и повторено еще раз почти дословно начальное утверждение, которое так и хочется прочитать: «Сейчас я вам разьясню, «откуда Русская земля стала есть» — «Отсюда, из Киева она стала есть, и ниоткуда более»!

Кстати, Киев поминается только в Лаврентьевском списке Несторовой «Повести». В Ипатьевской летописи начертано безо всякого упоминания Киева: «...Откуда есть пошла Руская земля, стала есть, и кто в ней почаль первее княжити». А Аскольд и Дир именуется здесь первыми киевскими князьями. Но, во-первых, это позднейшая приписка (она сделана перед Несторовым текстом), а, во-вторых, не меняет главной политической цели киевского летописания — доказать первенство Киева и его властителей на Русской земле и замолчать имена древних русских правителей — Словена и Руса.

Из всего вышесказанного становится понятным также и то на первый взгляд странное обстоятельство, почему «Сказание о Словене и Русе» мощным рукописным потоком вошло в обиход русской жизни, начиная только с XVII века. Почему так произошло — догадаться в общем тоже не трудно. В 1613 году на Земском соборе в Москве царем был избран Михаил Федорович Романов — представитель новой династии, правившей в России до 1917 года. Род Рюрика угас, и можно было уже не опасаться преследований и репрессалий за пропаганду крамольных сочинений, опровергающих официальную (в прошлом) точку зрения. Еще недавно за подобное вольнодумство можно было попасть на плаху или на дыбу, лишиться языка (чтобы не болтал) и глаз (чтобы не читали).

Уместно провести и такую аналогию. До XX съезда КПСС так называемое Ленинское завещание, известное более как «Письмо к съезду», считалось сверхсекретным документом. Тем не менее, оно тайно распространялось в списках, хотя за хранение, распространение или даже прочтение данного документа в годы массовых репрессий можно было попасть под «расстрельную статью». Причем самой поразительной в таких случаях была формулировка приговора: «... за чтение (хранение или распространение) *фальшивки*, именуемой Ленинским завещанием». Теперь эту «фальшивку» можно прочитать в любом собрании сочинений Ленина.

Ну, а как справлялись с инакомыслием, скажем, во времена Ивана III свидетельствует тот урок, который преподал государь всея Руси новгородцам, наглядно продемонстрировав отношение власть предержащих ко всякому вольнодумству. Когда многих православных жителей Великого Новгорода попутал бес и они в массовом порядке вдруг вознамерились принять иудейское вероисповедание (так называемая «ересь жидовствующих» — о ней подробно будет рассказано в 6-й главе), царь не стал дожидаться конца этой

странной истории и задушил ересь в колыбели: многих ее приверженцев заживо сожгли в срубах, остальных люто пытали, заставляя отречься от крамольных идей, затем отправили в ссылку.

В дальнейшем также мало что изменилось. Официозная история всегда защищалась всеми доступными властям способами. Любые посягательства на канонизированную точку зрения и отклонения от установленного шаблона беспощадно подавлялись. Разве не приговорил сенат к публичному сожжению уже в XVIII веке трагедию Якова Княжнина (1742—1791) «Вадим»? А почему? В первую очередь потому, что скудные сведения Никоновской (Патриаршей) летописи о восстании новгородцев во главе с Вадимом Храбрым против Рюрика и его семьи противоречили официальным придворным установкам. И так было всегда — вплоть до наших дней...

Воистину «Сказание о Словене и Русе» должно стать одним из самых знаменитых произведений отечественной литературы — пока же оно знаменито только тем, что известно узкому кругу скептически настроенных специалистов и неизвестно широкому кругу читателей. Восстановление попорченной истины — неотложное требование нынешнего дня!

* * *

Устные исторические свидетельства о стародавних временах (или, как их называл Пушкин, «преданья старины глубокой»), наподобие «Сказания о Словене и Русе», существовали у большинства славянских народов. Постепенно они стали записываться и включаться в хроники и летописные своды, призванные осветить историю того или иного народа, так казать *ab ovo* («от яйца»), то есть с исходного момента его зарождения. Безусловно, со временем устные этногенетические сказания такого рода не столько обрастали баснословными подробностями, сколько, наоборот, упрощались и превращались в устойчивые мифологемы. Сказанное относится и к праотцам-прародителям.

Например, в уже упоминавшейся «Великопольской хронике», составленной на основе древних устных первоисточников (наиболее ранний список ее латиноязычного текста относится к XV веку) о происхождении трех братских славянских народов говорится следующее:

«В древних книгах пишут, что Паннония [Придунайская историческая область, в настоящее время в основном относящаяся к территории Венгрии. – В.Д.] является матерью и прародительницей всех славянских народов, «Пан» же, согласно толкованию греков и славян, это тот, «кто всем владеет». <...> Все господа называются «Пан», вожди же войска называются «воеводами»; эти паннонцы, названные так от «Пан», как говорят, ведут свое происхождение от Яна, потомка Яфета. Из них первым, как утверждают, был этот могучий Нимрод [библейский великан, инициатор строительства Вавилонской башни. – В.Д.], который впервые стал покорять людей, братьев своих и подчинять своему господству.

Итак, от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй — Рус, третий — Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов... <...> У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут

начало от одного отца Слава [еще один праотец! – В.Д.], откуда и славяне. Они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др. Утверждают, что от этого Слава произошел Нимрод. Нимрод по-славянски означает Немержа, что и понимается по-славянски как «Не мир»...»

Аналогичные сведения можно найти и у других авторов — в частности, у чешских хронистов. В ряде хроник указано и направление, откуда прибыли праотцы. Это — Балканы, точнее — Хорватия. В любом случае юг, а не север. Первоначальные миграции нерасчлененных индоевропейцев и прапредков славян происходили значительно раньше и в дошедших до нас письменных летописных источниках не отражены (за исключением библейской мифологемы послепотопного расселения народов).

О том, что славяне активно распространялись по различным евразийским направлениям свидетельствуют и открытия недавнего времени. Они принадлежат известному британскому историку Ховарду Риду и касаются — ни больше, ни меньше — самого символа раннего британского средневековья и любимого персонажа рыцарских легенд — короля Артура, хозяина знаменитого Круглого стола. Так вот, Ховард Рид установил, что Артур был славяно-русский князь, который во 2-м веке нашей эры вместе со своей дружиной, входившей в состав войска римского императора марка Аврелия, переправился с континента на Британские острова. До этого Артур являлся предводителем одного из южнорусских славянских племен, прославившегося своими высокими и белокуроыми всадниками, наводившими ужас на степных конкурентов.

Кавалеристы Артура в качестве 8-тысячного (!) «варварского» вспомогательного отряда были взяты на имперскую службу, участвовали во многих сражениях, а после покорения (точнее — временного замирения) Британии остались на ее территории. Основными аргументами Ховарда Риды в пользу своей оригинальной гипотезы являются: введение в оборот ранее не публиковавшихся фрагментов поэмы Гальфрида Монмутского о короле Артуре, а также сравнительный анализ символики — из древних захоронений на территории России и на рисунках знамен, под которыми сражались воины легендарного Артура, в действительности — русского князя.

* * *

Вехи славянской истории 1-го тысячелетия новой эры неотделимы от обще мирового процесса. Лучше всего это понимали славянские летописцы, регулярно сверявшие свои хронографические записи с событиями, происходившими параллельно на Востоке и Западе и еще раньше — в библейские времена. И первым среди равных был отечественный историк №1 — Нестор-летописец.

Нестор — не просто хронист, протоколно записывавший события. Он — и первостатейный русский писатель, и мыслитель высочайшего ранга, которого от начала до конца занимал вопрос о месте Руси в мировой истории. По существу Нестор — первый русский философ-космист. Вопрос, который ставит летописец, «Откуда есть пошла Русская земля» — не просто исторический и даже не историософский, это воистину вселенский вопрос: происхождение Земли русской неотделимо от происхождения всех племен и народов в библейском контексте истории мира и человека. Поражает и сама

летописная концепция: не хроника или изложение событий, но — Повесть временных ("временных") лет. Тем самым русская история предстает составной частью того общего временного процесса, где Время-Хронос — важнейший атрибут Космоса и выражает его движущее, текучее начало. Поразительно также удвоение времени в летописном заглавии: два синонима «время» и «лета» образуют динамичное и всеохватывающее словосочетание «временные лета», создающее эффект неисчерпаемого временного движения, даже — полета («лета» от слова «лететь, откуда — «полет»).

Безусловно, главная ценность Несторовой летописи состоит в том, что это основной (а во многих случаях — единственный) источник наших сведений о предыстории и ранней истории Руси. Начало русского народа и всего славянского племени автор "Повести временных лет" вел от сына легендарного библейского Ноя — Иафета, которому после потопа достались северные («полунощные») страны. Между прочим, если быть строго объективным и следовать букве и духу Начальной летописи, то так называемый потоп (а точнее, катастрофический катаклизм, который когда-то перетасовал языки и народы) и есть подлинная точка отсчета русской истории, ибо первые слова, начертанные летописцем, (после знаменитого зачина-вступления) — "по потопе", то есть "после потопа". И далее Нестор разворачивает грандиозную, в духе библейских традиций, картину возникновения славяно-русского пестроцветия и распространенных в стародавние языческие времена традиций.

У других славянских народов в разные времена тоже были свои несторы. Так, родоначальником чешской историографии считается Козьма Пражский (ок. 1045—1125) (рис. 76). У поляков это — Галл Аноним (не позже начала XII века), названный так по причине полного отсутствия сведений о его жизни. Сводную информацию о древнейшей польской истории, в том числе и на основе не дошедших до нас источников, дают также замечательная плеяда историков польского Возрождения — Ян Длугош (1415—1480), Мацей Меховский (1457—1523), Марцин Бельский (ок. 1495—1575), Мацей Стрыйковский (1547— после 1582), а также цитированная выше анонимная Великопольская хроника. Множество летописцев фиксировали события в других славянских странах — Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении и др.

Пересказывать стародавние летописные памятники — задача неблагоприятная и абсолютно невыполнимая: во-первых, из-за необъятности материала, во-вторых, потому что пересказ первоисточника никогда не может быть лучше самого оригинала. И все же на одном из важнейших событий славянской истории и его освещении различными хронистами и летописцами хотелось бы остановиться более подробно. Речь идет об обретении восточными славянами письменности — той самой, на которой написана и напечатана настоящая книга. Грамоте славяне разумели и раньше: грамотеи писали на латыни и по-гречески, имелось у них и свое письмо, про что прямо говорится в хрестоматийном трактате по истории славянской письменности, принадлежащем перу болгарского православного монаха (черноризца) Храбра и поименованному «Сказание о буквах (письменах)»:

«Ведь сперва славяне не имели букв, но читали и гадали с помощью черт и зарубок (резов) [выделено мной. — В.Д.], будучи язычниками. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами без правил...»

(Перевод Д. Польшанного)

Да и в каноническом Житии Кирилла и Мефодия рассказывается, как в Херсонесе (Корсуни) Кириллу удалось найти Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, а также человека, говорившего этим языком. Беседа с ним, будущий создатель славянской письменности научился русской речи и вскоре начал читать и объяснять найденные книги. Это поразительное известие!

Почему никаких связных текстов, написанных с помощью резцов, или докирилловских русских книг до наших дней не сохранилось — вопрос особый. Отдельные надписи разного качества хорошо известны, существует даже целое научное направление, связанное с их дешифровкой. Другая проблема связана с так называемой «влесовицей» — письмом, на котором создана не признаваемая официальной и официозной наукой «Велесова книга» («Влескнига»). Рассмотрение этих во многом сугубо специальных вопросов не входит в мою задачу. Однако и появление современной славянской письменности, заслуга в создании и распространении которой среди восточных и южных славян принадлежит Кириллу и Мефодию (рис. 77), также представляет значительный интерес. Посмотрим на данную проблему сквозь призму российской истории.

В каком году пришла на Русь славянская письменность? Кто, не задумываясь, ответит на этот вопрос? Не задумываясь — должно быть, не всякий, а подумав — наверное, каждый сообразит, что о подвижнической деятельности Кирилла и Мефодия во славу славянской культуры говорится в самой древней русской летописи — «Повести временных лет». Под каким же годом? Откроем бессмертное творение черноризца Нестора, дабы убедиться, что перед нами ... одна из заманчивых загадок русской и славянской истории!

Солунские братья Кирилл (в миру Константин) и Мефодий составили первый вариант славянской письменности незадолго перед своей миссионерской поездкой в Моравию в 863 году (рис. 78). Отсюда же началось постепенное распространение — сначала глаголицы, а затем и кириллицы в православные страны — Болгарию, Сербию, Россию. На Руси, согласно летописным данным, новая азбука стала утверждаться, начиная с 898 года, то есть спустя четверть века. Именно под этим годом зафиксировал важнейшее для судеб русского народа событие Нестор-летописец.

Что же за год это такой — 898-й (или — лето 6406-е от Сотворения мира)? В общем-то достаточно заурядный — не случилось то, что неизбежно когда-нибудь должно было случиться. На Руси шел 12-й год правления князя Олега, прозванного в народе Вещим. О его смерти от «коня своего» (в 912 году) каждый помнит с детства по хрестоматийной пушкинской балладе. Олег начал княжить в 879-м году в качестве регента при малолетнем сыне Рюрика — Игоре. (О последнем, кстати, хотя он и считался он законным преемником своего отца Рюрика, до самой смерти регента в летописи практически ничего не сообщается, кроме женитьбы, которую устроил все тот же Олег. В знаменитом договоре Олега с греками 912 года, заключенного после капитуляции византийцев нет ни слова о князе Игоре — номинальном властителе Киевской Руси, опекуном коего был Олег.). Блистательное правление Вещего князя продолжалось целых 33 года. Именно при нем Русь стала мировой державой: ее границы простерлись от моря и до моря, а княжий щит красовался над воротами поверженного Царьграда. И именно в эти годы

русский народ обрел величайшее свое сокровище, по значимости превосходящее силу любого оружия, — *письменность!*

Факт, не подлежащий сомнению: летописная статья о создании славянской письменности сопряжена в «Повести временных лет» с правлением князя Олега Вещего, который ни при каких условиях не мог быть непричастным к сему воистину эпохальному событию отечественной истории, сравнимом разве что с принятием христианства.

Так почему же не славят Вещего князя за столь великий подвиг, не ставят ему памятники по всей Русской земле? И о достославном деянии вообще ничего не говорится в летописи. Почему? Быть может, говорилось раньше, но затем исчезло? По какой причине? Такое беспокойство вовсе не безосновательно. Как известно, в Несторовой летописи исторические сведения по многим годам отсутствуют вообще. Например, из 33-х лет правления Олега Вещего 21 хронологическая позиция оказывается пустой: цифрами обозначены только даты, а информации никакой. Отчасти это можно объяснить утерей листов первичного текста — но только отчасти. Во всяком случае ничего общего с истиной не имеет мнение отдельных историков, что в течение пропущенных лет на Руси, дескать, ничего существенного не происходило. Ой ли! Скорее всего, наоборот: именно в эти годы произошло нечто такое, что заставило цензоров пустить в ход свою живодерную прыть. Не приходится особенно сомневаться, что большинство летописных лакун наверняка представляют собой следы бесславной деятельности позднейших редакторов и правщиков, с остервенением изымавших и уничтожавших в угоду правящим властям и по их прямому заданию обширные фрагменты текста. Так было всегда, и за примерами далеко ходить не надо.

Передо мной лежит томик публицистики Ивана Бунина «Окаянные дни», изданный в Туле в 1992 году, интересный не своим составом или полнотой, а другим: в нем курсивом выделены те места (в ряде случаев целые страницы), которые ранее считались «крамольными» и безжалостно купировались редакторами и составителями (в том числе и многотомных собраний сочинений), хотя касались таких светил литературы XX века, как Горький, Блок, Есенин, Маяковский, Алексей Толстой и др. Точно также поступали и с летописью Нестора: в ней изымались целые листы ранее написанного текста или же соскабливались с пергамента неудобные имена и факты.

Так что, думается, неспроста, перед летописной статьей, посвященной деятельности Кирилла и Мефодия, в «Повести временных лет» отсутствуют сведения по 10 годам правления князя Олега, а после нее пропущены еще 3 года. Попробуем же поразмыслить над этим фактом. Понятно, что никакого «самотека» в принятии и распространении славянской письменности (сначала глаголицы, быстро сошедшей на «нет», а затем и кириллицы) на Руси не было. Требовалось государственное решение, верховная поддержка, мудрость и воля авторитетного правителя. Именно таким и являлся князь Олег. Однако распространение славянской азбуки шло на христианской основе, связанной с переводом на русский язык священных и богослужебных книг. Олег же Вещий был язычником, более того, верховным волхвом и магом. Как установили специалисты-филологи, прозвище Олега — «вещий» — во времена Нестора отнюдь не означало «мудрый», а относилось исключительно к его склонности к *волхованию*. Другими словами, князь Олег был не только верховным правителем и предводителем дружины, но одновременно выполнял

функции жреца, волхва, кудесника, чародея. За то, с точки зрения христианского летописца, и постигла его Божья кара — смерть «от змеи».

Потому-то совсем нетрудно "вычислить", отчего такая нелюбовь к Олегу-язычнику у христианских цензоров, «редактировавших» первоначальный текст «Повести временных лет». Видимо, в утраченных статьях достаточно подробно говорилось о его жреческой деятельности. Надо полагать, суровый князь-жрец и волхв, облаченный властью, не слишком потакал христианским миссионерам, которые пытались проникнуть на подвластные ему территории. Как вообще относились в те времена к христианским проповедникам славяне-язычники, хорошо известно из западноевропейских хроник. Балтийские славяне до обращения их в христианство расправлялись с католическими миссионерами жесточайшим способом. Не приходится сомневаться, что борьба не на жизнь, а на смерть происходила и на территории Руси. Возможно, не последнюю роль играл в этом и князь-жрец Олег. Но в том-то и состоит величие Олегова деяния: оставаясь непреклонным язычником, он сумел разглядеть в славянской письменности, созданной двумя христианскими монахами, спасительный свет маяка на пути дальнейшего цивилизационного развития Российской Державы.

Вычеркнутое из летописей, невозможно было вытравить из памяти народной. Образ Вещего князя воплотился в таинственного былинного богатыря Вольгу, чьи имена — (В)ольга и Олег — фактически совпадают. Кроме того, в некоторых вариантах былины Вольга именуется Волх(в)ом, в полном соответствии с точным смыслом прозвища князя Олега Вещего:

*...А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветил светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молодой Волх Всеславьевич:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индейское,
А и синее море сколыбалося...*

Происхождение исторического Олега Вещего — сплошная загадка. В «Повести временных лет» он назван родичем Рюрика («от рода ему суща»). В утраченной Иоакимовской летописи (дошедшей, как уже говорилось выше, в пересказе В.Н. Татищева) уточняется: Олег — шурин, то есть брат одной из Рюриковых жен (другому доверять сына-наследника было рискованно). Он же подыскал впоследствии и жену Игорю на Псковщине. Звали будущую русскую святую Прекраса. Но Олег по какой-то причине переименовал ее в соответствии с собственным именем — Ольгой (у Нестора она поименована еще и Вольгой). В Иоакимовской летописи также подчеркивается: была Ольга-Прекраса не простого звания, а из Гостомыслова рода (Татищев в примечании уточняет: Ольга — внучка Гостомысла и родилась от его старшей дочери где-то под Изборском). Гостомысл же — новгородский старейшина (воевода), который, находясь в преклонных годах и не имея прямых наследников по мужской линии, пригласил на княжение в Новгород своего зятя Рюрика.

Неожиданный свет на все загадки и нестыковки проливает известие Типографской летописи, названной так потому, что один из ее наиболее известных списков первоначально принадлежал Синодальной

типографии. Здесь прямо сказано, что будущая княгиня Ольга была родной дочерью Олега Вещего. В таком случае встает вопрос о степени родства и правах наследования власти между Гостомыслом и Олегом. Если принять интерпретацию Татищева: Ольга — Гостомыслова внучка от его старшей дочери, то неизбежно выходит, что отец этой дочери и есть вещий Олег. Следовательно, по правам своим Олег сравним с любым из представителей рода Рюриковичей. Этому нисколько не противоречит летописное сообщение о том, что Олег был родичем Рюрика, так как родственником можно быть и по линии жены. Тем самым не прерывался и род новгородского старейшины Гостомысла — главного инициатора приглашения в правители Рюрика.

Смерть Олега окутана такой же непроницаемой тайной, как и его жизнь. Легенда о "гробовой змее", вдохновившая Пушкина, — лишь часть этой загадки. В отношении смертельного укуса змеи давно уже высказывалось сомнение: в Приднепровье нет таких змей, чей укус в ногу, мог бы привести к смерти. Чтобы человек умер, гадюка должна укусить по меньшей мере в шею и прямо в сонную артерию. "Ну, хорошо, — скажет иной читатель с богатым воображением. — Для такого случая те, кто замыслил изощренное убийство князя, могли специально приобрести какого-нибудь заморского "аспида" и заранее спрятать его в черепе любимого Олегова коня". Но загадка смерти князя заключается совсем в другом.

Дело в том, что в Новгородской Первой летописи младшего извода (в отличие, к примеру, от Лаврентьевской) история смерти Вещего Олега излагается иначе. Чтобы не быть голословным, процитирую данный фрагмент полностью: *"И прозваша и [так!] Ольга вещии; и бяху людие погани иневегласи. Иде Олег к Новугорорду, и оттуда в Ладозу. Друзии же сказуют, яко идущю ему за море, и уклюну [укусила] змиа в ногу, и с того умре: есть могила его в Ладозе"*. В этих трех строчках целый букет невероятных загадок. Оказывается, умер князь Олег в Ладозе по дороге в Новгород. Напомню, согласно Ипатьевской летописи, Старая Ладога — первая столица (еще до Новгорода и Киева) Державы Рюриковичей. Именно здесь и похоронили Олега, коему прямые потомки Рюрика обязаны укреплением собственной власти и распространением ее на другие русские земли. Здесь же и его могила, которую, кстати, экскурсоводы показывают немногочисленным туристам и поныне (правда, археологические раскопки на сем месте не производились, и сама "могила" носит, скорее, символический характер). Далее: новгородский летописец не отрицает смерти Олега от укуса змеи, но делает важное уточнение, которого нет у Нестора: змея укусила ("уклюнула") Олега не на днепровском или волховском берегу, а "за морем"! Действительно, "за морем" — но только не Балтийским (Варяжским) или Белым — есть немало змей (не чета нашим гадюкам), от укуса которых можно скончаться на месте. В Новгородской летописи однако сказано, что после укуса Олег "разболелся". Если совместить Несторову летопись с Новгородской, то получится: князя привезли из-за моря смертельно больным, и он пожелал умереть на родине.

В таком случае возникает вопрос: за каким таким далеким и теплым морем пребывал князь Олег и что он вообще там делал? В общем-то на сей счет гадать особенно не приходится: путь "из варяг в греки" был проложен давно и шел он через Черное море в Византию. Олег не раз бывал в Царьграде, здесь он подписал (и именно в год смерти) и свой знаменитый договор с греками. Так не подпустили ли русскому князю хитроумные потомки Одиссея "аспида" вместе с текстом договора? Впрочем, излюбленным орудием

византийцев при расправе с неугодными был и обыкновенный яд: его подсыпали в пищу или накапывали в вино. Ну, а потом уже все можно было свалить и на "аспида". Но и на этом загадки Олеговой смерти не исчерпываются, ибо ее конкретные даты в Новгородской и Несторовой летописях абсолютно не совпадают. Разница — трудно поверить! — в целых десять лет: по Нестору Олег умер в лето 6420-е (912-й год), а согласно Новгородскому летописцу — в лето 6430-е (922-й год). Как прикажете понимать? И кому прикажете верить? Лично я верю Новгородской летописи.

Деяния Олега Вещего как верховного правителя созданной им Державы — сплошная череда героических подвигов, которая увенчалась беспримерными историческими событиями в истории Руси: и тем, что вещий князь прибил щит победителя над воротами Царьграда, и тем что именно во время его правления получила хождение русская азбука. После его смерти процесс дальнейшего формирования Державы Рюриковичей сделался уже необратимым. О бесспорных заслугах в этом деле Вещего Олега, думается, лучше всего сказал Н.М. Карамзин: «Мудростью Правителя цветут государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежную опору в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравниться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное». Сильно сказано! И главное — правильно! Вот только где же эти герои в наши дни? Где созидатели? К несчастью, последнее время у нас перед глазами мелькали одни разрушители...

Так склоним же голову в знак неоплатной признательности перед великим сыном Земли Русской — Вещим Олегом: одиннадцать веков назад князь-язычник и воитель-жрец сумел подняться над собственной религиозно-идеологической ограниченностью во имя культуры, просвещения и великого будущего народов России, которое стало неизбежным после обретения ими своего священного сокровища — славянской письменности и русской азбуки.

* * *

С просветительской деятельностью Кирилла и Мефодия также связано немало загадок русской и славянской истории. Взять хотя бы путешествие Кирилла (в миру Константина) по Руси, которое предшествовало факту создания славянской письменности. В "Житии Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа" (известном в 48 списках) рассказывается о его путешествии (еще до создания славянской азбуки) по землям Хазарского каганата, где он, помимо проповеди христианства и всего прочего, овладел древнееврейским языком. Как станет понятно ниже, это оказалось немаловажным и для общения с язычниками, выходцами из Гипербореи. Да-да, не улыбайтесь: явственные следы Гипербореи обнаруживаются в каноническом древнерусском житии, когда в нем заходит речь о таинственном «тульском народе», с которым Кирилл-Константин столкнулся где-то на обратном пути из Хазарии в Византию. Привожу этот исключительно интересный фрагмент жития полностью:

"Был же в народе фульском большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Александр, — и женскому полу не позволяли ни подходить к нему, ни (прино-сить) жертвы. И когда услышал о том Философ, не пожалевав трудов, направился к ним. И, став среди них, сказал.

«Элины пошли на вечные муки, поклоняясь [как Богу] небу и земле, столь большим и добрым творениям. Так и вы, кто столь убогому созданию, дереву, приготовленному для огня, поклоняетесь, как избежать можете вечного огня?». Отвечали они: «Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли, и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди. И как мы то совершим, что не дерзнул никто из нас совершить? Ведь если кто и дерзнет сделать это, тогда же и смерть узрит, а дождя уж не увидит до (самой своей) кончину».

Отвечал же им Философ: «Бог о вас говорит в Книгах, как же вы его отвергаете? Ведь Исайя от лица господня вопиет, говоря: «Иду я собрать все племена и народы, и придут, и увидят славу мою, и положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, и на острова дальние, где не слышали моего имени, и возвестят славу мою народам». И снова говорит господь вседержитель: «Вот пошлю я рыболовов и охотников многих на холмах и скалах каменных изловить вас». Познайте, братья, Бога, сотворившего вас. Вот — Евангелие нового завета Божьего, в котором были вы крещены». И так, сладкими словами уговорив, приказал им срубить дерево и сжечь его. Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать евангелие, а за ним и все (остальные). И, взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву, и, взяв топор, ударил Философ тридцать три раза, и приказал всем срубить с корнем и сжечь его. В ту же ночь пошел дождь от Бога. И с радостью великою похвалили Бога, и Бог сильно возрадовался этому».

(Перевод Б.Н. Флори)

Сразу же обращаю внимание на разночтения — Туле и Фуле? В греческом языке топоним-символ таинственного и недостижимого Севера, пишется через «тету» и воспроизводится в разных языках по-разному — и как Туле (Тула), и как Фуле (Фула). В русском языке принята одновременно и та и другая вокализация. Например, название знаменитой баллады Гёте, написанной им в 25-летнем возрасте и впоследствии включенной в 1-ю часть «Фауста», переводится нынче исключительно как «Фульский король». В немецком же оригинале четко значится «т»: *“Es war ein König in Thule...”* (дословный перевод: «[Жил]-был [один] король в Туле»). В «Фаусте» эту балладу напевает беззаботная Маргарита, еще не ведающая о своей несчастной судьбе. Между тем во практически во всех переводах «Фауста» (а их на русском языке насчитывается до десяти), включая классические переводы В. Брюсова, Н. Холодковского и Б.Пастернака *Thule* передается либо как Фуле, либо как «фульский», хотя в оригинале Гёте прилагательное не употребляется. Лишь Афанасий Фет, который также перевел обе части «Фауста» поставил в точном соответствии с оригиналом Туле (через «фиту»), но его перевод не переиздавался с конца XIX века. Через «ф» — Фула — обозначается загадочная северная земля и в последнем переводе «Географии» Страбона; в остальных случаях чаще пишется Туле (Тула).

Что же это за такой — "тульский народ"? Никто и никогда толком объяснить не мог — ни богословы, ни ученые-комментаторы. Высказывались робкие предположения, что, возможно, "фульцы" имеют какое-то отношение к таврическому городу Фулле (в районе современного Коктебеля), где непродолжительное время процветала греческая колония. Но такая версия ничего не прибавляет к знанию (точнее — к незнанию) о загадочном "тульском

народе", ибо в житии о нем говорится как о народе языческом, а в Фулле находилась христианская община и одно время даже существовала собственная епархия. Кроме того, в Житии Константина говорится не о жителях города, а о целом народе, на худой конец — о некрещенном племени дендропоклонников (между прочим, в болгарском тексте Жития именно так и сказано — "племя", а не "народ").

Я бы рассудил иначе: не "фульское племя" названо так по имени греческого города Фуллы, а наоборот — византийская колония (просуществовавшая здесь сравнительно недолго) получила название по местности, издревле (во всяком случае до появления здесь греков) занимаемой никому не известным "тульским народом". Вот только почему неизвестным? Очень даже известным! Туле (откуда и "тульский народ") — это автохтонное название Гипербореи — древнейшей северной территории в акватории Ледовитого океана и праматери мировой цивилизации, которая погибла в результате глобального катаклизма и резкого похолодания не позднее 12-го тысячелетия до н.э. Уцелевшие гиперборейцы-тульцы (в основном с окраинных континентальных территорий) постепенно мигрировали с Севера на Юг, где положили начало многим современным культурам и народам. Одним из осколков гиперборейцев-тульцев и был поклонявшийся священному дубу "тульский народ", с которым Константин-Философ столкнулся на обратном пути "из хазар в греки". Именно после этого общения с носителями и хранителями древней гиперборейской культуры Кирилл и занялся созданием славянской письменности и русской азбуки. О чем сие говорит? Выводы делайте сами...

Что касается поклонения деревьям, то, как уже говорилось в предыдущей главе, оно сплошь и рядом было распространено среди многих народов Европы, включая славян, еще до недавнего времени (пережитки таких языческих верований кое-где сохранились и поныне). В знаменитой книге уже неоднократно упомянутого византийского историка Прокопия Кесарийского «Война с готами» также содержится подробнейшее описание «острова» Туле (Фуле):

«Этот остров Фула очень большой. Полагают, что он в десять раз больше Британии (Ирландии). Он лежит от нее далеко на север. На этом острове земля по большей части пустынна, в обитаемой же части живут тринадцать племен., очень многолюдных, и у каждого племени свой царь. Здесь каждый год происходит чудесное явление. Около летнего солнцезаворота в течение приблизительно сорока дней солнце здесь никуда не заходит, но в течение этого времени непрерывно сияет над землей. Но (не меньше) месяцев

* Житийный рассказ о «тульском народе» представляет собой типичную механическую вставку в старославянский текст, слабо увязанной с предшествующим и последующим изложением. Чисто формально она оказалась сопряженной и о посещении Кириллом-Константином Херсонеса при возвращении в Царьград, хотя именно это и породило предположение, что «тульский народ» обитал обязательно на Таврическом полуострове. Если же отнестись к загадочному фрагменту как ко вполне самостоятельному тексту, то из него совсем не следует, что «тульцы» проживали в Крыму. Владения Хазарии простирались вплоть до центральных областей современной России, и, следовательно, «тульский народ» мог проживать где угодно. Хазарский маршрут Константина-Философа в его Житии очерчен предельно общо, потому-то и столкнулся с «тульцами» будущий создатель славянской письменности мог где угодно. Кроме того, развесистый одинокий дуб — для Крыма дерево не характерное, черешня же, хотя теплолюбивое растение, произрастает вплоть до Прибалтики.

через шесть после этого, около зимнего солнцезаворота, дней сорок солнце совсем не показывается над этим островом и он погружен в непрерывную ночь. [Точнейшее описание полярных дня и ночи, к примеру, на широте северной оконечности Кольского полуострова или Новой Земли. — В.Д.]. Это время живущие здесь люди проводят в полном унынии, так как они не имеют никакой возможности тогда сноситься друг с другом. Лично мне отправиться на этот остров, чтобы своими глазами увидеть то, что мне рассказывали, хоть я и очень старался, никак не удалось».

(Перевод С.П. Кондратьева)

По Проконию, древние тульцы «не носят одежды, не ходят в обуви, не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания посредством возделывания земли». Они не пахут земли, мужчины и женщины заняты только охотой.

«Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и другими животными, а равно и горы, которые поднимаются там. Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных, а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспособления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело. И их младенцы вынянчиваются у них не так, как у остальных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским молоком, и сосут они не материнскую грудь, но выкармливаются только мозгом пойманных животных. Как только женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь дереву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих варваров.

Но другие жители Фулы, можно сказать, все, не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким божествам, считающимся, что они находятся в водах источников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы, приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который был их первым военнопленным».

Но вернемся к "Житию Константина-Философа" и проповеди будущего святого и равноапостольного Кирилла среди "тульского народа", который вполне можно именовать попросту — *туляками* (название русского города Тула того же происхождения). Будущий создатель славянской письменности прямо напоминал тульцам-тулякам об их гиперборейском происхождении, ссылаясь на библейскую Книгу пророка Исаяи (Ис. 66, 19), где среди "дальних островов" упоминается и легендарная Фула (Тула). Правда в каноническом переводе Библии этот топоним читается, как Пула. Это объясняется тем, что перевод Библии на современный русский язык сделан не древнееврейского оригинала, а с греческого, где много неточностей (например, в том же ветхозаветном отрывке, среди перечисления древнейших стран и народов выпал этноним *мосох*, родоначальник которого, внук Ноя — Мосох, считается праотцем *московитов*). Кирилл же пользовался древнееврейским оригиналом Ветхого Завета (вот где пригодилось знание иврита, выученного в

Хазарии!), и поэтому библейские цитаты в Житии оказались более точными, чем в современном переводе. Между прочим, ссылаясь на книгу другого ветхозаветного пророка — Иеремии (*Иер. 16, 16*), — Кирилл напоминает "тульскому народу" о местах, где он жил когда-то — "холмах и скалах каменных" (это — снова из древнееврейского оригинала; в современном русском переводе добавлены еще "ущелья"). Имеет ли "тульский народ" какое-либо отношение к народу русскому? Вполне! Во-первых, наверняка общие (гиперборейские) корни. Во-вторых, (если уже говорить о времени создания славянской письменности) в Житие "тульский народ" попал совсем не случайно, а в контексте создания русской азбуки. "Тульский народ" ("тульцы"), как они описаны в Житии Кирилла — типичное мужское братство, поклоняющееся священному дубу и не посвящающее в сакральное таинство женщин. Дуб здесь — своеобразный патриархальный символ и одновременно архаичный пережиток древнего тотемизма.

Подвиг Кирилла и Мефодия во славу русской и славянской культуры не имеет себе равных. Прекрасно сказал поэт и ученый Николай Лисовой:

*Нам — стать на страже Имени Святого,
На страже духа — каждый день и час.
Славяне мы — родник Живого Слова
И правды Отчей, отраженной в нас.*

ГЛАВА 5 ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

За долгое время своего исторического существования славяне познали величие и унижение, славу и бесславие, рассветы и закаты, падение и возрождение. Осознание историчности, то есть своей неразрывной связи с прошлым (особенно — с его знаменательными моментами), играет непреходящую роль в жизни любого народа. Понимание неотделимости собственной судьбы от судьбы предков формирует патриотическое сознание разных поколений и укрепляет связь между ними. Некоторые исторические события способны воодушевлять и непрерывно подпитывать мощной энергией целые народы и отдельных людей независимо от того сколько веков протекло с тех давних пор.

Когда страна процветает, а кормила власти находятся волевые энергичные предводители, способные воодушевить и объединить людей, всегда найдутся вдохновенные слова для прославления великих деяний и их творцов. Примером может служить похвала князю Ярославу Мудрому (нареченному в святом крещении Георгием), произнесенная на Пасхальной неделе 1051 в киевском Софийском соборе первым русским митрополитом Иларионом и вошедшая впоследствии в текст «Слова о законе и благодати» — шедевра древнерусского ораторского искусства и философско-художественной прозы:

«Доброе же весьма и верное свидетельство <тому> — и сын твой Георгий, которого соделал Господь преемником власти твоей по тебе, не нарушающим уставов твоих [здесь и далее Иларион обращается к покойному князю Владимиру Святому — крестителю Руси. — В.Д.], но утверждающим, не сокращающим учреждений твоего благоверия, но более прилагающим, не

разрушающим, но созидającym. Недоконченное тобою он докончил, как Соломон — < предпринятое > Давидом. Он создал дом Божий, великий и святой, <церковь> Премудрости его,— в святость и освящение граду твоему, — украсив ее всякою красотою: и золотом, и серебром, и драгоценными камнями, и дорогими сосудами. И церковь эта вызывает удивление и восхищение во всех окрестных народах, ибо вряд ли найдется иная такая во всей полунощной стране с востока до запада.

И славный град твой Киев он окружил величием, как венцом, и народ твой и град святой предал <в покровительство> скорой помощнице христианам Пресвятой и Преславной Богородице, которой на Великих вратах и церковь воздвиг во имя первого Господского праздника — святого Благовещения, чтобы приветствие, возвещенное архангелом Деве, прилагалось и к граду сему. И если той < возвещено было>: «Радуйся, благодатная! Господь с тобою!», то граду: «Радуйся, град православный! Господь с тобою!»

Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! Ибо не умер ты, но спишь до всеобщего восстания. Встань, не умер ты! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, < который есть > жизнь, дарованная всему миру. Отряси сон <свой>, возведи взор и узришь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там. <на небесах>, и на земле не без памяти оставил в сыне твоем. Встань. посмотри на чадо свое, Георгия, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, что Господь извел от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей — и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри же и на благоверную сноху твою Ирину, посмотри на внуков твоих и правнуков; как они живут, как хранимы Господом, как соблюдают правую веру, данную <им> тобой, как прилежат к святым церквам, как славят Христа, как поклоняются имени его.

Посмотри же и на град <твой>, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий и <ими> освящаемый, фимиамом благоухающий, славословиями божественными <исполненный> и песнопениями святыми оглашаемый. И, все это видев, возрадуйся и возвеселись и восхвали преблагого Бога, устроителя всего!»

(Перевод диакона Андрея Юрченко)

Великие создатели Российской Державы одновременно с ее расцветом ковали и ее славу — в геополитическом утверждении среди других стран Востока и Запада, в ратных делах и победах, в строительстве храмов и городов, в поощрении просвещения, науки и искусства. Золотыми буквами в анналы писаной русской истории конца 1-го и начала 2-го тысячелетия занесены имена выдающихся правителей — Олега Вещего, княгини Ольги и ее сына Святослава, Владимира Святого и Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Александра Невского.

Всеевропейскую значимость имела история других славянских народов (рис. 79). Примерно с 830 по 906 годы на реке Морава в бассейне Дуная процветала Великоморавская держава (рис. 80), откуда усилиями Кирилла и Мефодия началось распространение славянской письменности. В дальнейшем на северо-западе Великой Моравии возникло другое самостоятельное государство — Чехия (рис. 81), внесшее значительный вклад в развитие славянской культуры. Во все времена, начиная с X века, блистала в ожерелье

славянских народов своенравная и пассионарно заряженная Польша (рис. 82). На Балканах соперничал с Византией другой народ-пассионарий — болгары, образовавшиеся от слияния кочевых тюркских племен и оседлых славян. При царе Симеоне (правил с 893 по 927 гг.) границы Болгарского государства простирались почти до Константинополя (рис. 83). Однако в 1018 году Болгария оказалась под властью византийского императора. На западе Балкан строили свою государственность сербы, хорваты, словенцы (хорутане) (рис. 84). На побережье Балтийского моря отчаянно сопротивлялись германской агрессии и католической экспансии полабские славяне (поморяне) — лужичане, лютичи, ободриты, руяне (рис. 85).

* * *

Однако в истории каждого народа бывали такие черные даты, которые по прошествии многих и многих лет по-прежнему продолжают угнетать сознание и парализовать волю. Сказанное более чем наглядно видно на примерах колоссальных поражений, связанных с историей разных славянских народов. С победами, которых тоже было не мало, всё ясно — о них слагаются песни, победители превращаются в национальных героев, им воздвигают памятники, а благодарные соотечественники называют их именами новорожденных детей. Но и о поражениях также слагаются песни, создаются эпические произведения, наподобие бессмертного "Слова о полку Игореве". Вообще-то геройство в определенной мере предопределено: оно является не волей случая, а даром судьбы. Герой появляется, обладая уже всеми необходимыми задатками, еще до того, как одержит свою будущую победу или совершит подвиг. По существу можно даже утверждать: нет героя — не будет и победы.

Народ может воодушевить либо великая личность, либо великая идея, которая становится материальной силой, когда овладевает массами, но опять-таки — обязательно при помощи пассионарной личности. Если нет ни того, ни другого — вместо побед будут одни поражения, на долгие годы и века способные обернуться трагедиями для целых народов. Таковыми в свое время было разгром сербов турками в битве на Косовом поле 15 июня 1389 года или чехов армией Габсбургов в сражении на Белой Горе под Прагой 8 ноября 1620 года. Такую же трагическую роль сыграла в конце XIV века вереница поражений болгар от турецких полчищ, обернувшаяся почти пятивековым османским игом.

Эти события оставили неизгладимый след в жизни покоренных народов, порождая не только отчаяние, но и стойкость духа, готовность к сопротивлению. Герои, сложившие голову за независимость Родины, продолжали жить в народных сказаниях и песнях, обретая эпические черты былинных богатырей. Любимый герой сербского народа Марко-королевич (рис. 86) как историческая личность был абсолютно малозначительным правителем одного из мелких княжеств в Македонии, добровольно признавшим власть турецкого султана. Тем не менее в народном воображении Марко превратился в носителя лучших человеческих качеств героев, погибших на Косовом поле (рис. 87). Эта вера и надежда на светлое будущее, свободное от ненавистного ига. На протяжении веков эти чувства питали все поработанные славянские народы. И русские поэты всегда воспринимали сербскую героику, как свою собственную:

Визу — поле, залитое кровью;

*Грустно месяц на поле глядит...
Славный витязь Марко-королевич
Между трупов раненый лежит.*

*Духи гор летают над телами,
Все кого-то ищут, — вот нашли —
И с собою острожно Марко
С поля битвы в горы унесли.*

*В высотах заоблачных, в пещере,
Он узнал про плен страны родной
И вскочил, и выхватил он саблю,
И, подняв ее над головой,*

Острием, в упор, ударил в камень...
Аполлон МАЙКОВ

Эпические песни так называемого Косовского цикла словно воплотили в себе лучшие черты и особенности неумирающей славянской души, что во все времена не переставала удивлять своим порывом, загадочностью и неповторимостью народы остального мира. Ни одного человека — ни в прошлом, ни в настоящем — не могут оставить безучастными наполненные глубокой скорбью, жертвенной надрывностью (но и одновременно - оптимистическим пафосом) чеканные строфы сербского эпоса:

*Отвечают два ворона черных:
«О Милица, сербская царица,
Прилетели мы с Косова поля.
Там два войска мы видели сильных,
А вчера они утром сразились,
И погибли оба государя.
Там не много турок уцелело.
А в живых оставишесья сербы
Тяжко ранены, кровью исходят
Не успели речь окончить птицы,
Подоспел к двору слуга Милутин:
В левой держит он правую руку,
А на нем семнадцать ран зияют:
Весь в крови его конь богатырский. <...>
Начала расспрашивать Милица:
«Что случилось на Косовом поле,
Где царь Лазарь погиб, мне поведай,
Где погиб Юг-Богдан престарелый?
Девять Юговичей где погибли?
Где погиб наш воевода Милош,
Где погиб Вук Бранкович, скажи мне,
Где погиб наш Банович Страхиня?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове погибли.
Там, где Лазарь-князь погиб в сраженьи,*

Много копий сломано турецких
 И немало сербских длинных копий,
 Все же больше сербских, чем турецких.
 Защищали сербы государя,
 Госпожа моя, дрались до смерти.
 Старый Юг убит в начале битвы.
 И погибли Юговичи вместе.
 Брат не выдал брата в тяжелой битве.
 До последнего они рубились.
 Храбрый Бошко был убит последним.
 Он с хоругвью по полю носился,
 Разгонял турецкие отряды,—
 Голубей так сокол разгоняет.
 Где стояло крови по колено,
 Там убит был Банович Страхиня,
 А погиб наш воевода Мишиш
 У Ситницы, у реки студеной.
 Там немало перебил он турок:
 Милош поразил царя Мурата
 И еще двенадцать тысяч турок.
 Бог его родителей помилуй!
 Будут сербы вспоминать юнака,
 Будут сказывать о нем сказанья,
 Сербь Милоша не позабудут,
 Сербь Косова не позабудут...

(Перевод Н. Гальковского)

Только у славян могут быть такие надрывные песни! Хронисты и летописцы более сдержаны в описании тех же или аналогичных событий, однако накал трагизма в протокольном на первый взгляд летописном повествовании нисколько не снижается. Дабы убедиться в сказанном, достаточно открыть хотя бы болгарские летописи, посвященные началу турецкого нашествия:

«Вознамерился Амурат вновь пойти на болгар или на Углешу. Услышав об этом, Углеша и король Вукашин собрали множество сербских войск, а также ратников из Далмации и Травунии. Углеша и король Вукашин, брат его, дошли до самого города Сера. Туда же пришло множество турок во главе с Амуратом, и произошло сражение великое, и было пролито много крови на реке Марице, и громогласно кричали турки, а сербы бежали, и были убиты на реке Марице Углеша и король Вукашин. Погибли они оба в лето 6879-е [1371], месяца сентября в 26-й день, а турки, взяв большой полон, увели его через Галлиполи.

Перед войной умер тырновский царь Александр в лето 6870-е [1362] в семнадцатый день месяца февраля. На престол взошел царь Шишман, сын Александра. И просил его Амурат, чтобы отдал за него свою сестру, и Шишман, хотя не желал того, отдал ему в жены свою сестру, царицу киру Тамару.

В Царьграде же тогда царствовал Калоян Палеолог. При нем турки нарушили клятвы, данные грекам, и захватили город Галлиполи с

окрестными селами, заняли Македонию и стали ходить войной, куда вздумается, а на переправе поставили галеры со своей стражей, греков же прогнали и отправили по домам.

Царь Калоян умер в лето 6880-е [1372], процарствовав тридцать пять лет, и возшел на престол сын его Мануил Палеолог.

Тогда же собралось множество турок, и двинулись они войной, и начали захватывать и грабить земли и города, завладели и Аморею до самого Вавилона и опять возвратились и заняли Драч и всю Албанскую землю до Далмации, так как христианские державы пребывали в немоци, и некому было противиться им.

Через несколько лет пошли они на Сербскую землю, и там разразилась битва, и погибло множество людей, бесчисленное воинство, и лилась кровь, будто исполнилось сказанное в Писании: «Боже, язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, Иерусалим превратили в развалины, трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих зверям земным». Тогда же некто из воинов, весьма храбрый, по имени Милош, как некогда святой Димитрий, напав на пришедшего под Солунь царя Скилоиоанна, пронзил его копьем до самого древка, так и он пронзил нечестивого Амурата насквозь и изверг копьем все его внутренности и прескверную душу его. Убили турки Лазаря, князя сербского, в лето 6897-е [1389], в месяце июне. На престол отца своего Амурата вступил Баязит и подчинил себе Сербскую землю, заставил платить дань и собирать воинов для его походов. Поставил он Стефана-деспота править на престоле отца его Лазаря.

Спустя немного дней вновь двинулось великое множество турок войной на валахов и их воеводу Мирчу. И разразилась страшная битва, в которой пали многие из знатных и могущественных турок, а также и из христианских государей, среди коих были Константин Драгашевич и Марко Королевич, и было преломлено копий великое множество, и воздуха не было видно из-за туч стрел, реки кровавые потекли из громады тел человеческих, так что и сам Баязит утрашился и бежал. Но и Мирча, оставив одного из вельмож править страной, бежал в Угорскую землю. Баязит же, обратившись в бегство, решил перейти Дунай и поставил стражу по всей переправе через реку. Он схватил болгарского царя Шишимана и убил его в лето 6903-е [1395], в третий день месяца июня, тогда же захватил Болгарскую землю и поставил своих наместников по всей стране».

* * *

Немало светлых и черных дат в русской истории. В сплошную череду роковых поражений обернулось для русского воинства и всего народа татаро-монгольское нашествие, начиная с несчастной битвы на Калке 31 мая 1223 года. Тверская летопись, суммируя сведения, почерпнутые из других источников, так рассказывает о катастрофическом поражении объединенных русских и половецких сил на реке Калке 31 мая 1223 года:

"И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Олюевич, и Василек Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества, ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно избивал татар со своим полком. Мстислав Немой

также вступил в бой с татарами, и был он также силен, особенно когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался, также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Но вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князь не успели вооружиться против них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князь, и не бывало такого от начала Русской земли.

Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Кадкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев И сражались из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоскиня. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костьми. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князь и окончили свою жизнь.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьюдесятью богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь лады, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони, а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день. А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши Бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч".

(Перевод Д.М. Буланина)

Последующие события оказались еще более ужасными. Они полностью изменили течение русской истории, направили его в совершенно иное русло. Летописи с кинематографической точностью превращают современных читателей в зрителей. Даже сквозь скупые строки чувствуется затаенную боль неизвестного хрониста, воочию видишь, как стискивает он зубы и утирает слезы рукавом монашеской рясы:

«В год 6745 (1237). При благоверном великом князе Георгии благоверный епископ Митрофан поставил над трапезой в святом соборном храме Богородицы киот и украсил его золотом и серебром. В тот же год был расписан придел церкви святой Богородицы.

В тот же год зимой пришли из восточных стран на Рязанскую землю лесом безбожные татары, и начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили ее до Пронска, и взяли все Рязанское княжество, и сожгли город, и князя их убили. А пленников одних распинали, других — расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церквей предали они огню, и монастыри сожгли, и села, и взяли отовсюду немалую добычу; потом татары пошли к Коломне. В ту же зиму выступил Всеволод, сын Юрия, внук Всеволода, против татар. И встретились они у Коломны, и была битва великая. И убили воеводу Всеволодова Еремея Глебовича, и многих других мужей Всеволода убили, а Всеволод прибежал во Владимир с малой дружиной. А татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Няньку за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрия, взяли в плен. А людей избили от старца до грудного младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и села сожгли, и, захватив много добра, ушли.

В ту же зиму выехал Юрий из Владимира с небольшой дружиной, оставив своих сыновей, Всеволода и Мстислава, вместо себя. И поехал он на Волгу с племянниками своими, с Васильком, и со Всеволодом, и с Владимиром, и расположился на реке Сити лагерем, поджидая братьев своих Ярослава с полками и Святослава с дружиной. И начал князь великий Юрий собирать воинов против татар, а Жирослава Михайловича назначил воеводой в своей дружине.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру, месяца февраля в третий день, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста. Владимирцы затворились в городе, Всеволод и Мстислав были в нем, а воеводой был Петр Ослядюкович. Увидев, что владимирцы не открывают ворот, подъехали татары к Золотым воротам, ведя с собой Владимира Юрьевича, брата Всеволода и Мстислава. И начали спрашивать татары, есть ли в городе великий князь Юрий. Владимирцы пустили в татар по стреле, и татары также пустили по стреле на Золотые ворота, и затем сказали татары владимирцам: «Не стреляйте!» Те перестали. И подъехали татары близко к воротам, и начали спрашивать: «Узнаете ли княжича вашего Владимира?» И был Владимир печален лицом. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О горестное и достойное слез зрелище! Всеволод и Мстислав с дружиной своей и все горожане плакали, глядя на Владимира.

А татары отошли от Золотых ворот, и объехали весь город, и расположились лагерем на видимом расстоянии перед Золотыми воротами — бесчисленное множество воинов вокруг всего города, Всеволод же и Мстислав пожалели брата своего Владимира и сказали дружине своей и Петру-воеводе: «Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую»; но не разрешил им этого Петр Ослядюкович. И сказали оба князя: «Это все навел на нас Бог за грехи наши», ведь говорит пророк: «Нет у человека мудрости, и нет мужества, и нет разума, чтобы противиться Господу. Как угодно Господу, так и будет. Да будет имя Господа благословенно в веках». Свершилось великое зло в

Суздальской земле, и не было такого зла от крещения, какое сейчас произошло; но оставим это.

Татары станы свои разбили у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль, и разграбили церковь святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей — всех увели в станы свои, а сами пошли к Владимиру. В субботу мясопустную начали татары готовить леса, и пороки устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день, на память святого мученика Федора Стратилата.

И стоял в городе из-за наших грехов и несправедливости великий плач, а не радость. За умножение беззаконий наших привел на нас Бог поганных, не им покровительствуя, но нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Такими карами казнит нас Бог — нашествием поганных, ведь это бич его, чтобы мы свернули с нашего дурного пути. Поэтому и в праздники Бог насылает на нас печаль, как говорит пророк: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». Взяли татары город до обеда от Золотых ворот; у церкви святого Спаса они перешли по приметам через стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы подступили к Волжским воротам и так вскоре взяли Новый город. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печерный город. А епископ Митрофан, и княгиня Юрия с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и другие, княгиня Владимира с детьми, и многое множество бояр и простых людей заперлись в церкви святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены. И помолился боголюбивый епископ Митрофан, говоря так: «Господи Боже сил, податель света, сидящий на херувимах, и научивший Иосифа, и укрепивший своего пророка Давида на Голиафа, и воскресивший на четвертый день из мертвых Лазаря, протяни руку свою невидимо и прими с миром души рабов твоих»; и так он скончался. Татары же силой выбили двери церковные и увидели: некоторые в огне скончались, других они оружием добились.

Церковь святой Богородицы татары разграбили, сорвали оклад с чудотворной иконы, украшенной золотом, и серебром, и камнями драгоценными, разграбили все монастыри и иконы ободрали, а другие разрубили, а некоторые взяли себе вместе с честными крестами и сосудами священными, и книги ободрали, и разграбили одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквях на память о себе. Все это татары взяли с собой, а пророк так говорит; «Боже, пришли язычники в наследие твое, осквернили церковь святую твою, Иерусалим превратили в хранилище овощей, трупы рабов твоих отдали на съедение птицам небесным, тела преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, как воду». Убит был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества святой Богородицы, и игумен Успенский, Феодосии Спасский, и другие игумены, и монахи, и монахини, и попы, и дьяконы, начиная с юных и кончая старцами и грудными младенцами. Расправились татары со всеми, убивая одних, а других уводя босых и раздетых, умирающих от холода, в станы свои.

И было видеть страшно и трепетно, как в христианском роде страх, и сомнение, и несчастье распространялись. Мы согрешили — и

наказаны, так что жалко было видеть нас в такой беде. И вот радость наша превратилась в скорбь, так что и помимо своей воли мы будем помилованы в будущей жизни. Ведь душа, всячески наказанная в этом мире, на будущем суде обретет помилование и облегчение от муки. О сколь неизречно, Боже, твое человеколюбие. Именно так должен наказывать добрый владыка. И я, грешный, также много и часто Бога гневлю и грешу часто каждодневно; но теперь вернемся к нашему рассказу...»

И так продолжалось долгих триста лет, а если принять во внимание и набеги крымских татар, не раз осуждавших Москву, то в два раза больше — до XVIII века. Пассионарная вспышка одного суперэтнуса обернулась смертельным ожогом для других народов. Однако, как ни странно, поражение, унижение и порабощение русского народа имело не одни только отрицательные, но и положительные политические последствия. Раздробленные и малосильные русские удельные княжества под властью монгольских ханов постепенно обретали цементирующее общегосударственное начало, единоначальную власть и централизованное управление. К такому выводу еще в 20-е годы XX века пришла плеяда русских историков-евразийцев, опиравшихся, впрочем, на давно известный тезис Н.К. Карамзина: «Москва обязана своим величием ханам».

«Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собирания Русской земли», стали собирать земли западного улуса Великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и вряд ли правы те историки, которые закрывают глаза на это обстоятельство или стараются преуменьшить его значение».

Приведенные слова принадлежат уже одному из основоположников евразийского движения — выдающемуся русскому филологу, лингвисту с мировым именем, историку и мыслителю — Николаю Сергеевичу Трубецкому (1890—1938) Ему вторит другой историк-евразиец — Петр Николаевич Савицкий (1895—1968): «В лоне монгольской державы сложилась новая Русь. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества». Среди советских историков концепция евразийцев не встретила особой поддержки. Долгое время, заняв круговую оборону и практически в одиночку, ее отстаивал только Л.Н. Гумилев. Его взгляды по этому вопросу, как всегда отличались непреклонной страстностью. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...», — говорил он незадолго перед смертью в одном из интервью. И был прав: история людей — и тем более их мировоззрения — не всегда совпадает с историей биосферы и ноосферы, которые в любом случае выступают в качестве решающего и определяющего начала.

Еще раньше другой видный историк из плеяды мыслителей-евразийцев — Георгий Владимирович Вернадский (1877—1973) — посвятил

эпохе так называемого татаро-монгольского ига программную статью «Два подвига св. Александра Невского» (1925 г.), где сопоставил массовую пассионарность степной орды с индивидуальной пассионарностью русского полководца и подвижника. Окажись он во главе раздробленных русских дружин, растерявшихся перед внезапным и мощнейшим натиском степняков, неизвестно еще как бы сложилась русская история, но судьба уготовила Александру Невскому (ок. 1220—1263) (рис. 88) иную миссию — остановить вражескую экспансию с Запада и, что не менее важно, сплотить и сохранить русский дух внутри Русского государства. Для этого Александру Ярославичу пришлось искать компромисса с поработителями Русской земли — во имя ее же сохранения и будущего возрождения. Г.В. Вернадский подчеркивает: «Александр выделил в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада. <...> Христианский подвиг не всегда есть мученичество внешнее, а иногда наоборот — внутреннее: не только брань видимая, но и “брань невидимая”, борьба с соблазнами душевными, подвиг самодисциплины и смирения... ». Таким образом, два подвига, которым посвящена программная статья Вернадского, суть: первый — подвиг бани, второй — подвиг смирения; оба имели единую цель — сохранение нравственно-политической силы русского народа. Основы национального самосознания, заложенные святым князем-пассинарием, живы и поныне в сердцах и душе его потомков, ибо гарантия благих и незыблемых принципов русского менталитета обеспечивается не только на личностном, но и на ноосферном уровне.

Статья Г.В. Вернадского писалась как бы в прямой полемике с пресловутой русофобским опусом маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», где очередной французский мюнхгаузен попытался исказить не только историю современной ему России, но и густым дегтем перепачкать ее достославное прошлое. Казалось бы время де кюстинов безвозвратно ушло. Но нет, злопахательский пыл разнокалиберных фальсификаторов русской истории за полтора века нисколько не поубавился. В 1983 году в Лондоне была издана очередная монография крупнейшего европейского специалиста по русской истории Джона Феннела «Кризис средневековой Руси: 1200—1304», через шесть лет книга увидела свет на русском языке. Английский «специалист» не просто принижает значение личности Александра Невского в отечественной истории — он отрицает фактическую сторону выигранных им сражений, называя Невскую битву и Ледовое побоище мелкими, случайными и малозначительными, о которых не сохранилось никаких достоверных известий, кроме агиографического «Жития святого благоверного и великого князя Александра», написанного более чем через сто лет после его смерти.

Действительно, западно-европейские хроники хранят полнейшее молчание о битвах на Неве и Чудском озере. О первой из них умалчивают и современники — русские летописцы. Лишь о событиях, связанных с экспансией Ливонского ордена, сохранилась краткая запись в Лаврентьевской летописи. Да и та сделана таким образом, что на первый план выдвигается не князь Александр, а его брат Андрей: «В лето 6750 (1242). Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру против немцев, и победили их на Плесковском (Псковском) озере и взяли большой полон; и возвратился Андрей к отцу своему с честью». Вот и все, что можно узнать из ранних русских летописей об эпохальных событиях, в ходе которых решалась судьба России и дальнейшей русской истории. В более поздних

летописях появляются подробности, хорошо известные по школьным учебникам, художественным произведениям и классическому фильму Сергея Эйзенштейна. Откуда они взялись?

Как уже подчеркивалось, огромное количество древнерусских рукописных книг и документов погибло. Среди них множество ранних летописей, о содержании которых теперь можно только догадываться. Однако нельзя полностью игнорировать и стойкую устную традицию: народ присвоил любимому князю прозвание Невского, народ свято хранил в памяти основные факты его героических деяний. Это ведь только к радости «специалистов», вроде Джона Феннела, отсутствие соответствующей записи в какой-нибудь шведской или эстонской хронике может служить аргументом в пользу того, что случайная стычка на Неве не имела никакого значения для хода истории, а юный князь Александр получил свое прозвище неизвестно за что. По счастью, народ не состоит из одних только феннелов: в противном случае на Британских островах не сохранилось бы ни баллад о Робине Гуде, ни цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях «круглого стола», ни волшебных легенд Уэльса «Мабиногион», в которых в «снятом виде», как выражаются философы, сохранились реальные факты реальной, хотя и очень далекой, истории или же предыстории.

Устные рассказы сподвижников Александра Невского, вошедшие затем в летописи и в житийное повествование, донесли до нас и факты ноосферных явлений, сопутствующие всей жизни благоверного и великого князя. Наиболее известными и показательными являются видения в решающие минуты святых русских мучеников Бориса и Глеба. Впервые они явились перед Невской битвой ижорскому старейшине Пелугию (в крещении Филиппу). Он стоял в ночном дозоре, и когда начало всходить солнце он вдруг «слыша шум страшень по морю и виде насадъ [речное судно] един гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глеба въ одеждах чръвлених, и беста руки дръжаща на рамех. Гребци же седяху, акы мглою одеани. Рече Борисъ: “Брате Глебе, вели грести, да поможемь сроднику своему князю Александру”. Перед нами не вымысел, галлюцинация от бессонницы, а типичное ноосферное явление, пробуждающееся в экстремальной ситуации, когда чувства и сознание человека до предела обострены.

Александр принял ноосферное знамение как благословение, и с тех пор сродники Борис и Глеб окрыляли знамя его побед. В особенности это проявилось во время Ледового побоища, когда уже сыграл эффект не индивидуального, а массового сознания. Сразу множество воинов увидело (понятно, что речь идет о внутреннем видении, то есть подключении к информационному полю ноосферы), как святые покровители Руси Борис и Глеб «даша ратнии плещи свои и сечахут их и гоняхут, яко по яеру, и не бе им камо утечи, и биша их 7 верст по леду до Суболичского берега; и паде немец 500, а чюди числа нет». Так говорится в так называемом Московском летописном своде конца XV века.

Если не считать благоверного князя Александра и другого пассионария — Дмитрия Донского, то русские князья да воеводы на протяжении долгого времени терпели одно поражение за другим. Спрашивается: а окажись среди бесцветной вереницы русских князей полководец, равный Суворову или Скобелеву — случилось бы такое? Да ни в жизнь! Вот и громили малочисленные, но сплоченные ордынские отряды превосходящие во много раз, но рыхлые и деморализованные силы русских князей. Как это происходило на

протяжении целых двух веков лучше всего рассказывает не беллетризованная «Повесть о разорении Рязани Батыем», а Независимый летописный свод 80-х годов XV века, бесстрастно рассказывающий о походе Московского войска на татар, организованный Василием II в 1437 году (летописный текст приводится в современном переводе):

«В год 6945 (1437). Послал великий князь Василий Васильевич двух князей Дмитриев Юрьевичей и других князей со многим множеством бесчисленных полков на реку Белеву на царя Махмета. Он сбежал от какого-то царя из Орды и было у него мало людей. Он поставил себе крепость на реке Белеве: стены приказал сплести из хвороста, и посыпать снегом, и полить водой, и все крепко смерзлось. И тут он хотел зимовать. А великий князь, посоветовавшись с братьями, решил изгнать его из своей земли. Когда пришли на Махмета русские князья, он испугался их, и начал просить мира, и предлагать своих детей в заложники в знак того, что он не будет причинять никакого зла Русской земле. А русские князья, видя, что у них войска множество, а у тех мало и оно плохое, возгордились, и пошли на татар. И был там некто Григорий Протасьев, совершивший измену, лживо предлагая заключить между ними мир, а русские князья поверили этому. Этот обманщик помогал царю Махмету, и не велел русским князьям, надевшимся на мир, биться. А в это же время тот Григорий Протасьев послал к царю, ведя ему тут же идти со своими на русские полки, а русским князьям обещал быть с ними заодно.

Царь же Махмет, собравшись с плохоньким своим войском, пошел на русских князей, и князья, превозносившие себя в сердце, пошли на них, крича, как будто проглотить хотели. И за гордость и множество грехов послал Бог на нас это плохонькое маленькое войско безбожных, и одолело оно многотысячные полки наши, потому что те, кто неправедно поступает, прежде всего своих губят. А этот Протасьев, боярин, стал с татарами против русского войска, а слову своему изменил. И многое множество русских воинов было убито, так что один агарянин десять наших или более того одолел, как сказано: «Они — народ, потерявший рассудок, и нет у них мудрости. Не смогли они рассудить, что с ними будет. Как бы мог один преследовать тысячу, а двое десять тысяч, если бы Бог их не предал и Господь не отдал их!» И так случилось с ними, потому что те, смиряясь, мира просили, а эти превозносились, и погибли. Тогда убили много князей и бояр, а князья убежали с малой дружиной».

И это спустя более полувека после Куликовской битвы — когда в относительном выражении (если сравнивать ополчение Дмитрия Донского и орду Мамаю) войско Василия II во много раз превосходили противостоящие им татарские отряды. Значит, дело вовсе не количественном соотношении сил, а в том, кто эти силы организует и как ими руководит. Были Дмитрий Донской и Сергей Радонежский — смогла Русь одолеть татар. Стоило Дмитрию отлучиться из Москвы, как ее немедленно захватили и спалили воины Тохтамыша (о чем уже упоминалось выше).

Возвращаясь к началу татаро-монгольского нашествия, повлекшему за собой 300-летние беды Руси, хотелось все же констатировать, что и тогда был на Русской земле полководец, способный вдохнуть в раздробленное русское воинство заряд пассионарной энергии. Это — Александр

Невский. Но судьба в те годы уготовила ему совсем иную миссию — остановить агрессию с Запада, в противном случае Северо-Западная Русь в лице Новгородской державы также попала бы под иноземное иго и полностью утратила свою независимость.

В приведенном выше летописном отрывке, как в капле воды, отобразились по существу все наши изъяны — и вечная бездарность воевод (впоследствии — генералов), и вечное шкурничество предателей (коих во все времена хватало), и вечная нерешительность всего воинства (разве не то же самое имели мы совсем недавно в Чечне — при первой, неудачной, попытке навести там порядок?). Русский народ, как и все славяне, всегда нуждался в добрых пастырях и талантливых вождях, с которыми он становился непобедим.

ГЛАВА 6 СВЕТОЧИ СЛАВЯНСТВА

Каждый народ земли на протяжении разных — длительных или коротких — промежутков времени выдвигает из своей среды людей, которые становятся выразителями чаяний и самой души этноса, его вождями, совестью, лицами, принявшими на себя жертвенную миссию — не всего сразу, нет, но хотя бы чего-то одного. Такие люди, как уже говорилось выше, именуется пассионариями и по большому счету они подпитываются космо-планетарной энергией и обладают даром вступать в непосредственный контакт с ноосферой. Славянский мир знает немало таких светочей. Во все времена они зажигали сердца соотечественников, укрепляли в них дух и веру, направляли на путь побед и великих свершений. Каждый из них достоин отдельной книги, быть может даже и не одной.

Поскольку настоящий очерк посвящен начальным этапам славянской истории, постольку здесь целесообразно затронуть лишь несколько имен, связанных с той эпохой. При этом представляется уместным привлечь внимание читателей к фигурам просветителей и религиозных реформаторов, которым последующие поколения славян обязаны расцветом своей культуры и современным менталитетом. Безусловно, первыми в ряду таких лиц стоят великие и величественные личности Кирилла и Мефодия, играющих важнейшую роль в истории многих славянских народов — русских, украинцев, белорусов, чехов (на первом этапе их начальной истории), болгар, сербов, черногорцев и македонцев.

Кирилл и Мефодий (рис. 89) — воистину ни с чем не сравнимые звезды на славянском историческом небосклоне. В 6-й главе уже достаточно подробно говорилось об их просветительской деятельности в связи с появлением новой письменности на Руси. Однако сказанным выше не исчерпывается выдающаяся роль Солунских братьев для славянской культуры и всей славянской истории, начиная с IX века. Оба брата родились в многодетной семье византийского военачальника (сотника) по имени Лев в македонском городе Солуни (нынешние Салоники, находящиеся на территории современной Греции). Мефодий (это — монашеское имя, как его назвали при рождении — неизвестно) был старшим из семи братьев, Кирилл (до принятия монашества его звали Константин) — младшим. Дата рождения обоих подвижников определяется так: Кирилл-Константин родился в 827 году, Мефодий был старше его на 7-10 лет. Сызмальства дети росли и вращались в македонской славянской

среде; высказывалось также вполне обоснованное предположение, что их матерью — ее звали Марией — могла быть местная славянка.

С раннего детства вдохновительницей и заступницей Кирилла была божественная София Премудрость. Об этом вдохновенно рассказано в «Житии Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских», включенном в знаменитые Четьи-Минеи, составленные св. Дмитрием Ростовским:

«Будучи семи лет, Константин видел сон, который и рассказал своим родителям.

— Снилось мне,— говорил Константин, — что воевода собрал всех девиц города и сказал мне: выбери себе одну из них в невесты. Я осмотрел и избрал красивейшую из них с светлым лицом и украшенную многими золотыми вещами и дорогими камнями, по имени Софию.

Поняли родители, что Господь дает отроку девицу Софию, то есть — премудрость Божию, возрадовались духом и со старанием стали учить Константина не только книжному чтению, но и богоугодному добронравию — премудрости духовной.

— Сын, — говорили они Константину словами Соломона,— чти Господа и укрепись: храни заповеди и проживешь; словеса Божий напиши на скрижали своего сердца: «Скажи мудрости: «Ты сестра моя!» и разум назови родным твоим». Премудрость сияет светлее солнца, и, если ее будешь иметь своей помощницей, она избавит тебя от многого зла».

Софийность как символ высшей Любви к Богу, Миру и Человеку испокон веков была знаменем и знамением русского народа и всего славянства. Слитая с просветленным образом Богородицы — Пречистой Девы Марии, избравшей Россию «своим последним домом», софийность не только вдохновляла богословов и философов, но и оберегала и обогревала сердце каждого русского человека. Само понятие Софии многогранно и многоаспектно — оно уходит своими корнями одновременно в античную поэзию и философию, с одной стороны, и христианскую догматику и богословие, с другой. Однако обрело оно полифоническое звучание и заиграло всеми смысловыми оттенками исключительно на русской почве.

С пониманием “софии” как мастерства”, “разумного умения”, “знания”, “мудрости” - можно столкнуться уже в Гомеровой “Илиаде”, диалогах и трактатах Платона, Аристотеля, неоплатоников. Понятие “софии” вошло как смыслообразующий элемент в слово “философия” (“любовь к мудрости”). При переводе библейских текстов на греческий язык александрийские переводчики воспользовались имеющимся философским понятием, которое в сочетании с ветхозаветными откровениями Книги Соломона обрело в православной традиции глубочайший смысл. Достаточно вспомнить, что столица Болгарии названа в честь Софии Премудрости. Русский народ также разумел себя находящимся под особым покровительством Софии — ей посвящены Софийские соборы в главных центрах Руси — Киеве и Новгороде (а также в Полоцке, Вологде, Тобольске).

Софийная окрыленность русских людей обусловлена особенностями православного (и более древнего, уходящего в глубь веков и тысячелетий) миропонимания, включающим в снятом виде и глубинные народные верования. Образ Софии Премудрости окрыляет весь дух русской

культуры. Она, как крылатая Богиня Победы на поле брани за человеческие сердца, шествует впереди и рядом с великими подвижниками и просветителями русского народа, вдохновляя их на духовные подвиги. Выдающийся русский мыслитель священник Павел Александрович Флоренский (1882—1937) проводит прямую связь между Кириллом-Константином и Сергием Радонежским, между русскими и византийскими Софийскими соборами и Троице-Сергиевской лаврой, между иконами Святой Софии и «Троицей» Андрея Рублева, между ноосферной философией софийности и идеологией российской государственности — вплоть до наших дней.

Мефодий никогда не бывал на Руси, его просветительская деятельность проходила на территории Великой Моравии. Именно сюда направился Кирилл после путешествия по южной Руси. Сюда стекались и многочисленные ученики из Болгарии, Сербии, Ховатии. Славянскую письменность братья создали вместе (рис.), еще находясь в Византии. Сначала это была сложная и не прижившаяся глаголица, затем — более простая кириллица, которой мы пользуемся и по сей день. Католическая церковь всячески препятствовала переводу священных текстов и богослужебных книг на церковно-славянский язык. Кирилл-Философ отстаивал такое право на диспуте с «латинянами» в Ватикане в присутствии самого римского папы:

«Когда Константин и Мефодий пришли в Моравию, они были встречены там с великой честью. Прежде всего Ростислав собрал много отроков и повелел им учиться у святых братьев славянской азбуке и новопереведенным книгам. Затем Ростислав под руководством святых братьев начал строить церкви. Через год уже была окончена первая церковь в городе Оломуце, потом еще несколько церквей появилось в Моравии. Константин освящал эти церкви и служил в них по-славянски.

В бытность свою здесь Константин перевел со своими учениками все церковное чинопоследование и научил их утрени и часам, обедне и вечерни, и повечерию, и «тайней службе». И отверзлись по пророческому слову уши глухих слышать книжные словеса, и стал красноречив язык гугнивых. Бог, веселящийся о спасении единого грешника, с радостью взирал на исправление целого народа.

Когда стало распространяться божественное учение между славянами и богослужение совершаться на их языке, тогда первый и злостный завистник, диавол, не вынося сего, вошел в свои сосуды и начал многих возбуждать, говоря им:

— Этим Бог не прославляется. Если бы Ему это было угодно, то разве Он не мог сделать, чтобы и означала для Его прославления проповедь слова Божия записывалась на языке того народа, которому возвещалась. Но три языка только избрал Бог: еврейский, греческий и латинский, на которых и подобает воссылать славу Богу.

Так говорили латинские и немецкие архиереи, священники и их ученики. Константин вступил с ними, как некогда Давид с иноплемениками. в спор и словами священных книг победил и назвал их трехъязычниками, подобными Пилату, написавшему на трех языках титула на Кресте Господа».

Кирилл прожил короткую, но яркую, как метеор, жизнь. Он умер в 869 году, в 42-летнем возрасте в Риме и был похоронен в церкви (базилике) св. Климента, мощи которого ему в свое время довелось открыть, путешествуя по

Руси, в Херсонесе (отчего этот римский папа по сей день почитается Православной церковью). Старший брат Мефодий еще долго после этого продолжал начатое дело на ниве просвещения славянства. Он пережил взлеты и падения, в результате происков и наветов латинян был даже заточен в темницу, а после освобождения вновь вернулся к своим ученикам в Моравию, где и скончался в 885 году, прожив, таким образом, около 70 лет.

Появление национальной славянской азбуки было объективно обусловлено историческим временем. Создание независимых славянских государств диктовало и необходимость создания независимой от инородного влияния письменности. Крупнейший русский историк Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) (рис. 90) совершенно справедливо отметил политический характер сего эпохального факта: «...Князь моравский должен был понимать, что для независимого состояния славянского государства прежде всего необходима независимая славянская церковь, что с немецким духовенством нельзя было думать о народной государственной независимости славян, что с латинским богослужением христианство не могло принести пользы народу, который понимал новую веру только с внешней обрядовой стороны и, разумеется, не мог не чуждаться ее. Вот почему князь моравский должен был обратиться к византийскому двору. <...> Близкий и недавний пример Болгарии должен был указать моравскому князю на этот путь (чуть ранее христианство принял болгарский царь Борис); со стороны Византии нечего было опасаться притязаний, подобных немецким: она была слишком слаба для этого, и вот Ростислав посылает в Константинополь к императору Михаилу с просьбой о славянских учителях, и в Моравию являются знаменитые братья — Кирилл и Мефодий, доканчивают здесь перевод священных и богослужебных книг и распространяют славянское богослужение в моравии и Паннонии. Призыв Кирилла и Мефодия, полагаемый в 862 году, совпадает со временем основания Русского государства [имеется ввиду пресловутое «призвание варягов» — Рюрика, Синеуса и Трувора. — В.Д.], которому по преимуществу суждено было воспользоваться делом святых братьев».

Семена, посеянные солунскими братьями, дали буйные всходы и вот уже одиннадцать с половиной веков непрерывно приносят обильный урожай. Ежегодно весной во всех славянских странах в память о святых и равноапостольных Кирилле и Мефодии отмечают День славянской письменности. Разошедшиеся в фонетическом звучании и лексическом составе языки русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, черногорцев и македонцев по-прежнему едины в своем знаковом выражении — при помощи кириллической азбуки. Вот почему именно к Кириллу были обращено «Похвальное слово» болгарского святого и первоучителя Климента Охридского (840—916) (рис. 91) (хотя его непосредственным учителем был Мефодий):

«Чи уста могут передать сладость его учения? Чей язык способен рассказать о подвигах, трудах и доброте его жития? Бог создал уста его светлее света, чтобы просветить омраченных греховным заблуждением. Язык его источал сладостные и животворящие слова. Пречистые уста его расцвели премудростью. Пречистые персты его сотворили духовные органы и украсили их златозарными письменами. Эти богогласные уста напоили жаждущих Божьего разума. Через них насладились многие жизненной пищей. Через них обогатил Бог богоразумением многие народы и увенчал боготканым венком плодovitый славянский народ, которому был

послан этот новый апостол».

(Перевод И. Калиганова)

Слова этого прославления сегодня звучат так же свежо, как и тысячу лет назад! Они точно перекликаются с вдохновенными строфами стихотворения Константина Константиновича Случевского (1837—1904) «Памяти св. Кирилла и Мефодия»:

*...Но хранима
Заветной мыслию их братская чета,
Познавши Рим, ему предпочитла
Земель славянских тишь, где бедность, простота
И некрещенная народность обитала, —
Где сквозь немую даль синеющих степей
Россия в будущем неясно проступала...
Там было им и лучше и милей...*

*Между кумирнями Перуна и Купалы,
У мрачных идолов в чешучатых бронях,
В их слове прповедь Христова зазвучала
И тихим пламенем затеплилась в сердцах.
И ожили сердца...*

.....
*Привет, учителя! Привет на расстояньи
Всех завершенных тысячи годов!
Привет на языке, что вашим был созданием,
Возник из вами же завещанных нам слов!
Звучат ли к вам оне своим знакомым ладом?
Доносится ль до вас родной вам звук речей?*

*И слышите ли вы, как он с другими рядом
Идет в лазурь небес искать Царя царей?
Он вам знаком, отцы, язык родных преданий!
От колыбели наш, молитвой освящен,
Железом и свинцом великих битв крещен,
Глашатай жгучих бед и славных ликований, —
В строках писем старинных он дремал,
От чуждых примесей их кельи охраняли...
И вот теперь в тысячелетней дали
Он от источника, чистейший, заблистал.*

Со стихами поэта прошлого органично перекликаются слова нашего современника - мурманского поэта Николая Колычева:

*Бесславье славянства... Бездарность правительств...
Но вновь призывают Кирилл и Мефодий:
"К единому Слову устами прильните!
Чтоб эхом народ отозвался в народе.*

*Пожмите - родство потерявшую руку.
Сомкните - родство позабывшие плечи..."
Покуда не поздно - поверим друг другу,
Ведь мы так похожи и ликом, и речью.*

*Мы - братья по крови, вскипающей в жилах!
Мы - древняя твердь неделимого сплава!
Пусть в Слове едином обряцется сила,
Пусть силой единства добудется слава...*

*Как хочется, с хором сливаясь, разлиться
Единой молитвой, единою песней...
Со светлой надеждой в славянские лица
Кирилл и Мефодий глядят с поднебесья.*

Владимир Святой (ок. 962 — 1015) (рис. 92) — названный за эпохальное деяние — введение христианства на Руси — не только святым, но и равноапостольным. Хотя на канонических иконописных изображениях Владимир предстает зрелым длиннородым мужем (с проседью в бороде и волосах), в действительности официальное крещение Руси произошло, когда стольнокиевскому князю было всего-навсего двадцать шесть лет. Однако к тому времени за плечами будущего русского святого была бурная и необделенная яркими событиями жизнь. Восемилетние скитания под постоянной угрозой смерти, борьба со старшим братом — великим князем Ярополком, унаследовавшим киевский престол после трагической смерти Святослава — и коварное убийство его с помощью предательства и обмана, единоличное восцарение в Киеве, победоносные походы и присоединение новых земель, языческая реформа, ориентация на стратегическое партнерство с Византией и окончательный «выбор веры» в пользу православия (конкурирующими религиями, согласно «Повести временных лет», выступали ислам, иудаизм и католицизм).

Летописец не жалеет красок в описании личности князя, в последствии прозванного Красным Солнышком (ни в одной летописи, кстати, такого эпитета нет). Отчасти это чисто литературный прием, смысл которого — контрастно противопоставить необузданного язычника благоверному христианину. Но именно благодаря этому в летописи и сохранились колоритные подробности разгульной жизни князя, его беспросветного блуда и вызывающей сексуальной жестокости. Еще в 18-летнем возрасте он не просто насильно овладел юной полоцкой княжной Рогнедой, но предпочел сделать это демонстративно на глазах ее родителей. Так, по крайней мере, свидетельствовала народная молва. Что здесь отнюдь не преувеличение, показывает другой случай, произошедший уже после принятия крещения. Речь идет о знаменитом Корсунском походе Владимира. В крымской крепости Корсуни (Херсонесе), принадлежавшей Византии, находился императорский

наместник и греческий гарнизон. После изнурительной осады византийцы вынуждены были сдаться на милость победителя. Каковой же оказалась «милость» новокрещенного великого князя (названного, как известно, в святом крещении Василием) — рассказывается в его Житии особого состава:

«А князя Корсунского и с княгинею поимал, а дочь их к себе взял в шатер, а князя и княгиню привязал у шатерной сохи и с дщерью их перед ними беззаконство сотворил. И по трех днях повелел князя и княгиню убить, а дщерь их за боярина Ижберна дал со многим именем, а в Корсуну наместником его поставил...»

Когда Владимир вероломно умертвил старшего брата Ярополка, первое же, что он предпринял, согласно повествованию летописца, это прелюбодейственное овладение вдовой великого киевского князя, красавицей гречанкой (имени которой история для нас не сохранила). «И была она беременна, и родился от нее Святополк», — сообщает далее «Повесть временных лет», подчеркивая изначальность каиновой печати, наложенной на будущего убийцу святых мучеников Бориса и Глеба. Из сообщения летописца неясно также, была ли гречанка уже беременна, когда стала наложницей Владимира (и тогда Святополк Окаянный — не родной его сын) или же зачала во грехе будущее «исчадие ада» русской истории. Помимо множества жен, имел Владимир также бесчисленный гарем, его можно сравнить разве что с гаремом царя Соломона. Естественно, летописец не преминул сие сделать:

«Был же Владимир побежден похотью. Были у него жены. Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино. От нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей, от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, и наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик Господь, и велико могущество его, и разуму его нет конца!» Женское прельщение — зло: вот как, покайся, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене, ибо мед каплет с уст ее, жены прелюбодейцы, на мгновение только наслаждаются гортань твою, после горчее желчи станет... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. Но пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках, а о хороших женах сказал он так: «Дороже она многоценного камня. Радуетя на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, создает все потребное руками своими Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и дело рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. И вкусила она, что благо — трудиться, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои простирает к полезному, локти свои возлагает на веретено. Руки Свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о

доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее замечен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу Уста же свои открывает с мудростью, с достоинством говорит языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее, муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо хвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

Похоже, на современников (и не только на них) альковные подвиги, а также знаменитые княжеские пиры Владимира производили не меньшее впечатление, чем духовные деяния или ратные дела. И все же главное деяние князя, навеки обессмертившее его имя и причислившее его к лику святых, состояло совсем в другом — в принятии после долгих раздумий и сомнений святого крещение и приобщение к христианской вере своих подданных. Как известно, от рождения Владимир был язычником. Получив великокняжеский стол, он даже попытался произвести религиозную реформу, проведя жесткую «ревизию» старых богов. Каноническое «Житие великого князя Владимира в святом крещении Василия» довольно-таки объективно и подробно рассказывает об этом периоде деятельности будущего крестителя Руси (интересно, что перечень древнеславянских богов в Житии отличается от того, который приводит Нестор в «Повести временных лет»):

«Владимир же поставил в Киеве следующие главные идолы: первый, самый главный идол — Перун, который считался богом грома, молнии и дождевых облаков, второй — Волос, считавшийся богом скотов, третий — Позвизд или Вихор, бог воздуха, четвертый Ладо, бог веселья, пятый Купало, бог плодов земных, шестой Коляда, бог праздника бывающего зимой. И иные меньшие боги — не только в Киеве, но и по всем местам Русской державы пределам — по велению того великого князя были поставлены, став местом нечестивого почитания. Такое же идолопоклонство совершалось и в Великом Новгороде, где посланный Владимиром начальствовал его дядя Добрыня, брат его матери. Наряду с идолопоклонством Владимиру было свойственно и другое зло — в плотских похотях без воздержания, как в тине, валяться...»

Увлечение языческой стариной оказалось недолгим. Далее последовал знаменитый «выбор веры», когда Владимир выслушал представителей различных конфессий (мусульманской, иудейской и католической) прежде чем раз и навсегда ни остановиться на православии. Предварительно крестившись сам, великий князь вслед за тем крестил семью и всех киевлян. Житие не жалеет красок в описании сего великого факта:

«Первым делом велел Владимир крестить сыновей своих, которых у него было двенадцать от различных жен: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода — от Рогнеды, княжны Полотской; Святополка — от гречанки, жены брата; Вышеслава — от чешской княжны: Святослава и Станислава — от другой чешки, Бориса и Глеба — от болгарки; Брячислава и Судислава — от какой-то другой жены. И были они крещены митрополитом Михаилом в одном источнике, источник тот находился на горе над Днепром, с

того времени и доныне называется то место Крещатиком. Затем послал Владимир глашатая по городу, повелевая, чтобы наутро все собрались на реке Почайне, из Днепра вытекающей и вновь в Днепр впадающей, старые и молодые, большие и маленькие, богатые и бедные, мужчины и женщины, предупреждая, что кого не окажется в назначенное время на реке, тот будет противен Богу и великому князю.

И когда наступило утро, пришел сам князь с боярами на реку, и архиерей с ним, и все священники, и собрался весь город к реке, всякий чин и возраст, обоюго пола людей бесчисленное множество — на месте, где ныне стоит церковь святых страстотерпцев Бориса и Глеба. И повелено им было, сняв одежды, войти в реку — отдельно мужскому полу, отдельно женскому, более старшим — в более глубокие места, маленьким же стать недалеко от берега. И стояли они в воде кто по шею, кто по пояс, разделившись на группы. А священники в иерейских облачениях, стоя у берега на специально для этого устроенных досках, читали над народом молитвы, при крещении подобающие, и давали им имена —каждой группе какое-то одно имя, и велели им трижды погрузиться в воду, а сами зывали над ними, призывая согласно чину крещения имя святой Троицы. И так крещен был весь народ киевский в лето бытия мира 6497, от воплощения же Бога Слова в лето 989, на другой год по крещении Владимира.

Сразу же по крещении народа Владимир повелел сокрушить идолы и храмы идольские до основания разрушать. Самого главного идола Перуна он повелел привязать коню за хвост и тащить с горы к Днепру и приставил двенадцать человек, чтобы те влекомого идола били палицами. И подтащив его к берегу, бросили они его в Днепр. И все прочие идолы по повелению великого князя были сокрушены и брошены одни в воду, другие в огонь. Некоторые же безумные киевляне, видя сокрушение и погибель древних своих богов, плакали по ним и рыдали, а более умные говорили: «Князь наш и бояре его разумны, знают они, какой Бог лучше. И если бы хороши были эти боги, они не повелели бы их сокрушать и не избрали бы иной веры, они избрали лучшее, а отринули худшее».

По сокрушении же идолов и по разорении идольских храмов повелел Владимир на тех местах строить святые церкви. Вначале создал церковь Святого Спаса на том месте, где был идол Перуна, затем церковь во имя святого Василия Великого, поскольку и сам в святом крещении наречен был Василием, и иных церквей множество повсюду воздвиг, но лучшую всех постарался сделать каменную церковь во имя пречистой Богородицы, которая позже была названа Десятинной, ибо Владимир сказал: «Вот, от всего имени моего и от всех городов моих даю десятую часть в эту церковь пречистой Богородицы». С того времени и названа была эта церковь Десятинной. И вручил он ту церковь вышеупомянутому протопопу Анастасу, которого привел из Херсонеса, и мощи святого Климента, папы римского, внес в нее, и всякую церковную утварь, из Херсонеса принесенную, отдал туда. Позаботился он и об учении книжном, ибо сыновей своих, а с ними и множество боярских детей повелел учить писанию греческому и славянскому, приставив к ним искусных учителей, а также и у простых людей отроков повелел брать для учения книжного. Матери же их безумные плакали по детям своим как по мертвым».

В общем же и целом великий князь Владимир был целеустремлен и непреклонен, жесток и коварен. Его отношения с двенадцатью признанными

сыновьями (сколько же было непризнанных детей от 800-душного гарема да несметного количества обещанных жен и девиц — одному Богу известно) особой теплотой не отличались. В конце концов дело дошло до того, что незадолго до смерти Владимир Святославич вынужден был пойти войной на собственного сына Ярослава, княжившего в Новгороде и не посылавшего положенной дани в Киев. Впрочем, того, что смерть — безглазая старуха с косой — притаилась за плечами крестителя Руси тогда еще не ведал никто. Про те события, ставшие переломным этапом русской истории, Нестор-летописец сообщает как всегда — скупно и бесстрастно:

«В год 6522 (1014), Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года. а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав перестал платить в Киев отцу своему И сказал Владимир: "Расчищайте пути и мостите мосты". Ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся. В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава. Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего, но Бог не дал дьяволу радости Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис, а тем временем печенеги пошли походом на Русь, и Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся, в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер же князь великий Владимир на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем великим».

Здесь за каждой фразой и даже словом скрывается бездна страстей, потрясений и сюжетов для трагедий шекспировского масштаба. Многие недоговоренные (или намеренно усеченные) фразы породили самые невероятные домыслы. Зачем надо было скрывать смерть всемогущего князя, прятать его тело и тайно перемещать глубокой ночью? Почему опальный Святополк вдруг оказался в Киеве? Был ли он заинтересован в смерти отца? Еще бы! Но разве не был точно так же заинтересован в устранении Владимира другой сын — Ярослав, правивший в Новгороде и на которого отец шел войной? А затаившиеся языческие жрецы и их не смирившаяся с новой религией паства? Словом, уже не раз высказывалось предположение, что смерть крестителя Руси была насильственной. Конечно, проще всего было незаметно подсыпать яду. Однако, когда в 30-е годы XVII века по указанию митрополита Петра Могилы в Киеве производились раскопки Десятинной церкви, разрушенной еще во времена Батыева нашествия, был найден мраморный саркофаг-гробница с именем Владимира Святославича, а в нем — кости со следами глубоких разубов и отсеченной головой, при этом некоторые части скелета вообще отсутствовали...

Вслед за кончиной последовал ряд других, не менее ужасных смертей и братоубийств. Святополк (Окаянный), захвативший власть в Киеве, принялся с методичной последовательностью устранять конкурентов-соперников и возможных претендентов на престол. Первой жертвой стали сятые

мученики Борис и Глеб (за ними последовал брат от другой матери — Святослав). Высказывалось предположение, что убийством Бориса и Глеба, которое потрясло и всколыхнуло всю Русскую землю, Святополк всего лишь нанес упреждающий удар. Будущих святых братьев родила Владимиру жена-«болгарыня», но была она не дунайской славянкой, как думается большинству читателей, а волжской болгаркой. Для укрепления своих позиций Борис и Глеб предполагали воспользоваться услугами родичей по материнской линии и привести к Киеву в противовес полякам — союзникам Святополка (его тестем был могущественный король Болеслав), а также наемным варягам — союзникам Ярослава — тюркскую орду. Для того и отправились на родину своих предков, но по пути их настигла убийцы, посланные Святополком.

Это — по летописи и каноническому житию. Но опять-таки: нельзя не учитывать, что Ярослав, приведший под стены Киева 40-тысячное новгородское ополчение + тысячу профессиональных воинов-варягов, не менее Святополка был заинтересован в устранении любых конкурентов. Никаких сентиментальных чувств ни к братьям, ни к отцу с матерью, ни к какой-либо другой родне он не питал. Перед описываемыми событиями довел накал и без того напряженных семейных отношений до предела — так что отец намеревался проучить строптивого сына с помощью карательной дружины, и сам ее возглавил.

Это потом, когда вокруг не осталось соперников, Ярослав что называется поумнел и прослыл Мудрым. Таковым, кстати, ни современники, ни летописцы его не величали, а эпитет придуман Карамзиным: он стремился прежде всего уловить в хаотичных летописных событиях Логичность истории и Божественное провидение. В общем-то Карамзин не ошибся. Сын Владимира Святого, сначала новгородский, а затем и киевский, князь Ярослав Владимирович (ок. 980 — 1054) (рис. 39) действительно оказался Мудрым, оказался достойным продолжателем дела своего великого отца и стал одним из выдающихся деятелей русской истории. К этому его побудили, конечно, как личные волевые и пассионарные качества, так и объективная необходимость. Он быстро уразумел, что подлинное могущество государства достигается вовсе не в беспрестанной гражданской войне, а путем мира и стабильности. Активную энергию, скопившуюся в массах следует направлять не на агрессию друг против друга, а на хозяйственное процветание, оборотистую и взаимовыгодную торговлю, дружбу с соседями, основанную на внушительной военной силе, укрепление веры и духа, поощрение строительства, искусств и ремесел. В этом и состоит истинная государственная мудрость. Вот почему и Карамзин попал в самую точку, присвоив хромому князю Ярославу эпитет Мудрый. Но это уже совсем другая история...

Летописный князь Владимир не всегда совпадает с собственным же житийным образом. И все же историческая истина состоит в другом. Ее спустя три с половиной десятилетия после смерти Владимира Святого сформулировал митрополит Иларион в своем бессмертном (и уже цитированном выше) «Слове о законе и благодати»:

«Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Пав., коими приведена к вере в Иисуса Христа. Сына Божия, <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы,— по немощи нашей <хотя бы и>

малыми похвалами,— свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы. одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью нас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преелагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое».

(Перевод диакона Андрея Юрченко)

Ян Гус (1371—1415) (рис. 93) — национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог нарождающейся Реформации. Вместе с тем его личность и деятельность имеет непреходящее значение для всего славянского мира. Как никто лучше, это подчеркивал русский историк и писатель Михаил Петрович Погодин (1800—1875):

«Гус был древнейший ревнитель Славянской народности, 500 почти лет назад развернувший это славное знамя, следовавший верно по стопам Славянских первоучителей, св. Кирилла и Мефодия, употреблявший народный язык в богослужении и проповеди. В объяснении Гуса на молитву Господню находится следующий энергический призыв Чехов его времени к национальному самосознанию, чтоб князья, паны и народ дорожили своею родною речью и не давали ей гибнуть; чтоб дети от смешанных браков Чехов с немками говорили только по-чешски, но не двоили своей речи, потому что двоение речи подает первый повод к взаимной зависти, раздорам. <...> Гус — великий человек. Славянин, пророк народности, дорог для нас. Русских, еще вот почему: он как будто воспоминал смутно или темно, предчувствовал православие; в груди его как будто заговорило древнее Чешское учение, и вместе носился впереди возделенный идеал. Он был католик, но не такой, какой требовался папою; он учил повиноваться только тем постановлениям, которые согласны с древними апостольскими правилами и определениями Вселенских соборов; он учил о приобщении мирян под обоими видами, вопреки правилу Римско-католической церкви; он восставал против ее злоупотреблений, осуждаемых и нашей церковью, почему и провозглашен, как мы, схизматиком и осужден на сожжение».

Это был типичный пассионарий, но только не в экспрессивном выражении, а в «тихой», если так можно выразиться, непреклонности и несгибаемости. Молчаливым протестом и негромкими речами он добивался не меньшего эффекта, чем иные пламенные ораторы, мобилизуя и воодушевляя громадные массы людей (рис. 94). А его мученическая смерть на костре (рис.

95) всколыхнула пол-Европы и почти на два десятилетия распалила в самом ее центре пожар невиданной доселе революционной войны народных масс, получившей название Гуситских войн. К Яну Гусу в наибольшей степени можно отнести хрестоматийное стихотворение Алексея Хомякова о жертвенном подвиге:

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.*

*Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились,—
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.*

От Яна Гуса, выступавшего за национальное славянское достоинство, чешскую независимость от немецкого засиления и реформу церкви, требовали одного — признания своих заблуждений. На что он неизменно отвечал, что не может назвать заблуждением то, что на самом деле является истиной. На церковном соборе в швейцарском городе Констанце, куда Гуса вызвали на суд, ему не дали сказать и этого — ото всюду неслись крики, ругань, топот ног и проклятья. В результате порешили: нераскаявшегося еретика сжечь живьем. Были, правда, и другие предложения:

*На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.*

*В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье;*

*Сердце, зла источник, кинуть
 На съеденье псам поганым,
 А язык, как зла орудье,
 Дать склевать нечистым вранам.*

*Самый труп предать сожжению,
 Наперед прокляв трикраты,
 И на все четыре ветра
 Бросить прах его проклятый...*

Аполлон МАЙКОВ

6 июля 1415 года Ян Гус мужественно взошел на костер. Русский историк Василий Алексеевич Бильбасов (1837—1904) так описывает героическую смерть верного сына чешского народа: «Гуса вели на казнь среди огромной толпы народа, сочувственно относившейся к несчастному страдальцу. Речи его к народу, на пути к костру, производили глубокое впечатление. Гус просил молиться за него, невинного. Народ волновался. "Мы не знаем, в чем он виноват", раздавалось со всех сторон, "он молится и говорит, как истинный праведник". Шествие двигалось тихо, часто останавливалось, народ запружал узкие улицы! поле между Готлибенской слободой и садами замка, место казни, было усеяно народом. Взойдя на костер, Гус обратился к народу с речью; но католики, опасаясь последствий той прощальной речи, ускорили казнь. Палачи обложили тело Гуса до пояса дровами и соломой, скрутили руки назад и привязали их к столбу мокрою веревкой: он был поставлен лицом к западу, и засмоленная веревка вокруг шеи и столба не позволяла шевельнуться. Вместе с первым огненным языком, охватившим дрова и солому, Гус запел громким голосом: "Христе, Сыне Бога живаго! помилуй мя грешнаго!", и эта песнь, заглушая треск горящих дров, болезненно отдавалась в сердцах присутствовавших и молитвенно возносилась к небу. ...»

Впрочем, еще одна деталь — до нас дошла легенда, связанная с последними словами Гуса, всего лишь одной фразой, которая сделалась крылатой. Когда палч поджег костер и пламя начало заниматься, к месту казни прорвалась старушка и в религиозном усердии (точнее — наивном заблуждении) подбросила в огонь вязанку хвороста. «О святая простота!» — печально произнес осужденный. С тех пор слова эти стали интернациональной поговоркой.

А уже в 1419 году — сначала в Праге, а затем и по всей стране запольхал другой огонь — пламя всенародного восстания, быстро переросшего в одну из замечательных страниц мировой истории. Народные массы стали громить объединенные силы местных олигархов и немецких рыцарей. Нанося им одно поражение сокрушительнее другого. Хорошо организованные отряды, прозванные таборитами, избрали безотказную тактику, известную еще древним индоариям: они огораживали свои лагеря связанными возами, превращая становища в неприступные крепости (тот же прием использовали и запорожские казаки). Правда, поверх возов табориты ставили еще и пушки (невиданное доселе новшество!) и косили картечью атакующую конницу закованных в латы врагов (рис. 96).

Признанным вождем таборитов и выдающимся народным военачальником стал еще один Ян по прозвищу Жижка (1360—1424) (рис. 97), что означает Одноглазый (глаз национальный герой чешского народа потерял во время Грюнвальдского сражения, где объединенная коалиция славянских войск под руководством великого князя Витовта и польского короля Ягайло разгромила Тевтонский орден). Ян Жижка, как Ян Гус, был пассионарной личностью, но, в противоположность последнему, обладал буйной, экспрессивной натурой. Оба Яна как бы взаимодополнили друг друга, обеспечив на четверть века всплеск пассионарной активности в самом центре Европы и послужив энергетическим импульсом для тысяч и тысяч людей:

*О Жижка! Первый ты средь чехов славных!
Ян Гус отмищен тобою был,
Спасая родину, в боях неравных
Врагов коварных ты разбил,
И нашу гибель отвратил.
Ты нам явил пример любви к Отчизне,
А если та любовь крепка, —
Все может чешская рука,
Возвысил имя чехов ты при жизни
И славою овеял на века.*

.....
*Твой голос, Жижка, в каждом сердце верном
Звучал как зов родной страцы.
Кто устоит пред мужеством безмерным?
Как чешские полки сильны!
О, как врагам они страшны,
Как ненавидят дерзких чужеземцев!
То войско созвано тобой
И ты возглавил мощный строй,
Как вихрь мякину, ты развеял немцев,
Навек прославив край родной.*

Антонин Ярослав Пухмайер

Николай Коперник (1473—1543) (рис. 98) — его имя до сих пор олицетворяет науку Нового времени, пафос и энергия которой и по сей день продолжают питать живительными соками исследователей в любых областях научного знания. Одновременно Коперник — выразительный символ особого пассионарного духа польского народа, обуславливающего его заметную и немеркнущую роль на арене тысячелетней европейской истории.

Он родился 19 февраля 1473 года в Торуня на Висле; сын купца из Кракова после смерти отца (1483) был взят на попечение дяди — Луки Вацельроде. Некоторое время учился в Краковском университете, но затем на десять лет уехал постигать науки в Италию. Формально целью его было изучение права и медицины (богословие он изучал еще в школе), но Николай увлекся математикой и астрономией.

В 1493 году вернулся обогащенный огромными знаниями в разных науках — от латыни до финансов, служил каноником собора в Фромборке. Здесь он и прожил почти тридцать лет в небольшой башне крепостной стены (рис. 94), окружавшей собор, вел аскетический образ жизни,

лечил бедных, утешал людей в несчастьях и изучал астрономию. В городе было известно, что Коперник излагает новую доктрину о движении Земли вокруг Солнца, о неподвижности Солнца и звезд. Это полностью противоречило господствующей тогда Птолемеевой системе мира, согласно которой в центре Вселенной находится Земля, а вокруг нее вращаются Луна, планеты, Солнце и так называемые неподвижные звезды. Он и сам не делал тайны из своих теоретических размышлений, повсюду рассылая собственноручно написанное резюме будущего великого произведения, озаглавленное «Николая Коперника о гипотезах, относящихся к небесным движениям, краткий комментарий».

Николай Коперник убедительно показал: все видимые движения небесных светил объясняются проще, если предположить, что центральным светилом является неподвижное Солнце, вокруг которого вращаются все планеты, в том числе и Земля со спутником-Луной, и что, таким образом, Земля есть не что иное, как планета. Мартин Лютер назвал Коперника за высказанные им идеи глупцом, а Меланхтон прямо указал, что такое учение не может быть терпимо, так как подрывает авторитет Библии. Оценка великих ученых диаметрально противоположна. М.В. Ломоносов писал так: «Коперник возобновил, наконец, Солнечную систему, коя имя его ныне носит, показал преславное употребление ее в астрономии, которое после Кеплер, Невтон и другие великие математики и астрономы довели до такой точности, какую ныне видим в предсказании небесных явлений, чего по земностоятельной системе отнюдь достигнуть невозможно».

Многие из друзей предлагали Копернику поскорее напечатать его главное сочинение, названное «О вращениях небесных сфер». Наибольшее влияние в этом вопросе оказал восторженный его поклонник и ученик Ретик. Ему и было доверено руководить процессом печатанья великого астрономического труда, для которого Коперник написал специальное посвящение главе Католической Церкви папе Павлу III.

*«Святейшему повелителю Великому Понтифику Павлу III.
Предисловие Николая Коперника к книгам «О вращениях»».*

Я достаточно хорошо понимаю. Святейший Отец, что, как только некоторые узнают, что в этих книгах, написанных о вращении мировых сфер, я придал земному шару некоторые движения, они тотчас же с криком будут поносить меня и также мнения. Не до такой уж степени мне нравятся мои произведения, чтобы не обращать внимания на суждения о них других людей. Но я знаю, что размышления человека-философа далеки от рассуждений толпы, так как он занимается изысканием истины во всех делах в той мере, как это позволено Богом человеческому разуму. Я полагаю также, что надо избегать мнений, чуждых правде. Наедине сам с собой я долго размышлял, до какой степени нелепой моя гипотеза покажется тем, которые на основании суждения многих веков считают твердо установленным, что Земля неподвижно расположена в середине неба, являясь как бы его центром. Поэтому я долго в душе колебался, следует ли выпускать в свет мои сочинения, написанные для доказательства движения Земли, и не будет ли лучше последовать примеру пифагорейцев и некоторых других, передававших тайны философии не письменно, а из рук в руки, и только родным и друзьям. Мне кажется, что они, конечно, делали это не из какой-то ревности к сообщаемым учениям, как полагают некоторые, а для того, чтобы прекраснейшие исследования, полученные большим трудом великих людей, не подверглись

презрению тех, кому лень хорошо заняться какими-нибудь науками, если они не принесут им прибыли. Когда я все это взвешивал в своем уме, то боязнь презрения за новизну и бессмысленность моих мнений чуть было не побудила меня от продолжения задуманного произведения. Но меня, долго медлившего и даже проявлявшего нежелание, увлекли мои друзья. Они говорили, что чем бессмысленнее в настоящее время покажется многим мое учение о движении Земли, тем больше оно покажется удивительным и заслужит благодарности после издания моих сочинений, когда мрак будет рассеян яснейшими доказательствами. Побужденный этими советчиками и упомянутой надеждой, я позволил, наконец, моим друзьям издать труд, о котором они долго меня просили...»

Труд состоял из шести книг. Первая дает понятие о трех движениях Земли и новом порядке распределения планет в солнечной системе. Во второй книге изложена так называемая «сферическая астрономия» и помещен каталог неподвижных звезд, отличающийся от каталога Птолемея вековыми изменениями небесных долгот. В третьей книге объяснена прецессия и дана новая теория годичного движения. Четвертая книга излагает теорию движения Луны. В двух последних книгах помещена теория движения планет, основанная на центральности Солнца в солнечной системе, а также показано, как можно определить относительные расстояния планет от Земли и от Солнца.

Книга печаталась в Нюрнберге. В те времена это был долгий и трудоемкий процесс: книгопечатание в Европе получило начало неполных столетий назад (появление первых книг Иоганна Гутенберга обычно датируется 1440-м годом). Когда Копернику привезли первый типографский экземпляр «О вращении небесных сфер» великий мыслитель находился уже без сознания. Правая сторона тела была парализована, из горла шла кровь. Книга, которую вложили в безжизненные руки, заставила его на мгновение очнуться. Он бережно погладил переплет пальцами левой руки и скончался. На его надгробной могиле высечены такие загадочные и такие понятные каждому слова: «Остановись, о Солнце! Не двигайся!»

Судьба отнеслась к Н. Копернику благосклонно: ему лично не пришлось страдать за высказанные им убеждения; при его жизни еще не проявилось то враждебное отношение церкви к гелиоцентрической системе мира, которое обнаружилось уже вскоре после 1543 года. Имя же его быстро сделалось нарицательным и дало название одной из величайших революций в истории науки, плоды которой мы пожинаем до сих пор.

ГЛАВА 7

РУЧЬИ, ЧТО НИКАК НЕ СОЛЬЮТСЯ

(проблема славянского единства)

Славянская история полна загадок, белых пятен и нерешенных проблем. Письменных источников касающихся происхождения этой мощной ветви общеиндоевропейского древа, как было показано выше, почти не сохранилось, что дало основание крупнейшему чешскому слависту Любору Нидерле (1865—1944) (рис. 100) еще сравнительно недавно утверждать:

«История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии,

которые помогли бы нам ответить на вопрос о происхождении славян. Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке — этот отрывок можно считать своего рода «свидетельством о рождении» славян».

Сказанное — вовсе не преувеличение. Действительно, из всех историков прошлого лишь один автор «Повести временных лет» озабочен судьбой славянства как единого целого. По существу Нестор — первый славянофил и первый панславист, равных которому не было не до не после. Попытки объединения разрозненных славянских племен после естественного распада их былой общности предпринимались неоднократно.

Первое из документально зафиксированных усилий в данном направлении было предпринято славянским вождем по имени Само в VII веке новой эры. Дело происходило на территории Прибалканья, занятой в то время Аварским каганатом. В борьбе с этой лоскутной, непрочной, но исключительно жестокой «степной империей» купец из Франкских земель объединил на отпор ненавистному врагу племени словенцев (хорутан), чехов, хорватов и, возможно, сербов. Победа оказалась полной, Само провозгласили царем, и он счастливо правил Славянской державой целых 35 лет. Имя и род занятий Само сродни новгородскому Садко (думается торговая и мореплавательская деятельность последнего относится к тем же самым дохристианским временам). Вот некоторые подробности из Хроники франкского схоласта Фредигара, относящиеся к 623/624 г.:

«В год 40-й царствования Хлотаря человек по имени Само, по рождению франк из округа Санского, увлек с собой многих купцов [и] отправился торговать к славянам прозываемым винидами. Славяне уже начали восставать против аваров, прозываемых гуннами и царя их хагана. Виниды уже издавна были «бефульками» гуннов, ибо, когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы. «Бефульками» потому называли их гунны, что они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию. Гунны каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, рожденные [ими] от жен и дочерей винидов, не выдержав, наконец, злости и притеснения и отвергнув господство гуннов, как я упомянул выше, начали восставать. Когда виниды пошли походом против гуннов, купец Само, о котором я рассказал выше, отправился с ними в поход; и*

* Большинство переводчиков склонно видеть в этом нигде более не встречающемся термине искаженное славянское слово «волопасы» («пастухи»), образованное, в свою очередь, от искаженного славянского «буйвол». Однако, ряд толкователей оспаривают подобную интерпретацию и считают, что «бефульками» авары называли вспомогательные отряды, набранные из представителей поработанных племен. Поэтому в академических изданиях странное слово дается без перевода.

там столь большая доблесть проявилась в нем против гуннов, что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем; там он и царствовал благополучно 30 и 5 лет. Во многие битвы вступали против гуннов виниды в его царствование; благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх. Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей с благоговением спешили предать себя его власти: так что и народы, находящиеся близ границы аваров и славян, с готовностью упрашивали его, чтобы он благополучно шел позади них, и твердо обещали, что авары, и славяне, и другие народы вплоть до империи будут подчинены его власти».

У Фредгара хорошо известные «венеды» вокализированы как «виниды», а Само ошибочно назван франкским купцом. Что это вовсе не так (а в действительности Само был славянином) подтверждает анонимная латинская Хроника — «История обращения баварцев и хорутан (словенцев)»: «Во времена славного короля франков Дагоберта [следующего за Хлотарем. — В.Д.], некто по имени Смо, *славянин* [выделено мной. — В.Д.], живший среди хорутан, сделался вождем этого народа...» Зато в приведенном фрагменте из Хроники Фредгарда подробно выписаны другие важные детали, касающиеся повседневно бытовых отношений между аварами и славянами — в особенности в отношении жен и наложниц. Так поступали все захватчики: до авар (обров) — готы и гунны, после них — хазары, печенеги, половцы и татаро-монголы. Но палка, как всегда, оказывалась о двух концах. Мне уже доводилось высказываться по данному вопросу, касающемуся всего древнего славянства, И вот к каким выводам я пришел.

На протяжении многих веков мужание славян происходило в непрерывном соприкосновении с иноплеменными и иноязычными народами. Нередко встречи эти заканчивались кровавыми и взаимоистребительными столкновениями. Однако след вовсе не обязательно оставался кровавым, хотя и всегда был неизгладимым как для одной, так и для другой стороны.

В 70-х годах IV века новой эры на степных просторах юга России появилась орда неведомого доселе народа гуннов. Всесокрушающая волна кочевников докатилась до Волги и Дона от самых дальних границ Китая, где когда-то императоры вынуждены были воздвигнуть восьмое чудо света — Великую стену, дабы не допустить вольных сынов евразийских степей вглубь Поднебесной. Европа такой стеной не обладала, а потому к середине следующего столетия гуннский потоп еще немного и достиг бы Атлантического океана. Сметая по пути великие и малые государства и увлекая вслед за собой уцелевшее после погрома население, гуннская орда превращала деморализованную массу европейских этносов в закваску современных народов и наций. В величайшей битве раннего Средневековья на Катауланских полях в Шампани (451 г.), на стороне гуннского вождя Атилы, прозванного современниками Бичом божьим, участвовали и славянские (проторусские) племена. Ранее гунны помогли нашим предкам избавиться от первой германской оккупации в лице империи готов, что протирала свои пределы от Балтийского до Черного моря.

Потому-то и не удивительно, что сами гунны за сто лет заметно обрусели и прекрасно *говорили по-русски*. Главная причина — ниже, а пока что несколько слов о гуннском языке. О конкретной его принадлежности (как,

впрочем, и относительно происхождения самого народа) ученые до сих пор не имеют единой точки зрения. Зато сохранилось три слова. Их приводят различные источники — китайский, греческий и латинский. Китайские авторы воспроизводят с помощью иероглифов гуннское слово *сагайдак*: в тюркских и славянских языках оно означает «колчан» (отсюда производное прилагательное и известная фамилия Сагайдачный — так звали, к примеру, одного из запорожских гетманов). Секретарь византийского посольства Приск приводит по-гречески еще одно «гуннское» слово — *мёд*, для которого не требуется разъяснений. И, наконец, готский автор Иордан, рассказывая по-латински о смерти Аттилы и захоронении его в трех гробах — золотом, серебряном и железном (сверху же был насыпан огромный курган, не найденный, кстати, до сих пор), сообщает третье «гуннское» слово — *страда*. Это — хорошо известная из русской истории славянская тризна, которую справляли по умершим прямо на кургане.

После вторжения в Европу гунны быстро смешались с местным завоеванным населением и теми, кто был увлечен гуннским вихрем и жаждой легкой наживы, а также ненавистью к римлянам и византийцам, составив основную массу небывалого явления, названного впоследствии «великим переселением народов». То же самое происходило и на российских просторах. Предпринимались неоднократные попытки объявить Аттилу русским князем, а гуннов сблизить со славянским племенем. Одним из первых в данном плане высказался известный в прошлом и весьма плодовитый русский писатель Александр Фомич Вельтман (1800—1870), опубликовавший в 1858 году книгу «Аттила и Русь в VI и V в.». Предположение о славянстве гуннов поддерживал и выдающийся русский мыслитель-славянофил Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) (рис. 101). В незавершенном обширном историческом исследовании, получившем у друзей полушутливое название «Семирамида», Хомяков высказал немало интересных соображений о «славянской стихии гуннов» и причинах возвышения гуннской державы: «Не Аттила создал гуннское царство. Он нашел царство готовое от Урала до Эльбы и до лесов Тюрингии. <...> Победы Аттилы утвердили навсегда самобытность освобожденных народов... Его великим подвигом утверждена возможность Руси, Польши и всех исторических царств славянских...»

Горячим сторонником и пропагандистом идеи о русском происхождении гуннов был также славянский патриот и писатель Юрий Иванович Венелин (1802—1839) выходец из Венгрии, имевший русско-румынские православные корни. Ему принадлежит специальное исследование о гуннских именах в их сопоставлении со славянскими. Для этого Венелин даже предпринял специальную экспедицию в Болгарию, находившуюся тогда под властью Османской империи, дабы в глухих деревнях, где сохранялись еще повсюду древние нехристианизированные имена, найти подтверждение своим гипотезам, И нашел...

Данная точка зрения неоднократно доводилась до крайности. Типичным примером может служить популярный некогда роман «Бич божий», принадлежащий перу Ивана Кузьмича Кондратьева (1849—1904), автора, ныне совершенно забытого, хотя и известного по приписываемой ему народной песне «По диким степям Забайкалья...». Роман, первоначально назывался «Гунны» и был впервые опубликован в 1878 году. В нем гунны выведены как одно из ответвлений славянского племени венедов, а Атилла предстает как древний киевский князь. Такое на первый взгляд совершенно неправдоподобное

предположение опирается на абсолютно бесспорные факты, заимствованные из сочинений западных средневековых историков и, в частности, Саксона Грамматика, Адама Бременского и Гельмольда, которые принимали славян и гуннов за один народ.

Мнение средневековых хронистов в XIX поддержали крупнейшие историки: в Чехо-Словакии — Павел Йосеф Шафарик (1795—1861) (рис. 102), которому принадлежит классический многотомный труд «Славянские древности»; в России — Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920) (рис. 103). Последнему принадлежит специальное научное исследование по данному вопросу. Идея о славянстве и рускости гуннов отстаивается и в капитальном труде А. Нечволодова «Сказания о Русской земле». Есть еще одно поразительное совпадение, на которое, насколько мне известно, никто не обратил должного внимания. По сообщению Иордана, старшего брата Аттилы звали Роас. С учетом массовых искажений этнонимов и имен собственных в латинской передаче слово «Роас» читается как *рос* (или *рус*).

Не успели гунны исчезнуть с лица земли, а точнее — раствориться в толще других (и прежде всего — русского) народов, как на южных рубежах России, обойдя Кавказ по каспийскому побережью, появился новый захватчик — хазары. Несколько веков сосали они русскую кровь, а под конец попытались даже навязать и совершенно чуждую русскому народу идеологию — исповедуемый хазарами иудаизм. Случилось это уже после того, как русский князь-язычник Святослав вместе со своей языческой дружиной сломал хребет Хазарскому каганату. Могущество хазар было подорвано еще и по одной причине. Понять ее помогает судьба другого кочевого народа, сопредельного южнорусским славянам.

Речь пойдет о предках современных болгар, которые тогда именовались булгарами и говорили на тюркском наречии. Обитали тюркоязычные кочевники-протоболгары в придонских, приазовских и причерноморских степях, примыкавших к Северному Кавказу. Здесь они основали государство Великая Болгария со столицей в ранее разграбленной и сожженной гуннами Фанагорией (современная Тамань). Отсюда же они были вытеснены хазарами из степной отчины в придунайские степи. Вскоре беглая орда во главе с вождем-пассионарием Аспарухом (ок. 643 — ок. 701) форсировала Дунай, вторглась на Балканы и, слившись с семью автохтонными славянскими племенами, дала начало болгарской нации и Болгарскому государству.

Всё это хрестоматийные факты. Вопрос же совершенно в другом: как случилось, что тюркоязычные болгары, дав свое имя неизвестным балканским славянам, стали говорить на славянском языке. Ведь язык вовсе не тот феномен, с которым можно обращаться как вздумается и менять по прихоти, как перчатки. Смерть языка означает смерть народа. В Болгарии, однако, ничего подобного не произошло. Почему? Всё очень просто: потому что славянский язык, с коим столкнулась орда хана Аспаруха, не был ей абсолютно чуждым. Потому что в составе орды, не скованной никакими религиозными ограничениями и запретами, было множество (если не большинство) славян. Потому что гаремы тюрко-булгар в основном состояли из славянских пленниц, а их дети, естественно, говорили на славянском языке, который в силу чисто географических причин был проторусским. Потому-то, кстати, язык болгар, отделенных от России и Украины неславяноязычными Румынией и Молдавией,

оказался более близким русскому и украинскому, чем язык, скажем, граничащих с ними поляков или словаков*.

Сказанное с некоторыми оговорками вполне можно спроецировать и на Хазарский каганат в пору его соприкосновения с данниками — русскими племенами. На протяжении многих столетий сама возможность выживания и воспроизводства хазар обеспечивалась за счет непрерывного пополнения гаремов прекрасными славянскими полонянками, до которых были столь охочи горячие восточные витязи. Подтверждением тому служат скупые слова Радзивилловской летописи, где говорится, что хазары предпочитали в качестве русской дани «по девице от дыма». Другими словами, от каждого двора, или «дыма» бралась в хазарский гарем красна девица, как впоследствии, спустя почти тысячу лет, брался в военную пору от каждого двора («дыма») парень-рекрут.

Правда, соответствующее место из Радзивилловской летописи считается не просто спорным, но еще и темным. Здесь дословно сказано: «А козаре имаху <...> по бели и девечи от дыма», что означает «А хазары брали по белке и девке от дыма». Раньше Радзивилловская летопись с ее изумительными красочными иллюстрациями считалась личным и бесценным достоянием литовских князей и была практически недоступна для исследователей. Долгое время она хранилась в Кёнигсбергском замке (откуда у нее и другое название — кенигсбергский список) и лишь после Семилетней войны в качестве трофея была доставлена в Петербург, где уже имелась копия, сделанная по заказу Петра Великого. Теперь же 5-тысячным тиражом издано прекрасное факсимильное издание Радзивилловской летописи, оно есть во всех научных библиотеках, а кое-где еще и в продаже. Поэтому каждый, кто не поленится открыть 8-й факсимильный лист и взглянет на воспроизведенную здесь раскрашенную миниатюру, может самолично увидеть русского данника, склонившегося перед самодовольным хазарином со связкой шкурок (явно не беличьих, а, скорее, куньих) и каким-то горшком в руках (что в нем — не сказано), а сзади него жметя испуганная стайка круглолицых русских девушек, коим суждено стать хазарскими наложницами (рис. 104).

Справедливости ради необходимо отметить, что про девушек, которых хазары требовали в качестве дани от каждого дыма и которые в конечном счете явились причиной постепенного обрусения хазарского социума, говорится лишь в Радзивилловской летописи. Во всех прочих списках, в том числе и в наиболее древних — Лаврентьевском и Ипатьевском — упоминание про девиц вообще отсутствует, а вместо слова «девицы» стоит «веверицы», что переводится и как «белки», и как «ласки», и как «горностаи». Общеизвестно, что каждый переписчик летописей вносил свой «редакторский вклад» и безбожно правил первоначальный текст (а то еще и придавал ему нужную идеологическую направленность): потому разные летописные списки так и отличаются друг от друга. Чем вызвана была замена в летописных текстах

* После хазарского разгрома значительная часть протоболгар отделилась от единой орды и откочевала в Среднее Поволжье, основав там ставшее вскоре могущественным средневековое государство Волжскую Булгарию. Язык ее населения остался тюркским (потомками волжских булгар, разгромленных лишь в результате монгольского нашествия, стали современные татары). Почему произошло такое расщепление единого некогда народа? Думается, что в отличие от орды хана Аспаруха, где весьма значительным оказался славянский культурно-лингвистический элемент, их волжские собратья были в основном тюркитами.

«девиц» на «вевериц» — теперь сказать трудно. Скорее всего, это связано с тем, что когда первые русские князья освободили полян, древлян, северян и вятичей от постыдной хазарской дани, они заменили ее на традиционную для русского полюдья — шкурки куниц, белок да горностаев (вевериц).

Но и обвинять создателей Радзивиловской летотиси — переписчиков и художников — в ошибке (а то и подлоге) также не пристало. Сдается, именно они как раз ближе всех к истине и, быть может, опирались на какой-то дополнительный, ныне утраченный протограф. Вдумайтесь сами: ну, что за дань такая — по белке от дыма, когда, правда, несколько позже, при сыне Дмитрия Донского Василии I, был установлен «штраф»: за нанесенную рану — 30 белок, а за синяк — 15. Это свои-то так брали — а тут хазары! Последние вообще всех обдирали, как липку — хорошо, если сам цел оставался. Так что с одной беличьей шкуркой здесь что-то явно не так. И горностаевая прибавка не спасает. А вот девицы — в самый раз. К тому же вскоре русские красавицы стали самым ходовым товаром на восточных невольничьих рынках.

Ну, а что же происходило с детьми русских матерей и хазарских отцов — неизбежными плодами страстных гаремных утех? Естественно, они становились полноправными членами хазарского общества: юноша превращался в отважного джигита, девушка выходила замуж за хазарина. А на каком языке говорили такие бастарды? Разумеется, в перовую очередь на том, какому их научила мать и на каком пела она своим чадам колыбельные песни! Стоит ли после этого удивляться, что хазары также постепенно русели, как перед тем болгары, а еще раньше — гунны, готы, сарматы и прочие соседи проторусских племен.

Образ такого обрусевшего кочевника сохранился в былинном цикле о встрече и битве Ильи Муромца с собственным сыном Сокольников. В некоторых былинах он именуется Жидовином-богатырем:

*Еще что же за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския...
(Записано в Архангельской губернии)*

К выводу о тождественности сына Ильи Муромца со степняком-нахвалящиком, исповедовавшим хазарский иудаизм (почему и прозывается он Жидовином) пришел замечательный русский географ, этнограф и фольклорист Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) в специальном исследовании «Ерке: культ сына неба в Северной Азии» (Томск, 1916). На основании сопоставления различных текстов можно предположить, что любовница Ильи Муромца и мать Сокольника оказалась в хазарском плену либо будучи беременной, либо уже с грудным ребенком на руках. Сын вырос и был воспитан в хазарской среде как необузданный джигит с жестокой и дикой моралью: он и отца пытается убить, даже когда узнал, кто одержал над ним победу, и родной матери голову срубил. Однако говорит «хазарин» Сокольник *по-русски*.

* * *

На протяжении многих веков лучшие сыны славян мечтали о будущем единении своих народов. Наиболее радикально мыслящие

сторонники славянского единства облекли свои абстрактные устремления в форму достаточно радикальной идеи *Панславизма*. Одним из первых и ярких ее пропагандистов стал Юрий Крижанич (ок. 1618—1683). По национальности он был хорват, по вероисповеданию — католик. Но это не помешало ему призвать всех славян объединиться под властью русского православного царя. Другого пути славянского возрождения Крижанич не видел. Одним из главных средств считал создание и повсеместное внедрение искусственного общеславянского языка, разработанного на основе русского, ибо «русский народ и имя — всем прочим начало и корень». О себе, нисколько не отказываясь от хорватских корней, он писал: «...Мы, русские, никак не менее древни, чем древние афиняне, и ожем называть себя автохтонами, т.е. местными уроженцами».

Крижанич был настолько одержим утопической панславистской идеей, что в качестве «пробного шара» написал свой главный трактат «Политика» (рис. 106) на смеси сербскохорватского, русского и церковнославянского языков. Книга была написана в Тобольске, куда ее автора, заподозренного в шпионаже в пользу римского папы, сослали по указу царя Алексея Михайловича — такова была упреждающая реакция московских властей на призыв к объединению славян под эгидой русского царя.

Наибольший всплеск идея славянской взаимности (как тогда выражались) пережила в XIX веке. Первая волна зародилась на территории Австро-Венгерской империи, оккупировавшей в те времена и включившей в свой состав ряд славянских стран и земель на юге (Сербия, Хорватия, Далмация, Словения, Босния и Герцеговина) и в центре Европы (Чехия, Моравия, Словакия, Прикарпатская Галиция). Одним из первых пропагандистом идеи славянского единства стал Ян Коллар (1793—1852) (рис. 106) — выдающийся чехословацкий поэт-просветитель и мыслитель. Он родился в Словакии, учился в Германии, печатался в Праге, служил пастором словацкой евангелической церкви в Будапеште, а под конец жизни работал профессором кафедры славянских древностей в Венском университете, писал на разных языках, в равной степени считается деятелем чешской и словацкой культуры. Но по большому счету Коллар должен быть признан идеологом всего славянского мира.

Никто ни до него, ни после не отстаивал столь последовательно и страстно идею славянского единения, не призывал не только к возрождению общей славянской культуры, но и к образованию в перспективе единого славянского государства. «Кто отказывается от своей нации, не уважает и не любит свой язык, кто презирает его дух и характер, тот не может питать настоящей любви к своей родине, — писал провозвестник будущего славянства. — Значит, меньшее должно быть подчинено большему, любовь к родине — любви к нации. Потоки, реки великие и малые вливаются в море; так и отдельные страны, края, племена, наречия должны вливаться в нацию. **Все славяне имеют только одно отечество**». [Подчеркнуто мной. — В.Д.]

Главное поэтическое произведение Коллара поэма «Дочь Славы», созданная в Пушкинскую эпоху и представляющая собой обширный цикл сонетов. В первой публикации поэмы (1824 г.) как целостного произведения насчитывалось 151 сонет, в последнем издании, вышедшем посмертно, их уже было 645. Ряд ключевых стихотворений можно с полным основанием назвать подлинным манифестом славянского единства:

*Будь славяне, чья семья безглава, —
Думал я в унынии своем, —
Медью, золотом и серебром,
Отлил бы я статую из сплава.*

*Голова — Россия, величава,
Польша — стан, за ними чередом
Чехи — руки и, двойным столбом,
Сербы — ноги. Так стояла б Слава.*

*Лужичанин, венд, словак, хорват
И силезец — ведь меньших немало! —
Были б сталью для меча и лат.*

*И взнеслась бы ввысь до облаков,
И Европа на колени б пала,
Вняв всемирный гром ее шагов!*

Или еще:

*Соединимся ж все мы без изъятья:
серб, русский, чех, болгар, поляк,
один к другому кинемся в объятья —*

*одна хоругвь, один да будет стяг;
забудем всё, что было, будем братья —
и дрогнет супротивный враг!*

Увы, идея возможного общегосударственного объединения славян оказалась недостижимой политической утопией. Европа не пала на колени, как привиделось Яну Коллару, а сделала все, чтобы не допустить славянского единства и превращения его в доминирующую силу на Европейском континенте и тем более — во всем мире. Тем не менее знамя панславизма не досталось врагу: оно было подхвачено другими подвижниками славянской идеи — и прежде всего в России.

В начале 1823 года в древнем русском городе Новоград-Волыньске на Житомирщине русскими офицерами и польскими ссыльными было организовано Общество соединенных славян, влившееся в дальнейшем в Южное декабристское общество. Своей конечной целью «соединенные славяне» ставили освобождение поработенных славянских народов и создание вместе с ними и некоторыми соседями республиканской федерации в составе России, Польши, Богемии, Моравии, Сербии, Далмации, Хорватии, Молдавии, Валахии, Венгрии и Трансильвании. Эти идеи, разделяемые многими декабристами, остались такой же неосуществленной мечтой, как и поэтический манифест Коллара. К тому же в них усматривался революционный радикализм, одинаково неприемлемый и царскому режиму в России, и западноевропейским монархиям, и Османской империи.

И все же славянская идея продолжала жить и вдохновлять лучших сынов и дочерей славянских народов. Русские славянофилы — Алексей Хомяков, братья Иван (рис. 107) и Петр Киреевские, братья Константин (рис.

108) и Иван (рис. 109) Аксаковы, Юрий Самарин (рис. 110), Александр Кошелев и другие — всячески развивали и пропагандировали ее в культурологическом ключе. Что же касается поработанных славян — призывы к их освобождению крепили день ото дня, становясь все решительней и энергичней. Поэтическим символом, выражавшим общие настроения и симпатии русского общества, надолго сделался хомяковский «Орел»:

*<...> И ждут окованные братья,
Когда же зов услышат твой,
Когда ты крылья, как объятья,
Прострешь над слабой их главой...*

*.....
И час придет: окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Вскричат орлы, — и цепь насилья
Железным клювом расклюют!*

Страстный призыв Хомякова был обращен не только к настоящему, но также к обозримому или же далекому будущему:

*Вставайте, Славянские братья,
Болгарин, и Серб, и Хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!*

*.....
Как ярки и радости полны
Светила грядущих веков!..
Вскипите ж, Славянские волны!
Проснитесь, гнезда орлов!*

Стремление к единству и совместным действиям постепенно набирало силу. Лучшие умы в разных странах и в разобщенной славянской диаспоре приложили немало усилий для организационного оформления тех предложений, которые раньше осмеливались высказывать только на словах. В предгрозовое лето 1848 года, в самый канун общеевропейской революции, в Праге собрался 1-й Славянский съезд, который заканчивался уже под грохот баррикадных боев. Сам факт состоявшегося съезда, представительное присутствие многих идеологов славянского единства и принятые документы стали важнейшей вехой в консолидации панславистских сил. В подготовке, проведении съезда и написании его манифеста активное участие принял знаменитый деятель русского и мирового революционного движения Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) (рис. 111), ставший одним из вождей вспыхнувшего во время съезда восстания. Выступая на одном из заседаний, он призывал «положить начало новой славянской жизни, провозгласить и утвердить единство всех славянских племен, соединенных в одно нераздельно и великое политическое тело». В принятом же на съезде Манифесте, тотчас же вызвавшем бурный гнев австрийских властей, в частности, говорилось:

«Славянский съезд в Праге есть явление новое как для Европы, так и для самих славян. Впервые с тех пор, как о нас упоминает история,

сошлись мы, разрозненные члены великого племени в большом числе из далеких краев, дабы, сознав в себе братьев, мирно обсудить свои общие дела. И мы поняли друг друга не только нашим прекрасным языком, на котором говорят восемьдесят миллионов, но и созвучным биением сердец наших и сходством наших душевных стремлений. Правда и прямота, руководившие всеми нашими действиями, побудили нас высказать перед Богом и перед людьми то, чего мы хотели и какими принципами руководствовались в наших действиях.

Народы романские и германские, некогда прославившиеся в Европе как могучие завоеватели, тысячу лет тому назад силою меча не только добились своей независимости, но и сумели всемерно обеспечить свое господство. Их государственное искусство, основывавшееся преимущественно на праве сильного, предоставляло свободу только высшим сословиям, управляло посредством привилегий, народу же оставляли одни лишь обязанности; только в новейшее время силе общественного мнения, носящегося подобно духу Божию над всеми землями, удалось разорвать все оковы феодализма и снова вернуть людям неотъемлемые права человека и гражданина. Напротив, среди славян, у которых любовь к свободе искони была тем горячее, чем слабее проявлялась у них охота к господству и завоеваниям, у которых тяга к независимости всегда препятствовала образованию высшей центральной власти, одно племя за другим с течением времени попадало в состояние зависимости. С помощью политики, давно уже осужденной по заслугам в глазах всего мира, напоследок лишен был и героический польский народ, наши благородные братья, своего государственного существования. Казалось, что весь великий славянский мир всюду очутился в порабощении, добровольные холопы которого не преминули отрицать за ним даже способность к свободе. Однако эта нелепая выдумка в конечном счете исчезает перед словом Божиим, говорящим сердцу каждого из нас в глубоких переворотах нашего времени. Дух, наконец, добился победы; чары старого заклания разрушены; тысячелетнее здание, установленное и поддерживаемое грубою силою в союзе с хитростью и коварством, рассыпается в прах на наших глазах; свежий дух жизни, веющий по широким нивам, творит новый мир; свободное слово и свободное дело стали, наконец, реальностью.

Теперь поднял голову и давно притеснявшийся славянин, он сбрасывает с себя иго насилия и мощным голосом требует своего старого достояния - свободы. Сильный численностью, еще более сильный своей волей и новообретенным братским единомыслием своих племен, он тем не менее остается верен своим прирожденным свойствам и заветам своих отцов: он не хочет ни господства, ни захватов, но требует свободы как для себя, так и для каждого; требует, чтобы она была повсюду, без изъятия, признана святейшим правом человека. Поэтому мы, славяне, отвергаем и ненавидим всякое господство грубой силы, нарушающей законы; отвергаем всякие привилегии и преимущества, а также политические разделения сословий; желаем безусловного равенства перед законом и равной меры прав и обязанностей для каждого; там, где между миллионами рождается хоть один порабощенный, действительная свобода не существует. Итак, свобода, равенство и братство всех граждан государства остаются, как тысячу лет назад, так и теперь нашим девизом...»

Менее радикально (но не менее воодушевленно!) звучали речи других делегатов. И все же на общем фоне особенно выделялось выступление

прославленного чешского и словацкого историка, философа-просветителя и политического деятеля Франтишека Палацкого (1798—1876) (рис. 112):

«Славяне! Братья! Кто из нас не проследил печальным взором нашего грустного прошедшего? И кто не видит также, что все, перенесенное нами, произошло от нашего невежества и роковой раздробленности, разделявшей братьев от братьев? Новая эра наступила для мира; иго, под которым стонали народы, пало; теперь мы можем громко высказать все, о чем мы думали долгие годы, можем и высказать, и осуществить то, чего требуют наши интересы...»

С тех пор проведение всеславянских съездов вошло в традицию. Так, в 1867 году удалось провести Славянский съезд в России, приурочив его к Всероссийской этнографической выставке в Москве. И хотя результаты данной общеславянской встречи не были столь впечатляющи в сравнении с предыдущей, все же и здесь наметилось несомненное продвижение вперед. О том далеком московском событии на сегодня самым запоминающимся осталось стихотворное приветствие Федора Тютчева (рис. 113):

*Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!
.....
Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас? ...
Мы ждем и верим провиденью —
Ему известны день и час...*

В общем хоре бурного восторга по поводу вероятного славянского объединения одиноко звучал голос мыслителя-славянофила консервативной ориентации — Константина Николаевича Леонтьева (1831— 1891) (рис. 114). Горячо любя славянскую историю и культуру — особенно в их православном аспекте, — он тем не менее скептически высказывался по поводу возможного государственного объединения славян. «Что такое славизм?» — спрашивал Леонтьев себя и читателей, к которым обращался. И тотчас же сам констатировал: «Ответа нет!».

Напрасно мы будем искать, считает мыслитель-славянофил, какие-нибудь ясные, резкие черты, какие-нибудь определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков. Идея славизма не

представляет отвлечения исторического, то есть такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры.

Китаизм, китайская культура — это всякому более или менее ясно. Европеизм — тоже, несмотря на всю сложность западноевропейской истории, есть некоторые черты, общие всем эпохам, всем государствам Запада,—черты, которых совокупность может послужить для исторической классификации, для определения, чем именно романо-германская культура, взятая во всецелости, отличалась и отличается теперь от всех других погибших и существующих культур, от японо-китайской, от исламизма, древнеегипетской, халдейской, персидской, эллинской, римской и византийской.

Частные цивилизации: англо-саксонскую, испанскую, итальянскую также не трудно определить в совокупности их отличительных признаков. У каждой из этих частных цивилизаций была одна общая литература, одна государственная форма выяснилась при начале их цветения, одна какая-нибудь религия (католическая или протестантская) была тесно связана с их историческими судьбами; школа живописи, архитектурные стили, музыкальные мелодии, философское направление были у каждой свои, более или менее выработанные, ясные, наглядные, доступные изучению. Истории древнеболгарского и древнесербского царств очень бесцветны и ничего особенного, резко характерного, славянского не представляют: они очень скоро вошли в поток византийской культуры, «не бросивши векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда»; а с падением византийского государства пресеклась и их недозревшая до своеобразно культурного периода государственная власть.

Чехи? О чехах вообще говорить очень трудно. Во времена, когда Леонтьев писал свой памфлет (а речь идет о самой знаменитой его работе «Византизм и славянство»), в русском обществе о чехах было принято за правило говорить только всякого рода лестные вещи; писатели в большинстве своем даже считали долгом ставить чехов непременно выше русских. «Почему?» — спрашивает мыслитель-славянофил и саркастически продолжает: «Не потому ли, что народ их грамотнее нашего? Конечно, чехи — братья нам; они полезны, не говорю, славизму (ибо, как я сказал, славизма нет), а славянству, т.е. племенной совокупности славян; они полезны как передовая батарея славянства, принимающая на себя первые удары германизма. Но, с точки зрения вышеприведенных культурных отличий, нельзя ли чехов вообще назвать прекрасным орудием немецкой фабрики, которое славяне отбили у немцев, выкрасили чуть-чуть другим цветом и повернули против Германии? Нельзя ли их назвать в отношении их быта, привычек, даже нравственных свойств, в отношении их внутреннего юридического воспитания, немцами, переведенными на славянский язык?». Эта нелестная характеристика чехов как «немцев, переведенных на славянский язык» вошла чуть ли не в поговорку. Относительно других славянских народов Леонтьев высказывался не менее определенно и категорично...

И все же, наконец, наступил тот вожделенный час, о котором так страстно писал Хомяков и мечтали десятки и сотни тысяч славян в разных уголках разьединенного Славянского мира: просветительский и пропагандистский акцент переместился в практическое русло. В 1877 году Россия вступила в кровопролитную, но победоносную войну за освобождение

Болгарии от турецкого ига (рис. 115). Через два года враг был разгромлен, и русская армия под водительством блистательного полководца, «Суворову равного», Михаила Дмитриевича Скобелева (1843—1882) (рис. 116) вышли почти что к стенам Константинополя. Оставался всего лишь один бросок, чтобы выбить уже полностью сломленных турок из древней византийской столицы и завладеть полным контролем над Босфорским проливом.

Одновременно открывалась реальная возможность создания мощных независимых славянских государств на Балканах с перспективой дальнейшего славянского объединения. Этого уже Европа допустить не могла: на Берлинском конгрессе в 1878 году у России и ее славянских союзников с помощью дипломатических интриг и в результате бесхребетной политики царского правительства была по существу отнята победа. Идеи панславизма оказались бессильными перед изощренным европейским макиавеллизмом. Но они продолжали жить и развиваться. Тем же Скобелевым. Он говорил своему другу писателю Василию Немировичу-Данченко: «... Я рисую себе в будущем вольный союз славянских народов, племен. Полнейшая автономия у каждого, одно только общее — войска, монета и таможенная система. В остальном живи, как хочешь, и управляйся внутри у себя, как можешь».

Скобелев не только разработал основные положения программы объединения славян, но и — обладая редкими пассионарными и волевыми качествами, имея ни с кем не сравнимый авторитет в России и за ее пределами — вполне созрел для того, чтобы возглавить движение за практическую реализацию общеславянского единства. Именно потому он был не удобен ненавистникам России и славянства, которые, судя по всему, и организовали его убийство, выданное за несчастный случай: «Белый генерал» погиб в самом расцвете сил, не достигнув сорокалетнего возраста.

В дальнейшем необходимость славянского единства для геополитического равновесия прекрасно понимали и проводили в жизнь руководители нового государственного образования на территории Российской империи — Советского Союза. Вот что говорил, к примеру, в марте 1945 года, незадолго до окончания Великой Отечественной войны генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин (1879—1953) (рис. 117), отражая традиционную точку зрения типичного российского государственника и патриота:

«Теперь много говорят о славянофилах. Нас зачастую сравнивают со старыми славянофилами царских времен. Это неправильно. Старые славянофилы, например, Аксаков и другие, требовали объединения всех славян под русским царем. Они не понимали, что эта вредная идея и невыполнимая.»

Славянские народы имеют различные общественно-бытовые и этнографические уклады, имеют различные культурные уровни и различные общественно-политическое устройство. Географическое положение славянских народов также мешает объединению.

Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом... <...>

Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, так как

знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия. Мы могли бы в Болгарии установить советский строй, там этого хотели. Но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства».

Хорошо говорил грузин Джугашвили-Сталин о проблемах славянского единства. Не всякий русский или украинец, чех или поляк, болгарин или серб так скажет. Но главное — правильное понимание сути славянского единства. Во многом мысли Сталина перекликаются с идеями Скобелева. Никак не сравнить с тем, что говорят сегодня о славянстве некоторые славянские лидеры, которые не в состоянии подняться над узконационалистическими интересами, к тому же и превратно понятыми. Некоторые руководители, правда, вообще ничего не говорят, потому что, не обладая государственным кругозором и геополитическим мышлением, попросту не знают, что сказать — опять же на беду славянству.

* * *

3-е тысячелетие Новой эры славянский мир встречает как никогда разобщенным. Такого еще не бывало! Распались традиционные славянские государственные образования Чехословакия и Югославия: в одном случае мирно, в другом в результате кровопролитных столкновений. На развалинах сверхдержавы СССР появились три самостоятельных славянских государства — Россия, Украина, и Белоруссия, оставшиеся за их пределами славяне в ряде случаев подверглись притеснениям и ущемлениям их гражданских и этнических прав.

И тем не менее стремление к славянскому единению не иссякло. Конечно, в конце XX века оно более не представляет собой того мощного и всех воодушевляющего потока, каким оно было в прошлом. И все же оно — по-прежнему все тот же чистый и неиссякаемый горный ручей, что неудержимо стремится к своей ясной цели и не может не радовать сердца каждого, кто обеспокоен судьбой славянского племени.

В 1998 году в Прагу по случаю 150-летней годовщины 1-го Славянского съезда вновь съехались представители славян со всего мира. В связи с изменением карты Европы и появлением на ней новых самостоятельных славянских государств, изменились и их прежние социально-политические и идеологические ориентиры. Не изменился однако *славянский дух* — он все такой же жизнерадостный и искрящийся неистребимой верой в лучшее будущее. Многим оно видится только на путях интеграции в общемировые и общеевропейские ценности.

Новая ситуация на международной арене и в расстановке геополитических сил заставили представителей славянских народов в очередной раз задуматься о смысле и непреходящих ценностях славянской взаимности, которые были так убедительно проверены в ходе совместных действий в рамках антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны и в процессе послевоенного международного сотрудничества. По мнению многих участников Пражского конгресса, славянские народы являются нераздельной частью современной европейской и мировой цивилизации, в которой нет избранных народов, и где каждый народ, исходя из своих исторических традиций и опыта, имеет право использовать испытанные ценности

международной взаимности в интересах повышения качества жизни в каждой стране. Славянские народы являются составной частью единого целого — всемирного движения за упрочение ценностей человеческой цивилизации и гуманизм.

Славянские страны не хотели бы возвышаться над другими государствами, но в то же время они никому и никогда не позволят встать над ними и усомниться таким образом в их равноправном положении в мире. Перед лицом новых попыток разделения Европейского континента и славянского мира, многие участники хотели бы рекомендовать представителям всех государств, парламентов и правительств использовать опыт славянской взаимности для установления справедливого мира и сотрудничества во всем мире. Самым решительным образом был заявлен курс на дальнейшее расширение и укрепление взаимных связей и сотрудничества в экономической, научной, научно-технической, духовной и гуманитарной сферах и в области отношений между людьми — с учетом всего положительного, что накопили великие предки в отношениях между славянскими народами: дабы преодолеть все прошлые и нынешние противоречия в славянском мире; дабы вступить в XXI век без войн, военных объединений, чтобы изменить жизнь всей планеты и всех её народов, освободив их от нужды и отсталости, чтобы найти справедливое место для всех и обеспечить человечеству в XXI веке мир и достойное существование.

* * *

2—4 апреля 2001 года практически при полном замалчивании в средствах массовой информации (СМИ) и абсолютной индифферентности со стороны властей в Москве состоялся очередной, восьмой по счету, Всеславянский съезд. Центральные газеты, радиоэфир и экраны телевизоров были забиты истеричной информацией о кухонных разборках вокруг НТВ и сообщениями о состоянии здоровья бывшего управделами кремлевской администрации П.П. Бородин, оказавшегося за тюремной решеткой в Америке и ожидавшего предстоящей выдачи его судебным властям Швейцарии. С точки зрения тех, кому чужды судьбы и беды славянского мира, эти события-однодневки, о которых очень скоро все позабудут, конечно, гораздо важнее проблем славянства. Потому-то в отношении Всеславянского съезда все точно воды в рот набрали. Делегаты, как и полтора века назад, прибывали, размещались и питались за собственный счет — с той разницей, однако, что пожертвования русских и славянских меценатов в 1867 не идут ни в какие сравнения со скромным участием современного российского капитала (не говоря уже о прочих благотворительных, бюджетных и внебюджетных средствах).

Тем не менее, открытие форума, работа 20 секций и заключительное пленарное заседание прошли с большим воодушевлением и при огромной активности участников. Тон задавало празднование 5-летней годовщины Союза России и Белоруссии, реально воплотившего славянское единство на государственном уровне, а также торжественное заседание по этому поводу, прошедшее в Колонном зале Дома Союзов. На секциях рассматривалось необъятное множество политических, исторических, культурно-просветительских и научных проблем, сгруппированных по следующим темам и направлениям: 1. Славянский парламентский союз; 2. Союзное государство России и Белоруссии; 3. Конференция славянских

организаций России; 4. Учредительное собрание Всеславянского союза писателей и издателей; 5. Славянство в условиях глобализации и информационной войны; 6. Конференция преподавателей высшей и средней школы славянских стран; 7. Встреча славянских журналистов; 8. Международный общественный трибунал; 9. Славянство: национальные и региональные аспекты; 10. Всеславянский экономический союз: реальность и перспективы; 11. Славяно-евразийский конгресс «Уроки второй мировой войны и проблемы славянского мира»; 12. Встреча славянской молодежи; 13. Славиакосмос: «Возрождение приоритетов»; 14. славянское женское движение; 15. Конференция ассоциации славянских диаспор; 16. Доктрина экологической безопасности славянских государств; 17. Союз славянских композиторов; 18. Выставка славянских художников, архитекторов и скульпторов; 19. Древняя история славян; 20. Вечевая славянская община «Мир».

В обращении к участникам Всеславянского съезда его Оргкомитет отмечал: «Наша общая задача — создать проект жизнеустройства и жизнеобеспечения всего Славянского Мира, имеющий целью ответить на вопросы: как мы должны жить в сегодняшнем людском океане планеты Земля, как взаимодействовать с окружающими людьми, биосферой. С природо-матушкой? Как взаимодействовать со Вселенной? И эти связи должны быть проникнуты до самых глубин. Как с миром наших предков, откуда мы должны черпать мудрость и наставления на грядущие дела для построения Мира, который мы оставим своим Детям и Внукам. *Одному человеку такие задачи не под силу, но всем Миром — сдюжим!*»

Выступавшие на съезде (и в частности - депутат Государственной Думы Виктор Иванович Илюхин) говорили о трудностях и сложностях на пути дальнейшего единения можно разделить на внутренние и внешние. На международной арене наши противники пытаются часть славянского мира втянуть в себя, ассимилировать и растворить. Они же предпринимают все меры к тому, чтобы славянские государства не интегрировались друг с другом. Не случайно новая администрация США заявила о том, что у России не должно быть своего интереса в бывших союзных республиках, особенно на Украине.

Запад хочет видеть Россию своим сырьевым придатком, а не высокотехнологической державой. Достаточно вспомнить откровенные слова бывшего премьер-министра Великобритании Джона Мейджора: «... задача России после проигрыша в «холодной войне» - обеспечить ресурсное благополучие страны. Но для этого вам нужно всего 50-60 миллионов человек». Еще циничнее высказался Генри Киссенджер: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну, чем восстановление крепкого централизованного государства». Все эти высказывания обретают конкретную линию поведения, находят сторонников среди действующих российских политиков.

К сожалению, славянский мир не выработал согласованных мер по противодействию американскому диктату. Одна из причин трудного объединения славянского мира связана с позицией верхушки политической элиты, стоящей у власти в бывших союзных республиках. Именно она является главным препятствием на пути интеграции на постсоюзном пространстве. Обладая полной независимостью от какого-либо центра, и будучи криминально-коррупционной в своей основе, она опасается появления любых структур, стоящих над ней, а вместе с этим и ответственности за прошлые и нынешние деяния. Она обеспокоена больше сиюминутным сохранением своей власти, чем долговременной судьбой народов своих стран. Сильный лидер, патриот своей

своей родины, ради спасения Отечества пошел бы на любые кардинальные меры. При этом не стал бы оглядываться назад и прислушиваться к тому, как подаются мировому сообществу его шаги, не выдают ли их за возврат к старому, к возрождению тоталитаризма, а то и к фашизму.

Времени на раскачку просто нет. Промедление убивает Россию, разрушает славянский мир. Демографические потери не уменьшаются, а наоборот, увеличиваются и составляют около одного миллиона человеческих жизней в год. Необходимо обратиться к российскому президенту, другим славянским лидерам с предложением об активизации объединительного процесса. В уходящем столетии в разрушении славянской цивилизации США активно использовали исламский фактор, как в России, так и на Балканах.

Предстоит извлечь из этого уроки и не допустить широкой конфронтации. Во многих исламских государствах вызрело много негативного по отношению к политике глобализма, утверждения «нового мирового порядка». Они, как и славяне, стремятся защитить свою самобытность, культуру и независимость. Поэтому мы должны вести широкий диалог с мусульманами и избегать открытой конфронтации. Будущее славянского мира закладывается сегодня. Во многом оно определяется позицией России, ее мощью и устремлениями. Это накладывает особую ответственность и на русский народ, на его способность разобраться внутри страны, объединить и защитить славянских братьев и сестер.

Увы, пока что призывы подвижников всеславянского единства остались без ответа со стороны властных структур. Точно также в свое время были проигнорированы и страстные призывы 1-го славянского съезда в 1848 году. Но о том съезде, его инициаторах и принятых решениях помнят до сих пор, а вот имена правителей, к которым обращались известные представители славянской общественности, в основном подзабыты (или известны узкому кругу историков-специалистов). Думается, то же самое произойдет и в отношении нынешней ситуации в общеславянском движении.

Главный враг славянского единения — **национализм** во всех его проявлениях и разновидностях, который сами же славяне ухитряются направлять друг против друга. При этом он связан, прежде всего, не столько с утверждением самобытности культуры или социопсихологических особенностей того или иного народа, сколько с подчеркиванием своей национальной исключительности и превосходства над другими этносами. Трудно понять и рационально объяснить, например, почему периодически пробуждается ненависть между сербами и хорватами, говорящими на одном и том же языке. Или — чего никак не могут поделить русские и украинцы, поляки и белорусы, чехи и словаки, болгары и македонцы, сербы и черногорцы. Или — откуда вдруг у болгар, по сей день называющих *братушками* русских освободителей от османского ига, вдруг появляется дикое и варварское (других слов не подберешь) желание снести с лица земли величественный памятник советскому воину, любовно прозванный в народе «Алешей», про которого на протяжении сорока лет по всему не существующему более социалистическому лагерю распевали песню: "Стоит над горою Алеша / В Болгарии русский солдат..." Примеры можно приводить очень долго.

Но еще больше примеров иного, диаметрально противоположного, плана. Снизу, из самой гущи народных масс, растет и развивается движение за укрепление славянской взаимности. Рядовые граждане и активисты многих стран Восточной Европы участвуют в воистину

всенародном движении "Славянский ход". В ходе его регулярно выбранные делегаты осуществляют автпробег от Мурманска до Адриатики, выступая по пути следования автобусов с лекциями, давая концерты и просто общаясь с населением городов и сел России, Белоруссии, Преднепровья, Болгарии и бывшей Югославии.

Основная задача для современного славянского мира — это отстоять и сохранить свою культурно-историческую самобытность и этноязыковое родство. Не будем же ни на минуту забывать страстный призыв поэта:

*Славяне, вам светлая слава —
За то, что вы сердцем открыты,
Веселым младенчеством нрава
С природой весеннею слиты.*

*К любому легко подойдете,
С любым вы смеетесь как с братом,
И все, что чужое возьмете,
Вы топите в море богатом.*

*Враждуя с врагом поневоле,
Сейчас помириться готовы,
Но если на бранном вы поле —
Вы тверды и молча суровы.*

*И снова мечтой расцветаясь,
Вы — где-то, забывши об узком,
И светят созвездья, качаясь,
В сознании польском и русском.*

*Звеня, разбиваются цепи,
Шумит, зеленея, дубрава,
Славянские души — как степи,
Славяне, вам светлая слава!*

Константин БАЛЬМОНТ

* * *

На этом мне приходится с сожалением заканчивать главу и книгу в целом. Главной ее целью было установление истинных этнолингвистических корней и истоков славянского мировоззрения. Они кроются, как было продемонстрировано, в архаичном индоевропейской (а частично — и в доиндоевропейской) истории, многие факты которой давно утрачены. Развитие древнего социокультурного наследия на собственно славянской основе — проблема не менее захватывающая и интересная. Однако специальное (и тем более подробное) рассмотрение данного вопроса выходило за рамки заявленной темы и поставленных задач. Тем не менее логика истории неизбежно приводила исследование все ближе и ближе к современности (как это видно хотя бы из последней, завершающей, главы). Это и не удивительно: ибо настоящее существует не само по себе — оно естественный продукт прошлого (недавнего или очень далекого). Все мы, живущие сегодня, — прямые наследники предков,

их великих деяний, гениальных прозрений, горьких заблуждений и трагических ошибок. Так было и так будет! Всегда!

БИБЛИОГРАФИЯ (*Источники сведений и иллюстраций*)

- Абрамов Ю.А., Демин В.Н.* 100 великих книг. М., 1999.
- Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.
- Алексеева Л.М.* Полярные сияния в мифологии славян. М., 2001.
- Андреев А.* Магия и культура в науке управления. СПб., 2000.
- Андреев А.* Мир Тропы: Очерки русской этнопсихологии. СПб., 2000.
- Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 1—2. СПб., 1903—1905.
- Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Антология чешской и словацкой философии. М., 1982.
- Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Археология с древнейших времен до средневековья. В 20 томах. М., 1981—2000. (Издание не завершено).
- Асов А.И.* Атланты, арии, славяне. М., 1999.
- Асов А.И.* Славянские боги и рождение Руси. М., 1999.
- Асов А.И.* Славянские руны и «Боянов гимн». М., 2000.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. М., 1994.
- Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996.
- Белорусские народные сказки. М., 1993.
- Белорусы. М. 1998.
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. М., 2000.
- Белякова Г.С.* Славянская мифология. М., 1995.
- Бессонов П.А.* Лазарица, народные песни, предания и рассказы сербов о падении их древнего царства // Русская беседа. 1857. № 2.
- Библиотека литературы Древней Руси в двадцати томах. Т. 1—10 (издание продолжается). М., 1997—2001.
- Библиотека русского фольклора в двадцати томах. Т. 1—10 (издание продолжается). М., 1988—2000.
- Богданович А.Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
- Бодянский О.М.* О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.
- Бодянский О.М.* О народной поэзии славян. М., 1837.
- Болгарские народные сказки. М., 1951.
- Булашев Г.О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. К., 1909.
- Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. Т. 1—2. СПб., 1861.

- Бычков А.А.* Энциклопедия языческих богов: Мифы древних славян. М., 2001.
- Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.
- Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987.
- Великорусские заклинания. Сборник *Л.Н. Майкова*. СПб., 1994.
- Великорусские сказки в записях *И.А. Худякова*. М.-Л., 1964.
- Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник *Д.К. Зеленина*. Пг., 1914.
- Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. М., 1829.
- Вернадский Г.В.* Древняя Русь. М., 1996.
- Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
- Власов В.Г.* Кирилл и Мефодий. М., 1992.
- Волошина Т.А., Астапов С.Н.* Языческая мифология славян. Ростов н/Д, 1996.
- Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.Вс.* История происхождения индоевропейских языков // В мире науки. 1990. № 5.
- Гаркави А.Я.* О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов. СПб., 1872.
- Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М., 1994.
- Гиляров Ф.А.* Предания русской начальной летописи. М., 1878.
- Глинка Г.А.* Древняя религия славян // Мифы древних славян. Саратов, 1993.
- Гобарев В.М.* Предыстория Руси. В двух частях. М., 1994.
- Голан А.* Миф и символ. М., 1993.
- Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX веков. М., 1991.
- Гольдберг А.Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. Л., 1982.
- Горбовский А.А.* Загадки древнейшей истории. М., 1971.
- Горнунг Б.В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.
- Городцов П.А.* Были и небылицы Тавдинского края. В трех томах. Тюмень, 2000.
- Грандилевский А.* Родина Ломоносова (в доисторические времена). // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 12.
- Гриневич Г.С.* Праславянская письменность: Результаты дешифровки. Т. 1. М., 1993.

- Грушко Е.А., Медведев Д.М.* Энциклопедия славянской мифологии. М., 1996.
- Гудзь-Марков А.В.* Индоевропейская история Евразии. Происхождение славянского мира. М., 1995.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М., 1992.
- Гусева Н.Р.* Русские сквозь тысячелетия: Арктическая теория. М., 1998.
- Гура А.А.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гурина Н.Н.* Время, врезанное в камень. Мурманск, 1982.
- Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Приложение. СПб., 1843.*
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М., 1994.
- Даркевич В.П.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская археология. 1960. № 4.
- Демин В.Н.* Гиперборея: Исторические корни русского народа. М., 2000.
- Демин В.Н.* Тайны Земли русской. М., 2000.
- Демин В.Н.* Тайны русского народа: В поисках истоков Руси. М., 1997.
- Демин В.Н.* Загадки русских летописей. М., 2001.
- Демин В.Н.* Загадки Русского Севера. М., 1999.
- Демин В.Н.* Загадки Урала и Сибири. М., 2000.
- Денисова И. М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995.
- Державин Н.С.* Происхождение русского народа. М., 1944.
- Державин Н.С.* Славяне в древности. М., 1945.
- Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Довнар-Запольский М.В.* Белорусы; Белорусское прошлое; Солнышко и месяц в белорусской свадебной поэзии; Чародейство в Северо-Западном крае в XVII—XVIII вв. // Исследования и статьи. Т. 1. Киев, 1909.
- Доленга-Ходаковский З.* Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. № 20.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.*
- Древности славян и Руси. М., 1988.*
- Древность. Арьи. Славяне. М., 1996.*
- Древняя Русь: Быт и культура. М., 1977.*
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.*
- Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л, 1990.
- Елачич Е.А.* Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910.
- Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994.
- Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Ефименко П.С.* Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869.

Ефименко П.С. О Яриле, языческом Божестве русских славян. СПб., 1869.

Жар-птица: Югославские народные сказки. Загреб, 1970.

Жарникова С.В. К вопросу о возможной локализации священных гор Меру и Хары индоиранской (арийской) мифологии // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1988. № 11.

Жарникова С.В. Славяне и арьи в Вологодской, Олонецкой (Карелия), Архангельской и Новгородской губерниях // Развитие (Научная газета). 2000. №№ 1—3.

Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. В двух томах. М., 1876—1879.

Забьлин М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880.

Зарубин Л.А. Солнце и зори в праславянском и славянском изобразительном искусстве // Советское славяноведение. 1975. №1.

Зарубин Л.А. Сходные изображения Солнца и зари у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. 1971. № 6.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале // Фантастика и наука. Вып. 25. М., 1992.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Золин П.М. Русь до Руси: Славны ли русы? Вып. 1—10. Новгород, 1991—1995.

Иванов И. Культ Перуна у южных славян // Известия Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС). 1903. Кн.4.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.-Л., 1963.

Иловайский Д.И. Начало Руси. М., 1996.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси (Московско-литовский период, или Собиратели Руси). М., 1996.

Иловайский Д.И. Становление Руси. М., 1996.

Иллюстрированная история религий в двух томах. М., 1992.

Илья Муромец. М., 1958.

Ипатьевская летопись. М., 1998.

История Болгарии. В двух томах. М., 1954—1955.

История Польши. В четырех томах. М., 1956—1965.

История Чехословакии. В трех томах. М., 1956—1960.

История Югославии. В двух томах. М., 1963.

История южных и западных славян. М., 1979.

Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.

Калайдович К.Ф. Краткое начертание российской истории. М., 1814.

Калашников В.Л. Славянская цивилизация. М., 2000.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. М., 1978.

Кандыба В.М. Запрещенная история. СПб., 1998.

Кандыба В.М., Золин П.Н. История и идеология русского народа. СПб., 1997.

Карамзин Н.М. История государства Российского в двенадцати томах. Т. 1—6 (издание продолжается), М., 1989—1998.

Квашнин-Самарин Н. Очерк славянской мифологии // Беседа. 1872. Кн. 4.

Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.

Классен Е.И. Новые материалы для истории славян вообще и славяно-русов дорюриковского времени в особенности. Выпуски 1—3. М., 1854.

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987—1990.

Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960.

Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. № 1.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995.

Коробко Н.И. Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. 1909. Т.14. Кн.4.

Костомаров Н.И. Славянская мифология. М., 1995.

Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней. М., 1987.

Кто они и откуда? Древние связи славян и ариев. М., 1998.

Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск., 1998.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоевропейцев. М., 1994.

Культура русского Севера. Л., 1988.

Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.

Лесной Сергей. Откуда ты, Русь? Ростов-наДону, 1995.

Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766.

Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

Лызлов А.И. Скифская история. М., 1990.

Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т.31. М., 1968.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М., 1996.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. В двух томах. М., 1993.

Максимович М.А. В каком веке жил Илья Муромец? //Собрание сочинений в трех томах. Т.1. Киев, 1876.

Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.

Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 2000.

Мережковский Д.С. Атлантида — Европа: Тайна Запада. М., 1992.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.

Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Тайны языческой Руси. М., 2000.

Миллер В.Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. 1. Асвиы-Диоскуры. М., 1876.

Милюков П.Н. Расселение славян; Древнейший быт славян; Религия славян // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. 1. М., 1896.

Мир славянских богов. Калуга, 1997.

Миролюбов Ю. Риг-Веда и язычество // Собрание сочинений. Т.4. Мюнхен, 1981.

Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь. СПб., 1996.

Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1980—1982.

Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.

Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начало XVIII века. СПб., 1999.

Мюллер М. Сравнительная мифология // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863.

Надеждин Н.И. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской// Русская беседа. 1857. № 3.

Народные русские сказки. В трех томах. Сборник *А.Н. Афанасьева*. М., 1957.

Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные *А.Н. Афанасьевым* 1857—1862. М., 1997.

Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные *Я.Ф. Головацким*. М., 1878.

Начала цивилизации: *Даниленко В.Н.* Космогония первобытного общества; *Шилов Ю.А.* Праистория Руси. Екатеринбург-М., 1999

Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян. М., 1976.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.

- Никольский Н.М.* Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929.
- Никольский Н.М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.
- Норцов А.Н.* Древнейшая история Тамбовского края по греческим писателям. Тамбов, 1901.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея: пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
- Онежские былины, записанные *А.Ф. Гильфердингом*. 4-е издание. Т. 1—3. М.-Л., 1949—1951.
- Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904.
- Орбини М.* Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского... СПб., 1722.
- Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в пяти томах. Т. 1—3. М., 1994—2000. (Издание продолжается).
- Откуда есть пошла Русская Земля. Века VI—X. В двух книгах. (История Отечества в романах, повестях, документах). М., 1986.
- Ошар П.* Символ креста. М., 1927.
- Памятники литературы Древней Руси. В двенадцати томах. М., 1978—1994.
- Паранин В.И.* Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.
- Паранин В.И.* История варваров. Ч 1. СПб., 1998.
- Песни русских сектантов мистиков // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т.35. СПб., 1912.
- Песни, собранные *П.В. Киреевским*. Вып. 1—10. М., 1860—1874.
- Песни, собранные *П.Н. Рыбниковым*. 2-е издание. Т. 1—3. М., 1909—1910.
- Песни южных славян. (“Библиотека всемирной литературы”). М., 1976.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск—М., 1995.
- Петрухин В.Я.* Славяне. М., 1999.
- Петухов Ю.Д.* Дорогами богов. М., 1998.
- Погодин А.Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
- Погодин А.Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915.
- Погодин М.П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.
- Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. 1. СПб., 1798.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1—41. СПб., 1841—2001. (Издание продолжается)
- Польские народные легенды и сказки. М., 1965.
- Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.
- Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
- Потебня А.А.* Слово и миф. М. 1989э
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.

Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом к запорожцам в 1594 г. Спб., 1873.

Пытин А.Н. История русской этнографии. В четырех томах. Спб., 1890—1892.

Пытин А.Н. История славянских литератур. В двух томах. Спб., 1879—1881.

Радзивилловская летопись. (Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследования. Описание миниатюр). В двух томах. Спб., 1994.

Раич Й. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов. Ч. 1—4. Виена, 1794—1795.

Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3.

Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX—XVIII веков. М., 1990.

Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М., 1997.

Розанов В.В. В мире неясного и неразрешенного. М., 1995.

Розанов В.В. Во дворе язычников. М., 1999.

Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989.

Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М., 1994.

Русская цивилизация. / Под ред. *Б.В. Корнилова*. М., 2000.

Русская цивилизация и соборность / Под ред. *Е.С. Троицкого*. М., 1994.

Русские заговоры. М., 1993.

Русские сказки и песни в Сибири. Спб., 2000.

Русский демонологический словарь. Спб., 1995.

Русское народное искусство Севера. Л., 1968.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Русская идея, славянский космизм и станция «Мир» / Под ред. *Е.С. Троицкого*. М., 2000.

Русские. 1997.

Русские. Историко-этнографический атлас. 1967.

Русские: Семейный и общественный строй. М., 1989.

Русско-славянская цивилизация: Исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности / Под ред. *Е.С. Троицкого*. М., 1998.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. Ч. 1. Вып. 1. Новочеркасск, 1915.

Самокусов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Сборник великорусских сказок архива русского географического общества. Вып. 1—2. Пг., 1917.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1—2. М., 1994—1995.

Святский Д.О. Под сводом хрустального неба: Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения. СПб., 1913.

Святский Д.О. Соловецкие лабиринты и культ Солнца // Мироведение. Т. 17. 1928. № 2.

Северные сказки. (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник *Н.Е. Ончукова*. СПб., 1908.

Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Семенова М. Мы — славяне. СПб., 1997.

Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987.

Сербский эпос. В 2-х томах. М., 1960.

Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность. СПб., 1997.

Синописис. Киев, 1674 и последующие 30 изданий.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Сказания русского народа, собранные *И. Сахаровым*. Т. 1. СПб., 1841; Т.2. СПб., 1849.

Сказки народов Югославии. М., 1962.

Сказки народов мира в десяти томах. М., 1987—1994.

Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб., 1997.

Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 1. М., 1997.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., (издание продолжается).

Славянский мир. Этнографическая выставка 1867 года. СПб., 2000.

Славянский фольклор (тексты). М., 1987.

Славянское движение. М., 1998.

Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—25. М., 1975—2000. (Издание продолжается).

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Соколовы Б.М. и Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. Т. 1—2. М. 1915.

Солнечный конь: Словацкие сказки. М., 1975.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1—15. М., 1959—1966.

Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Сочинения. Т. 19. М., 1996.

Срезневский И.И. Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.

Срезневский И.И. Об обожании Солнца у древних славян // Журнал министерства народного просвещения. Ч.51. 1846.

- Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.
- Сторожевы А. И В.* Россия во времени. Кн. 1. Древняя история сибирских и славянских народов. Сургут-Москва, 1997.
- Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996.
- Сумцов Н.Ф.* Религиозно-мифическое значение малорусской свадьбы. Киев, 1885.
- Татищев В.Н.* История Российская. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1994—1996.
- Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Телегин С.М.* Мифология восточных славян. М., 1994.
- Терещенко А.В.* Быт русского народа. Вып. 1—7. М., 1997—1999.
- Тилак Б.* Арктическая родина в ведах. М., 2001.
- Толстой И.И.* О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки русского археологического общества. Т.3. Вып. 3/4; СПб., 1888.
- Топоров В.Н.* Предыстория литературы славян: Опыт реконструкции. М., 1998.
- Тредиаковский В.К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских... // Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 3. СПб., 1849.
- Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- Троцкий Е.С.* Русская нация. М., 1959.
- Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
- Трубачев О.Н.* *Indoarika* в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Тулаев П.В.* Венеты: предки славян. М., 2000.
- Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Украинские народные сказки. М., 1956.
- Украинские сказки. В двух томах. М., 1992—1993.
- Украинцы. М., 2001.
- Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.
- Фаминцын А.С.* Божество древних славян. СПб., 1995.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.
- Флоринский В.М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. В двух томах. Томск, 1894—1897.
- Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
- Фольклор Русского Устья. М., 1986.
- Хрестоматия по истории южных и западных славян. В трех томах. Минск, 1987—1991.
- Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Чертков А.Д.* О языке пеласгов, населявших Италию, и сравнении его с древле-словенским // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 25. М., 1857.
- Чешские народные сказки. М., 1956.
- Чудинов В.А.* Реабилитация славянских надписей. М., 1999.

- Чудинов В.А.* Славяне: письмо и имя. Ч. 1, 2. М., 2000.
1998. *Чудинов В.А.* Славянская мифология и очень древние надписи. М., 1998.
- Шавли Й., Бор М., Томажич И.* Венеты: первые строители европейского сообщества. М., 2001.
- Шамбаров В.Е.* Русь: дорога из глубин тысячелетий. М., 1999.
2000. *Шафаревич И.Р.* Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000.
- Шафарик П.Й.* О Свароге, боге языческих славян. Б/м., 1843.
- Шафарик П.Й.* Славянские древности. Т. 1-2. М., 1837-1848.
- Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1.
- Шепинг Д.О.* Мифы славянского язычества. М., 1997.
- Шергин Б.В.* Океан — море русское. М., 1959.
- Шилов Ю.А.* Прародина ариев. Киев, 1995.
- Шрадер О.* Индоевропейцы. СПб., 1913.
2000. *Шумов С.А., Андреев А.Р.* История Словакии. V — XX века. М., 2000.
- Щербаков В.И.* Асгард — родина богов. М., 2000.
- Щербаков В.И.* Века Трояновы. М., 1995.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
- Эпос славянских народов.* Хрестоматия. М., 1959.
- Эрбен (Ербен) К.Я.* О славянской мифологии. (Письмо к А.Ф. Самарину). // Русская беседа. 1857. Кн. 4.
- М., 1997. *Этнография восточных славян.* Очерки традиционной культуры. М., 1997.
- Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910.

АННОТАЦИЯ

Книга доктора философских наук Валерия Никиттича Демина посвящена истории и предыстории славянских народов, вычленению их из первичной индоевропейской этнолингвистической общности и возникновению уникальной славянской культуры и славянского менталитета в русле общечеловеческих ценностей. Особое внимание уделяется сакральным аспектам славянского мировоззрения и его связи с общемировой мифологией и эзотерикой.